

Народное население

ISSN 1561-7785

3. 2020

июль – сентябрь

- **Уровень, качество и условия жизни населения**
- **Проблемы здравоохранения и социального обслуживания**
- **Пространственная демография**
- **Проблемы занятости и рынка труда**

МОСКВА

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ
НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ ФНИСЦ РАН (ИСЭПН ФНИСЦ РАН)

Народонаселение

Е Ж Е К В А Р Т А Л Ь Н Ы Й Н А У Ч Н Ы Й Ж У Р Н А Л

2020. Том 23. № 3 (июль-сентябрь)

DOI: 10.19181/population.2020.23.3

Учредитель и издатель:

**Федеральный научно-исследовательский
социологический центр
РАН (ФНИСЦ РАН)**

ISSN1561–7785 (print)

Журнал зарегистрирован 21 мая 1996 г.,

перерегистрирован 20 июля 2020 г.,

серия ПИ № ФС77–78718.

Индекс подписки в каталоге агентства «Роспечать»
«Газеты и журналы» – 79183.

Журнал включен ВАК в «Перечень рецензируемых
научных изданий, в которых должны быть
опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени
кандидата наук, ученой степени доктора наук»,
индексируется РИНЦ и WoS RSCI.

Главный редактор:

Локосов В.В., д. соц. н., проф. (Москва, Россия).

Редакционная коллегия:

Аганбегян А.Г., академик РАН (Москва, Россия);

Александрова О.А., д.э.н. (Москва, Россия);

Бобков В.Н., д.э.н., проф. (Москва, Россия);

Карелова Г.Н., д.э.н., проф. (Москва, Россия);

Каткова И.П., д. мед. н., проф. (Москва, Россия);

Котляров И.В., д. соц. н., проф. (Минск, Беларусь);

Попельский К., д.п.н., проф. (Люблин, Польша);

Ракаускаене О.Г., д.э.н., проф. (Вильнюс, Литва);

Риччери М., д.э.н., проф. (Рим, Италия);

Русанова Н.Е., д.э.н., проф. (Москва, Россия);

Рыбаковский Л.Л., д.э.н., проф. (Москва, Россия);

Рыбаковский О.Л. д.э.н. (Москва, Россия);

Рюмина Е.В., д.э.н., проф. (Москва, Россия);

Рязанцев С.В., чл.-корр. РАН (Москва, Россия);

Синельников А.Б., д. соц. н., проф. (Москва, Россия);

Теодорович М.Л., д. соц. н., проф. (Н. Новгород, Россия);

Токсанбаева М.С., д.э.н. (Москва, Россия);

Фуци С., д. фил. н., проф. (Пекин, Китай);

Хепп Р., д.э.н., проф. (Берлин, Германия);

Шабунова А.А., д.э.н. (Вологда, Россия).

Ответственный секретарь:

Симагин Ю.А., к.г.н., доцент (Москва, Россия).

Редактор перевода на английский язык:

Войтенкова Г.Ф., к. ист. н. (Москва, Россия).

© Редакция журнала «Народонаселение», 2020.

© ИСЭПН ФНИСЦ РАН, 2020.

Адрес редакции:

117218, Москва, Нахимовский пр-т, 32. Тел.: +7(499)1290801.

E-mail: isesp-population@yandex.ru. Website: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/population>

Отпечатано в типографии ООО «Фабрика Офсетной Печати»

www.fop.ru; e-mail: info@fop.ru

Заказ № 23956. Тираж 1000 экз.

INSTITUTE OF SOCIO-ECONOMIC STUDIES OF
POPULATION FCTAS RAS (ISESP FCTAS RAS)

Population

QUARTERLY SCIENTIFIC JOURNAL

2020. Vol. 23. No. 3 (July-September)

DOI: 10.19181/population.2020.23.3

Founder and publisher:

**Federal Center of Theoretical and Applied
Sociology RAS (FCTAS RAS)**

ISSN 1561-7785 (print)

The journal was registered on May 21, 1996 and

re-registered on July 20, 2020,

Series ПИ № ФС77-78718.»

Subscription index in the Rospechat agency catalogue
"Newspapers and Magazines": 79183.

The journal is included by the State Commission for
Academic Degrees and Titles in the List of Russian
peer-reviewed scientific journals, publication in which
is required for defense of Candidate's and Doctor's
theses, it is indexed in RSCI and WoS RSCI.

Editor in Chief:

Lokosov V.V., Dr.Sc. (Sociol.) (Moscow, Russia).

Editorial Board:

Aganbegian A.G., RAS Academician (Moscow, Russia);
Aleksandrova O.A., Dr.Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Bobkov V.N., Dr.Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Karelova G.N., Dr.Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Katkova I.P., Dr.Sc. (Med.) (Moscow, Russia);
Kotlyarov I.V., Dr.Sc. (Sociol.) (Minsk, Belarus);
Popielsky K., Dr.Sc. (Psychol.) (Lublin, Poland);
Rakauskiene O.G., Dr.Sc. (Econ.) (Vilnius, Lithuania);
Riccieri M., Dr.Sc. (Econ.) (Rome, Italy);
Rusanova N.E., Dr.Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Rybakovsky L.L., Dr.Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Rybakovsky O.L., Dr.Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Ryumina E.V., Dr.Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Ryazantsev S.V., RAS Corr. Member (Moscow, Russia);
Sinelnikov A.B., Dr.Sc. (Sociol.) (Moscow, Russia);
Teodorovich M.L., Dr.Sc. (Sociol.) (Nizhny Novgorod, Russia);
Toksanbaeva M.S., Dr.Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Futsi Xiue, Dr.Sc. (Philos.) (Beijing, China);
Hepp R., Dr.Sc. (Econ.) (Berlin, Germany);
Shabunova A.A., Dr.Sc. (Econ.) (Vologda, Russia).

Executive secretary:

Simagin Yu.A., Cand.Sc. (Geogr.) (Moscow, Russia).

Editor of English translation:

Voytenkova G.F., Cand.Sc. (Hist.) (Moscow, Russia).

© Editorial Board of the journal «Narodonaselenie» (Population), 2020.

© ISESP FCTAS RAS, 2020.

Postal address of the Editorial Board:

32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218. Tel: +7(499)1290801.

E-mail: isesp-population@yandex.ru. Website: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/population>

Printed at the printing house «Offset Printing House»

www.fop.ru; e-mail: info@fop.ru

Order № 23956. Circulation 1000 copies

СОДЕРЖАНИЕ

Народонаселение. 2020. Том 23. № 3 (июль-сентябрь)

УРОВЕНЬ, КАЧЕСТВО И УСЛОВИЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

Бобков В. Н., Одинцова Е. В., Гулюгина А. А. ПОТРЕБИТЕЛЬСКАЯ КОРЗИНА КАК ОСНОВА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГАРАНТИЙ МИНИМАЛЬНЫХ ДЕНЕЖНЫХ ДОХОДОВ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН (часть первая).....	4
Рюмина Е. В. КАЧЕСТВЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ НАСЕЛЕНИЯ И СОСТОЯНИЕ ЭКОНОМИКИ: АНАЛИЗ ОТДЕЛЬНЫХ ГРУПП РЕГИОНОВ РОССИИ	16
Федотов А. А. ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕЖДУ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ ПОТЕНЦИАЛОМ И КАЧЕСТВОМ ЖИЗНИ: РЕЗУЛЬТАТЫ КОРРЕЛЯЦИОННОГО АНАЛИЗА	25
Алексеева О. А., Бестужева О. Ю., Вершинская О. Н., Скворцова Е. Е. ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ НА СОВРЕМЕННЫЙ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УКЛАД.....	36
Ярашева А. В., Макар С. В., Симагин Ю. А. ПОВЕДЕНЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА: НАСЕЛЕНИЕ НА РЫНКЕ КРЕДИТНЫХ УСЛУГ.....	48

ПРОБЛЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ

Корчагина И. И., Прокофьева Л. М. ОЦЕНКИ НУЖДАЕМОСТИ В ДОЛГОВРЕМЕННОМ УХОДЕ: ОПЫТ ФРАНЦИИ И РОССИИ.....	59
Янцен М. А. СОЦИАЛИЗАЦИЯ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	71
Черкашин А. К. НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗМЕНЕНИЯ ОПАСНОСТИ РАЗВИТИЯ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА COVID-19: МАТЕМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ И СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ	83

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Пациорковский В. В. НАСЕЛЕНИЕ И РЕГИОНЫ В СТРАТЕГИИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ СТРАНЫ.....	96
Шаров С. Ю. РЕСУРСЫ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО РАССЕЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	109
Рыбаковский О. Л., Фадеева Т. А. ДЕПОПУЛЯЦИЯ В РЕГИОНАХ РОССИИ К НАЧАЛУ 2020 ГОДА.....	119
Авдеев Ю. А., Сидоркина З. И., Ушакова В. Л. ТЕНДЕНЦИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В РАЙОНАХ РОССИЙСКОЙ ВОСТОЧНОЙ АРКТИКИ.....	130
Джумабаева Ш. Х. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕСПУБЛИКИ КАРАКАЛПАКСТАН	145

ПРОБЛЕМЫ ЗАНЯТОСТИ И РЫНКА ТРУДА

Золотов А. В. ОБ ИССЛЕДОВАНИЯХ ЗАКОНОМЕРНОГО ХАРАКТЕРА, ФАКТОРОВ, ЭФФЕКТОВ И ПЕРСПЕКТИВ ДИНАМИКИ РАБОЧЕГО ВРЕМЕНИ В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ	155
Коленникова О. А. ДЛИТЕЛЬНОСТЬ ПОИСКА РАБОТЫ И ЗАРПЛАТНЫЕ ОЖИДАНИЯ БЕЗРАБОТНЫХ.....	169

CONTENTS

Narodonaselenie [Population]. 2020. Vol. 23. № 3 (July-September)

QUALITY, STANDARDS AND CONDITIONS OF LIFE

Vyacheslav N. Bobkov, Elena V. Odintsova, Aleftina A. Gulyugina CONSUMER BASKET AS THE BASIS FOR THE STATE GUARANTEES OF MINIMUM MONETARY INCOME OF RUSSIAN CITIZENS (Part 1)	4
Elena V. Ryumina QUALITATIVE CHARACTERISTICS OF POPULATION AND THE STATE OF THE ECONOMY: ANALYSIS OF CERTAIN GROUPS OF RUSSIAN REGIONS	
Artem A. Fedotov RELATIONSHIP BETWEEN HUMAN POTENTIAL AND QUALITY OF LIFE: RESULTS OF CORRELATION ANALYSIS	25
Olga A. Alekseyeva, Oksana Yu. Bestuzheva, Olga N. Vershinskaya, Elena E. Skvortsova IMPACT OF DIGITAL TRANSFORMATION ON MODERN SOCIO-ECONOMIC ORDER.....	36
Aziza V. Yarasheva, Svetlana V. Makar, Yury A. Simagin BEHAVIORAL ECONOMY: POPULATION IN THE CREDIT SERVICES MARKET	48

ISSUES OF HEALTHCARE AND SOCIAL SERVICES

Irina I. Korchagina, Lidia M. Prokofieva LONG-TERM CARE NEEDS ASSESSMENTS: FRENCH AND RUSSIAN EXPERIENCE.....	59
Marina A. Yantsen SOCIALIZATION OF THE ELDERLY: SOCIOLOGICAL ASPECT	71
Alexander K. Cherkashin NATIONAL CHARACTERISTICS OF CHANGES IN THE HAZARD OF DEVELOPMENT OF THE COVID-19 CORONAVIRUS PANDEMIC: MATHEMATICAL MODELING AND STATISTICAL ANALYSIS	83

SPATIAL DEMOGRAPHY

Valery V. Patsiorkovsky POPULATION AND REGIONS IN THE STRATEGY FOR THE COUNTRY SPATIAL DEVELOPMENT	96
Sergey Yu. Sharov RESOURCES FOR RURAL SETTLEMENT DEVELOPMENT IN MODERN RUSSIA	109
Oleg L. Rybakovsky, Tamara A. Fadeeva DEPOPULATION IN THE REGIONS OF RUSSIA BY THE BEGINNING OF 2020.....	119
Yury A. Avdeev, Zinaida I. Sidorkina, Valentina L. Ushakova DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT TRENDS IN THE RUSSIAN EASTERN ARCTIC	130
Shoira Kh. Djumbaeva DEMOGRAPHIC POTENTIAL OF THE REPUBLIC OF KARAKALPAKSTAN	145

EMPLOYMENT AND LABOR MARKET ISSUES

Aleksandr V. Zolotov ON THE STUDIES OF THE REGULAR CHARACTER, FACTORS, EFFECTS AND PERSPECTIVES OF THE WORKING TIME DYNAMICS IN MODERN ECONOMY	155
Olga A. Kolennikova JOB SEARCH DURATION AND WAGE EXPECTATIONS OF THE UNEMPLOYED.....	169

УРОВЕНЬ, КАЧЕСТВО И УСЛОВИЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

DOI: 10.19181/population.2020.23.3.1

ПОТРЕБИТЕЛЬСКАЯ КОРЗИНА КАК ОСНОВА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГАРАНТИЙ МИНИМАЛЬНЫХ ДЕНЕЖНЫХ ДОХОДОВ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН (ЧАСТЬ ПЕРВАЯ)

Бобков В. Н.^{1,2*}, Одинцова Е. В.¹, Гулюгина А. А.³

¹Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН
(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)

²Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова
(117997, Россия, Москва, Стремянный пер., 36)

³Редакция журнала «Уровень жизни населения регионов России»
(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)

*E-mail: bobkovvn@mail.ru

Финансирование:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ по проекту № 19-110-50355.

Для цитирования:

Бобков В. Н., Одинцова Е. В., Гулюгина А. А. Потребительская корзина как основа государственных гарантий минимальных денежных доходов российских граждан (часть первая) // Народонаселение. — 2020. — Т. 23. — № 3. — С. 4-15. DOI: 10.19181/population.2020.23.3.1

Аннотация. В статье представлен обзор специальных источников, результатов научных исследований, идей и дискуссий по следующим направлениям, связанным с формированием потребительской корзины (ПК): 1) методы формирования потребительских корзин в РФ и за рубежом, их преимущества и недостатки; 2) состав и нормы потребления товаров и услуг, которые могут быть рекомендованы для удовлетворения основных потребностей населения; 3) подходы к определению взаимосвязи фактического потребления товаров и услуг населением с низкими доходами с составом и нормами потребления продуктов питания, непродовольственных товаров и услуг в ПК; 4) минимальные государственные гарантии, которые целесообразно увязывать со стоимостной оценкой ПК; 5) преимущества и недостатки действующей методики формирования ПК; 6) новые направления исследований и предложения по изменению состава и нормативной базы ПК, способов определения стоимости и их влияния на уровень удовлетворения потребностей населения в продуктах питания, непродовольственных товарах и платных услугах, их сравнение; 7) сопоставление стоимости ПК, вытекающей из различных подходов к ее определению, размеров минимальных государственных гарантий и фактических денежных доходов: модальных, медианных и среднедушевых; 8) альтернативные подходы к установлению границ денежных доходов для определения государственных гарантий минимальных денежных доходов, преимущества и недостатки их использования в условиях РФ. Предложены выводы и рекомендации, которые могли бы способствовать формированию и введению в 2021 г. научно обоснованной ПК в целях повышения уровня и качества жизни российских граждан. Статья состоит из двух частей. В Первой части статьи раскрываются первые два из указанных направлений, связанных с формированием ПК.

Ключевые слова: потребительская корзина, зарубежные и российские методы формирования потребительских корзин, прожиточный минимум, минимальный потребительский бюджет, социально приемлемая потребительская корзина, абсолютная и относительная монетарная бедность, немонетарная бедность, многомерная бедность, безусловный базовый доход, гарантии минимальных денежных доходов.

Введение

В 2021 г. должна вступить в действие актуализированная потребительская корзина прожиточного минимума. В течение последующих пяти лет она будет выполнять важную роль для установления черты бедности и определения уровня государственных гарантий минимальных денежных доходов и других мер социальной защиты граждан Российской Федерации: минимального размера оплаты труда, стипендий, пособий и других социальных выплат, а также государственной социальной помощи. Действующая потребительская корзина устанавливалась в 2013 г. В ней многое надо менять, и в этом среди экспертов имеется консенсус. Различия состоят в конкретных предложениях. В дискуссиях выдвигаются идеи об отказе от минимального набора продуктов питания, от нормативно-статистического метода формирования и определения стоимости потребительской корзины и другие. Предлагается формировать базовый продовольственный набор, наряду с ним определять модельные наборы непродовольственных товаров и платных услуг, появляются другие идеи пересмотра состава и способов определения стоимости потребительской корзины. Такого рода дискуссии активизируются в преддверии пересмотра потребительской корзины, который должен происходить один раз в пять лет. Статья посвящена научному анализу специальных источников перспективных идей и подходов к решению этой назревшей проблемы.

Применяемые методы формирования потребительских корзин в Российской Федерации и за рубежом

Потребительская корзина (ПК) — это минимальный набор продуктов питания, непродовольственных товаров и услуг, которые необходимы для сохранения здоровья человека и обеспечения его жизнедеятельности¹. Для ее формирования в зарубежной

и российской практике востребованы такие методы, как: 1) нормативный, предполагающий определение состава ПК (продукты питания, непродовольственные товары и услуги) в натуральных показателях (нормативах потребления); 2) нормативно-статистический (комбинированный), предусматривающий, как правило, формирование продовольственной корзины в натуральных показателях и определение в соотношении с ее стоимостью (в процентах) непродовольственной части ПК; 3) статистический, при котором определение ПК проводится на основе фактических расходов населения в одной из нижних групп населения по уровню доходов [1; 2].

Примером зарубежной практики нормативного определения ПК является опыт Канады, где нормативная ПК используется для расчета минимальной стоимости жизни, абсолютного измерения низкого дохода и позволяет рассчитать расходы, необходимые для обеспечения скромного базового² уровня жизни и социализации. Канадская ПК формируется и рассчитывается для полной двухдетной семьи и включает две нормативные составляющие — продовольственную и непродовольственную корзины [3. С. 35–44]. По своему составу нормативная продовольственная корзина Канады в сравнении с действующей корзиной России³ является более разнообразной по ассортиментному составу. Например, мясо- и рыбопродукты в российской корзине суммарно включают 6 наименований, а в канадской корзине помимо 10 наименований в группе «Мясо, птица,

base=LAW&n=321557&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.678482240734031*08036394177015422 (дата обращения: 12 мая 2020).

² Market Basket Measure (MBM) thresholds for the reference family by Market Basket Measure region, component and base year // Statistics Canada. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www150.statcan.gc.ca/t1/tbl1/en/tv.action?pid=1110006601> (дата обращения: 16 мая 2020).

³ Постановление Правительства Российской Федерации № 54 от 28.01.2013 (редакция от 26.12.2018) «Об утверждении методических рекомендаций по определению потребительской корзины для основных социально-демографических групп населения в субъектах Российской Федерации». [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=314778&fld=134&dst=100001,0&rnd=0.5780938609502049*005074422600635797 (дата обращения: 16 мая 2020).

¹ Федеральный закон № 134-ФЗ от 24.10.1997 (редакция от 01.04.2019) «О прожиточном минимуме в Российской Федерации». [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&>

рыба», также предусматриваются заменители мяса (3 наименования).

Нормативная непродуктовыйная корзина Канады включает: 1) минимально необходимые предметы одежды для полной двухдетной семьи; 2) расходы на жилье (затраты на аренду квартиры для семьи, определяемые с учетом среднего значения медианной стоимости аренды); 3) основные транспортные расходы, определяемые дифференцированно для городских (расходы на общественный транспорт и оплата фиксированного числа поездок на такси) и сельских (расходы на приобретение (каждые 5 лет) автомобиля компактного класса и на его эксплуатацию) районов; 3) прочие расходы (товары и услуги базового потребления; определяются через коэффициент, фиксирующий долю этих расходов в расходах на питание и одежду семьи, которая по уровню доходов относится к 20-му процентилю) [3. С. 38–44]. Стоимость годовой ПК в Канаде в 2018 г., например, для провинции Нью-Брансуик (сельская местность) составляла 38713 долл., для города Торонто (провинция Онтарио) — 42 101 доллар⁴.

Еще одним примером применения нормативного метода определения ПК является опыт близкой России по историческим корням, менталитету и традициям Украины. Нормативная ПК для разных социально-демографических групп населения включает: набор продуктов питания; минимальные наборы предметов гардероба, текстильного белья, предметов первой потребности, санитарии и лекарств, товаров культурно-бытового и хозяйственного назначения; минимальные наборы услуг — жилищно-коммунальных и связи, бытовых, транспортных, учреждений культуры⁵. С 01.01.2020 г.

(до 01.07.2020 г.) величина прожиточного минимума (ПМ) на Украине в среднем в месяц составляла 2027 гривен; уровень обеспечения ПМ для назначения социальной помощи определяется в процентах к ПМ и, например, для трудоспособных лиц составляет 25%, для детей с 01.01.2020—85%, с 01.07.2020—130%⁶.

Обширный опыт применения нормативного метода формирования ПК имеется в России: в советское время (1917–1991 гг.), а также в постсоветский период. В течение 2000–2012 гг. нормативный метод в России использовался для определения ПК для основных социально-демографических групп населения [4]⁷.

Наиболее известным примером зарубежной практики использования нормативно-статистического метода является опыт США, где таким способом определяется официальная линия абсолютной монетарной бедности, которая представляет собой порог, соответствующий трехкратной стоимости минимального рациона питания (установлен в 1963 г.), корректируемый с учетом размера и состава семьи и определяемый с использованием индекса потребительских цен [2. С. 65–66; 5]. Данная линия бедности в 2018 г., например, для домохозяйства из 1 человека в возрасте до 65 лет составляла 13064 долл., для 4 чел. с 2 детьми — 25465 долларов⁸.

Другим примером использования нормативно-статистического метода формирова-

жим доступа: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/966-14> (дата обращения: 25 мая 2020).

⁶ Закон України «Про Державний бюджет України на 2020 рік». [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/294-IX?lang=uk> (дата обращения: 19 мая 2020).

⁷ Федеральный закон № 201-ФЗ от 20.11.1999 «О потребительской корзине в целом по Российской Федерации» (утратил силу). [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_24970/ (дата обращения: 22 мая 2020); Федеральный закон № 44-ФЗ от 31.03.2006 «О потребительской корзине в целом по Российской Федерации» (утратил силу). [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59321/ (дата обращения: 22 мая 2020).

⁸ What Are Poverty Thresholds And Poverty Guidelines? // Institute for research on poverty. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.irlp.wisc.edu/resources/what-are-poverty-thresholds-and-poverty-guidelines/> (дата обращения: 17 мая 2020).

⁴ Market Basket Measure (MBM) thresholds for the reference family by Market Basket Measure region, component and base year // Statistics Canada. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www150.statcan.gc.ca/t1/tbl1/en/tv.action?pid=1110006601> (дата обращения: 16 мая 2020).

⁵ Постанова Кабінету міністрів України № 780 від 11 жовтня 2016 р. «Про затвердження наборів продуктів харчування, наборів непродуктових товарів та наборів послуг для основних соціальних і демографічних груп населення». [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/780-2016-%D0%BF> (дата обращения: 21 мая 2020); Закон України від 15.07.1999 № 966-XIV «Про прожитковий мінімум». [Электронный ресурс] — Ре-

ния ПК является опыт Италии, где она положена в основу измерения абсолютной монетарной бедности⁹. Минимальная ПК в Италии включает три составляющие: 1) продукты питания и напитки; 2) расходы на жилье (расходы на аренду жилья (на основе национальных нормативов минимального размера площади жилья), расходы на электроэнергию, отопление, а также предметы длительного пользования (телевизор, холодильник, стиральная машина и неэлектрическая плита)); 3) прочие расходы (в процентах от расходов на продукты питания и напитки) [2. С. 66–67]. Стоимость минимальной ПК в Италии с учетом типа муниципалитета и территориальной зоны, а также размера и состава домохозяйства варьирует, и, например, для домохозяйства из 1 человека в возрасте 18–59 лет в 2018 г. она составляла от 563,77 евро до 834,66 евро¹⁰.

В России нормативно-статистический метод формирования ПК применялся в 1992–1999 гг. [4; 6. С. 10] и применяется с 2013 г. по настоящее время¹¹. В действующей российской ПК продовольственная часть составляет половину от ПК¹², в то время как, к примеру, в США она составляет одну треть [2. С. 65–66; 5]. Расходы на жилье и коммунальные услуги в российской ПК не дифференцируются в рамках расходов на услуги, которые определяются в целом в процентах от стоимости продуктов питания¹³, а практика формирования ПК в Италии, напротив, предполагает выделение данных расходов в качестве самостоятельного компонента [2, с. 66–67].

Одной из стран, в которых применяется статистический метод формирования ми-

нимальной ПК, является Швейцария. Стандартный уровень помощи в Швейцарии (социальный прожиточный минимум) ориентирован на обеспечение основных потребностей, присущих скромному образу жизни, которые включают: 1) расходы на продукты питания, непродовольственные товары и услуги; 2) расходы на жилье и 3) другие необходимые расходы¹⁴ [7]. Первая составляющая ориентирована на стандартную корзину товаров и услуг, ограниченную нижним децилем шкалы доходов, и включает расходы по 13 группам: еда, напитки и табак, одежда и обувь, потребление энергии (электричество, газ и т.д.) без арендной платы, расходы на здравоохранение (например, лекарства, купленные без рецепта), обучение и развлечения (например, радио/телевидение, компьютер, принтер, спорт, игры, газеты, книги, плата за обучение) и др. [7]. Величина ПМ в 2018 г. составила для 1 человека — 2293 франков в месяц, для семьи из 4 человек (2 взрослых и 2 детей в возрасте до 14 лет) — 3968 франков в месяц¹⁵.

Статистический метод определения ПК также востребован в Германии, где она определяется по 12 группам стандартных потребностей: продукты питания, напитки и табачные изделия (1–2); одежда, обувь (3); жилье, электричество и содержание жилья (4); интерьер, бытовая техника и предметы повседневного домашнего обихода (5); здравоохранение (6); транспорт (7); связь (8); досуг, развлечения и культура (9); образование (10); услуги по размещению и ресторанов (11), а также другие товары и услуги (12)¹⁶. С 01.01.2019 г. расходы на стандартные

⁹ Poverty in Italy. Year 2018 // IStat. [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://www.istat.it/it/files//2019/07/Povert%C3%A0_2018_EN.pdf (дата обращения: 17 мая 2020).

¹⁰ Там же.

¹¹ Федеральный закон № 227-ФЗ от 03.12.2012 (редакция от 28.12.2017) «О потребительской корзине в целом по Российской Федерации». [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?rnd=DEE6440504D2AD3A3BF5BDA51354159&req=doc&base=LAW&n=286544&dst=100034&fld=134&stat=refcode%3D16876%3Bdstident%3D100034%3Bindex%3D0#22lizz7ijqi> (дата обращения: 12 мая 2020).

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Poverty Measurement in Switzerland // The Swiss Federal Statistical Office. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.bfs.admin.ch/bfs/en/home/statistics/economic-social-situation-population/economic-and-social-situation-of-the-population/poverty-and-material-deprivation/poverty.assetdetail.303358.html> (дата обращения: 25 мая 2020).

¹⁵ Poverty // The Swiss Federal Statistical Office. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.bfs.admin.ch/bfs/en/home/statistics/economic-social-situation-population/economic-and-social-situation-of-the-population/poverty-and-material-deprivation/poverty.html> (дата обращения: 19 мая 2020).

¹⁶ Gesetz zur Ermittlung der Regelbedarfe nach § 28 des Zwölften Buches Sozialgesetzbuch (Regelbedarfs-Ermittlungsgesetz — RBEG) // Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz. [Электронный

потребности составляли (с учетом семейного статуса и возраста) от 245 до 424 евро в месяц [8. С. 52–53]. Позитивной практикой Швейцарии и Германии является то, что при статистическом методе формирования ПК составляющие их расходы конкретизированы по наименованиям укрупненных групп, что позволяет учитывать различные потре-

ПК расходы на товары, как и на услуги, определяются в целом — в процентах от стоимости продуктов питания¹⁷.

Все три метода, применяемые в зарубежной и российской практике для определения минимальных ПК, имеют свои преимущества и недостатки, которые обобщены в таблице 1.

Таблица 1

Преимущества и недостатки разных методов формирования потребительских корзин (ПК) прожиточного минимума

Table 1

Advantages and disadvantages of different methods of forming consumer baskets of subsistence minimum

Преимущества метода формирования ПК	Недостатки метода формирования ПК
<i>Нормативный метод</i>	
1. Конкретизация состава товарных наборов в ПК — продуктов питания, непродовольственных товаров, услуг. 2. Конкретизация норм потребления по всему перечню товарных позиций, включенных в состав ПК, с учетом факторов, влияющих на особенности потребления различных групп населения. 3. Возможность оперативной корректировки действующей модели потребления по отдельным товарным позициям. 4. Обеспечивается полноценная обоснованность размеров государственных минимальных гарантий доходов населения.	1. Требуется проработки большого объема нормативной, статистической и другой информации, формирующей уровень и качество жизни и фактическое потребление населения. 2. Требуется привлечения широкого круга специалистов и исследователей для разработки ПК. 3. Требуется проведения детальной экспертизы устанавливаемых нормативных наборов ПК — продуктов питания, непродовольственных товаров, услуг.
<i>Нормативно-статистический метод</i>	
1. Требуется обоснования натурального состава не всей, а части ПК. 2. Более гибкий для учета фактических расходов низодоходных групп населения в их ненормируемой части.	1. Статистический метод определения ненормируемой части ПК не учитывает стандарты по обеспечению отдельных видов потребностей населения. 2. Организационные и методологические особенности формирования статистических данных становятся важным фактором, влияющим на размеры государственных минимальных гарантий доходов населения. 3. Нормативно-статистическая модель ПК не обеспечивает комплексное/детальное обоснование размеров государственных минимальных гарантий доходов.
<i>Статистический метод</i>	
1. Простота метода, обусловленная наиболее точным соответствием величины расходов ПК фактическим расходам низодоходных групп населения. 2. Возможность оперативной актуализации ПК.	1. Перенос в утверждаемые стандарты минимальных государственных гарантий сложившихся переколов в структуре фактического потребления населения. 2. Отсутствие научно обоснованных корректировок фактического потребления для балансирования питания, обеспечивающего сохранение здоровья, и для отражения минимальных норм непродовольственных товаров и услуг, соответствующих базовым потребностям.

Источники: составлено на основе [2; 3; 5; 6; 9–11].

ности в необходимых базовых товарах и услугах. В России при статистическом методе определения непродовольственной части

ресурса] — Режим доступа: https://www.gesetze-im-internet.de/rbeg_2017/BjNR315910016.html (дата обращения: 16 мая 2020).

¹⁷ Федеральный закон № 227-ФЗ от 03.12.2012 (редакция от 28.12.2017) «О потребительской корзине в целом по Российской Федерации». [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?rnd=DEE6440504D2AD3A3BF5BDAA51354159&req=doc&base=LAW&n=286544&dst=100034&fld=134&stat=refcode%3D16876%3Bdstiden%3D100034%3Bindex%3D0%22lizz7ijqi> (дата обращения: 12 мая 2020).

Методы формирования минимальных ПК имеют свои особенности при реализации на практике в конкретных странах и могут сопровождаться дискуссиями относительно их совершенствования. Так, например, действующий в США подход к определению абсолютной монетарной линии бедности на основе нормативно-статистического метода подвергается критике со стороны экспертов и политиков: он, по их мнению, не отражает современных расходов и ресурсов, исключая собственные расходы граждан на медицинское обслуживание и пр., не корректируется с учётом изменений в уровне жизни, нуждается в пересмотре в связи с изменениями в структуре потребительских расходов и др. [5; 11. С. 63–72].

Состав и нормы потребления товаров и услуг, рекомендованные для удовлетворения основных потребностей населения

В СССР и в России интерес к вопросам формирования социальных стандартов потребления товаров и услуг обусловлен практикой становления и развития плановой социалистической экономики. В 1970–1980-е гг. начала складываться система нормативных потребительских бюджетов (ПБ). Она включала в себя ПК: бюджетов минимума материальной обеспеченности, перспективных ПБ (минимальные ПБ) и рациональных ПБ [12–16]. Переход от бюджетов минимума материальной обеспеченности к перспективным ПБ предусматривал более высокий уровень потребления. В 1991 г. был принят Указ Президента СССР «О минимальном потребительском бюджете» (МПБ)¹⁸. Рациональный ПБ разработчиками рассматривался как эталон, к которому надо стремиться в целях роста благосостояния с использованием инструментов народнохозяйственного планирования. Тема конструирования системы нормативных ПБ рассматривалась в контексте обоснования размеров доходов

населения, необходимости обеспечения воспроизводства рабочей силы и душевых доходов семей работников. Особенности уровня жизни в РФ и их отражение в региональном зонировании ПК всесторонне исследовались в 80–90-х годах прошлого столетия [например, 17–19]. Все эти разработки создали теоретико-методологический фундамент, обеспечивший дальнейшее развитие отечественных научных школ в этой области, в том числе, при переходе в 1990-е годы от плановой экономики к рыночной.

В начале 1990-х гг. после распада СССР, вследствие значительных изменений в социальных и материальных условиях жизни населения, возобладала жесткая позиция, состоящая в минимизации состава входящих в ПК товаров и услуг, в ориентации на минимум затрат по их приобретению и обосновании целесообразности перехода от нормативного к нормативно-статистическому методу их формирования (нормативная продовольственная корзина, стоимость которой рассчитывается по наиболее дешевым товарам-представителям и статистически определяемая доля расходов на непродовольственные товары и платные услуги). Предлагалось принять в ПМ долю расходов на питание в размере 80%, что означало исключение минимальных расходов на предметы длительного пользования — гардероб, мебель и другие предметы [20–21]. На практике реализация этого подхода нашла отражение во Временных методических рекомендациях по расчетам прожиточного (физиологического) минимума по регионам Российской Федерации от 16.04.1992¹⁹ и в Методических рекомендациях по расчетам прожиточного минимума по регионам Российской Федерации от 11.11.1992 (доля расходов на питание в них в среднем была утверждена на уровне 68% от стоимости ПК)²⁰. Указ Президента Российской Федерации № 210 от 02.03.1992 «О системе ми-

¹⁸ Указ Президента СССР № УП-1995 от 21 мая 1991 г. «О минимальном потребительском бюджете». [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/902066650> (дата обращения: 29 мая 2020).

¹⁹ Временные методические рекомендации по расчетам прожиточного (физиологического) минимума по регионам Российской Федерации. — М.: Минтруд РСФСР, № 690-СШ от 16.04.1992.

²⁰ Методические рекомендации по расчетам прожиточного минимума по регионам Российской Федерации. — М.: Минтруд РФ, № 60–8 от 11.11.1992.

нимальных потребительских бюджетов населения Российской Федерации»²¹ разделил назначение ПМ и МПБ, определил, что первый разрабатывается на период кризисного состояния российской экономики 1990-х гг., а второй является инструментом перспективной государственной социальной политики. В связи с положительной динамикой ситуации в стране уже в середине 1990-х гг. выяснилось, что по сравнению со структурой расходов, утвержденной в Методических рекомендациях Минтруда от 11.11.1992 г., фактические расходы малоимущих слоёв населения на питание были меньше на 15,4 процентных пунктов (п.п.), а на непродовольственные товары и услуги — больше на 10,1 и 5,3 п.п., соответственно. Их применение приводило к значительным искажениям в величине ПМ [22. С. 166]. В России началась подготовка Федерального закона № 134-ФЗ от 24.10.1997 «О прожиточном минимуме в Российской Федерации», в котором было включено понятие: «потребительская корзина». До настоящего времени принято было несколько Федеральных законов «О потребительской корзине в целом по Российской Федерации»: № 201-ФЗ от 20.10.1999, № 44-ФЗ от 31.03.2006, № 227-ФЗ от 03.12.2012. В действующей редакции Федерального закона № 134-ФЗ от 24.10.1997 «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» в связи с возвращением к нормативно-статистическому методу расчета потребительская корзина была определена в статье 1 следующим образом: «потребительская корзина — необходимые для сохранения здоровья человека и обеспечения его жизнедеятельности минимальный набор продуктов питания, а также непродовольственные товары и услуги, стоимость которых определяется в соотношении со стоимостью минимального набора продуктов питания»²². Действую-

щая ПК включает в себя: нормативный набор продуктов питания в составе и объемах потребления (в натуральных показателях) 11 укрупненных продуктовых групп товаров для трудоспособного населения, пенсионеров и детей, а также наборы непродовольственных товаров и услуг, стоимость каждого из которых в целом по России определяется в соотношении со стоимостью продуктов питания в размере 50%²³.

Взаимосвязь фактического и нормативного потребления товаров и услуг

Закономерности такой взаимообусловленности всесторонне обоснованы в трудах отечественных ученых и реализуются на практике при разработке ПК (например, [23]).

Современными российскими правовыми актами установлены принципы определения минимальных наборов продуктов питания, непродовольственных товаров и услуг, среди которых фактическое потребление является важнейшей составляющей для определения состава и норм потребления. В действующих в настоящее время Методических рекомендациях по определению потребительской корзины для основных социально-демографических групп населения, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации № 24 от 28.01.2013, закреплены следующие положения:²⁴

<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=321557&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.869535153012345#018046644661202005> (дата обращения: 12 мая 2020).

²³ Федеральный закон № 227-ФЗ от 03.12.2012 (редакция от 28.12.2017) «О потребительской корзине в целом по Российской Федерации». [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=286544&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.17274300320563318#020994854789516748> (дата обращения: 12 мая 2020).

²⁴ Постановление Правительства Российской Федерации № 54 от 28.01.2013 (редакция от 26.12.2018) «Об утверждении методических рекомендаций по определению потребительской корзины для основных социально-демографических групп населения в субъектах Российской Федерации». [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=314778&fld=134&dst=100001,0&r>

²¹ Указ Президента Российской Федерации № 210 от 02.03.1992 «О системе минимальных потребительских бюджетов населения Российской Федерации». [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/bank/984> (дата обращения: 12 мая 2020).

²² Федеральный закон № 134-ФЗ от 24.10.1997 (редакция от 01.04.2019) «О прожиточном минимуме в Российской Федерации». [Электронный ресурс] — Режим доступа:

- «потребительская корзина для основных социально-демографических групп населения определяется ... с учетом фактического объема потребления продуктов питания, непродовольственных товаров и услуг в малоимущих семьях» (пункт 3),

- «сложившаяся структура питания с учетом фактического потребления продуктов питания в малоимущих семьях» относится к основным принципам «формирования минимального набора продуктов питания, необходимых для сохранения здоровья человека и обеспечения его жизнедеятельности» (пункт 6),

- «сложившаяся структура питания с учетом фактического потребления продуктов питания в малоимущих семьях» является одним из факторов, определяющих «основу зонирования территории Российской Федерации для формирования минимального набора продуктов питания» (пункт 11),

- размеры соотношения непродовольственных товаров и услуг со стоимостью продуктов питания определяются с учетом фактических расходов на непродовольственные товары и услуги в малоимущих семьях (пункт 18).

Таким образом, российская статистика создает для разработки ПК соответствующую информационную базу, включая перепись населения, выборочные обследования

доходов, расходов и потребления домашних хозяйств, распределения населения по доходам и заработной плате, комплексное наблюдение условий жизни и так далее. Ученые, опираясь на эти данные, проводят исследования, обосновывают необходимые корректировки фактического потребления и разрабатывают обоснованные нормы. Мерами государственной политики обеспечивается тренд приближения фактического потребления к нормам. В результате воспроизводства такой взаимосвязи обеспечивается рост благосостояния.

Во второй части статьи будут рассмотрены следующие вопросы: минимальные государственные гарантии, которые целесообразно увязывать со стоимостной оценкой ПК; преимущества и недостатки действующей методики формирования ПК; новые направления исследований ПК и предложения; сопоставление стоимости ПК, вытекающей из различных подходов к ее определению, размеров минимальных государственных гарантий и фактических денежных доходов; а также альтернативные подходы к установлению границ денежных доходов для определения государственных гарантий минимальных денежных доходов. Будут предложены выводы и рекомендации по итогам проведенного обзора специальных источников, результатов научных исследований, идей и дискуссий по проблемам формирования ПК.

nd=0.5780938609502049#005074422600635797 (дата обращения: 16 мая 2020).

Литература и Интернет-источники

1. О практике оценки уровня бедности населения в странах Содружества. Статистический бюллетень № 20, 2008 г. / Статкомитет СНГ. [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.cisstat.org/life_quality/06_method_lg.pdf (дата обращения: 16.05.2020).
2. Руководство по измерению бедности / Европейская экономическая комиссия Организации Объединенных Наций. — ООН: 2017. — 197 с.
3. Методы определения порога бедности: опыт четырех стран / Группа технической поддержки по вопросам достойного труда и Бюро МОТ для стран восточной Европы и Центральной Азии. — М.: МОТ, 2012. — 80 с.
4. Уровень жизни населения Российской Федерации: Правовая основа преодоления бедности. — М.: ВЦУЖ, 2004. — 400 с.

5. How is poverty measured? // Institute for research on poverty. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.irp.wisc.edu/resources/how-is-poverty-measured/> (дата обращения: 16.05.2020).
6. **Бобков В.Н., Гулюгина А.А., Одинцова Е.В., Сафронова А.М.** Социально приемлемая потребительская корзина // Уровень жизни населения регионов России. — 2019. — № 2(212). — С. 8–26. DOI: 10.24411/1999–9836–2019–10060
7. Les normes de la Conférence suisse des institutions d'action sociale (CSIAS). [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://normes.csias.ch/fr/> (дата обращения: 16.05.2020).
8. Social Security at a Glance 2019 // Federal Minister of Labour and Social Affairs. Bonn, 2019. 197 p.
9. Бобков В.Н., Гулюгина А.А., Одинцова Е.В. Минимальная потребительская корзина: какой ей быть в нынешней России? // Российский экономический журнал. — 2020. — № 1. — С. 54–73. DOI: 10.33983/0130–9757–2020–1–54–73
10. Научно обоснованная потребительская корзина в Российской Федерации // Справедливая Россия. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://obj.spravedlivo.org/sr65/098402.pdf> (дата обращения: 17.05.2020).
11. **Овчарова Л.Н.** Теоретические и практические подходы к оценке уровня, профиля и факторов бедности: российский и международный опыт. — М.: М-Студио, 2009. — 268 с.
12. **Майер В.Ф., Ершов Э.Б.** Прогнозы повышения народного благосостояния // Научные основы экономического прогноза. — М.: «Мысль», 1971. — 424 с. — С. 324–422.
13. **Саркисян Г.С., Кузнецова Н.П.** Потребности и доход семьи. — М.: Экономика, 1967. — 176 с.
14. **Римашевская Н.М.** и др. Потребности, доходы, потребление: методология анализа и прогнозирования народного благосостояния. — М.: Наука, 1979. — 240 с.
15. **Римашевская Н.М.** и др. Система экономико-математических моделей для анализа и прогноза уровня жизни. — М.: АН СССР, ЦЭМИ, 1986. — 262 с.
16. Наталья Римашевская: «Наш прожиточный минимум очень тощий» // Труд, № 102, 3 июня 2004 г. [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://www.trud.ru/article/03-06-2004/72548_natalja_rimashhevskaja_nash_prozhitochnyj_minimum_o.html (дата обращения: 01.06.2020).
17. **Мильнер Г.В., Гишинская Э.Б.** Методические особенности изучения уровня жизни населения по территории страны // Экономические науки. — 1981. — № 8. — С. 41–47.
18. **Мильнер Г.В.** Территориальные проблемы социального развития на современном этапе. — Препр. — М.: ЦЭМИ АН СССР, 1986. — 19 с.
19. Проблемы развития социального комплекса России / Под. ред. Г.В. Мильнера. Сборник научных трудов ЦЭНИИ. — М.: ЦЭНИИ, 1989. — 115 с.
20. **Можина М.А.** Методические вопросы определения прожиточного минимума // Экономист. — 1993. — № 2. — С. 44–52.
21. **Можина М., Попкин Б., Батулин А.** Методы обоснования прожиточного минимума в Российской Федерации // Распределительные отношения: доходы и потребление населения (из научного наследия) / М.А. Можина (под общей ред. Н.М. Римашевской); ИСЭПН РАН. — М.: Гайнуллин, 2001. — 304 с. — С. 109–122.
22. **Бобков В.Н.** Проблемы оценки уровня жизни в современной России. — М.: ВЦУЖ, 1995. — 258 с.
23. **Струмилин С.Г.** Проблемы экономики труда. — М.: Госполитиздат, 1957. — 735 с.

Информация об авторах:

Бобков Вячеслав Николаевич, д.э.н., профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий лабораторией проблем уровня и качества жизни Института социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, главный научный сотрудник научной школы «Теория и технологии менеджмента» Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: bobkovvn@mail.ru; ORCID: 0000–0001–7364–5297; Researcher ID Web of Science: U6527–2019.

Одинцова Елена Валерьевна, к.э.н., ведущий научный сотрудник лаборатории проблем уровня и качества жизни Института социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: odin_ev@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7906-8520; Researcher ID Web of Science: U7061-2019.

Гулюгина Алефтина Александровна, к.э.н., заместитель главного редактора журнала «Уровень жизни населения регионов России», Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: algula@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5413-5272.

DOI: 10.19181/population.2020.23.3.1

CONSUMER BASKET AS THE BASIS FOR THE STATE GUARANTEES OF MINIMUM MONETARY INCOME OF RUSSIAN CITIZENS (PART 1)

Vyacheslav N. Bobkov^{1,2*}, Elena V. Odintsova¹, Alefina A. Gulyugina³

¹*Institute of Socio-Economic Studies of Population, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences*

(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russian Federation, 117218)

²*Plekhanov Russian University of Economics*

(36 Stremyanny lane, Moscow, Russian Federation, 117997)

³*Editorial Board of the Journal «Living Standards of the Population in the Regions of Russia»*

(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russian Federation, 117218)

*E-mail: bobkovvn@mail.ru

Funding:

The reported study was funded by RFBR, project number 19-110-50355.

For citation:

Bobkov V.N., Odintsova E.V., Gulyugina A.A. Consumer basket as the basis for the State guarantees of minimum monetary income of Russian citizens (Part 1). *Narodonaselenie* [Population]. 2020. Vol. 23. No. 3. P. 4-15. DOI: 10.19181/population.2020.23.3.1 (in Russ.)

Abstract. *The article provides an overview of special sources, research results, ideas and discussions in the following areas related to formation of consumer basket (CB): 1) methods of forming consumer baskets in the Russian Federation and abroad, their advantages and disadvantages; 2) composition and standards of consumption of goods and services that may be recommended to meet the basic needs of the population; 3) approaches to defining the relationship between the actual consumption of goods and services by low-income population and the composition and standards of consumption of food, non-food goods and services in CB; 4) minimum state guarantees, which should be linked to the cost estimation of CB; 5) advantages and disadvantages of the current method of forming a living wage CB; 6) new research directions and proposals for changing the CB composition and regulatory framework, ways to determine their cost and impact on the level of satisfaction of the population's needs for food, non-food products and paid services, their comparison; 7) comparison of the CB cost, resulting from different approaches to its definition, the size of minimum state guarantees and actual monetary income: modal, median and per capita; 8) alternative approaches to setting the limits of monetary income for determining the state guarantees of minimum monetary income, advantages and disadvantages of their use in the Russian Federation. Conclusions and recommendations are proposed that could contribute to formation and introduction of a science-based CB in 2021 in order to improve the standards and quality of life of Russian citizens. The article consists of two parts. The First part of the article addresses the first two of these areas related to formation of CB.*

Keywords: consumer basket, foreign and Russian methods of forming consumer baskets, subsistence minimum, minimum consumer budget, socially acceptable consumer basket, absolute monetary poverty, relative monetary poverty, non-monetary poverty, multidimensional poverty, unconditional basic income, guarantees of minimum monetary income.

References and Internet sources

1. O praktike otsenki urovnja bednosti naselenija v stranah Sodruzhestva. № 20, 2008 g [On the practice of estimating the poverty rate of population in the Commonwealth countries.]. Statkomitet SNG [CIS Statistical Committee]. Statisticheskij bjulleten' [Statistical Bulletin]. 2008. No. 20. Available at: http://www.cisstat.org/life_quality/06_method_lg.pdf (Accessed: 16 May 2020). (in Russ.)
2. Rukovodstvo po izmereniju bednosti [Guide on Poverty Measurement]. Evropejskaja ekonomicheskaja komissija Organizacii Ob'edinennyh Nacij [United Nations Economic Commission for Europe]. UN. 2017. 197 p. (in Russ.)
3. Metody opredelenija poroga bednosti: opyt chetyrjeh stran [Methods for Determining the Poverty Threshold: the Experience of Four Countries]. Gruppa tehnichejskoj podderzhki po voprosam dostojnogo truda i Bjuro MOT dlja stran vostochnoj Evropy i Central'noj Azii [Decent Work Technical Support Group and the ILO Office for Eastern Europe and Central Asia]. Moscow. ILO. 2012. 80 p. (in Russ.)
4. Uroven' zhizni naselenija Rossijskoj Federacii: Pravovaja osnova preodolenija bednosti [The Standard of Living of the Population of the Russian Federation: the Legal Basis for Overcoming Poverty]. Moscow. VTsUZh. 2004. 400 p. (in Russ.)
5. How is Poverty Measured? Institute for Research on Poverty. Available at: <https://www.irlp.wisc.edu/resources/how-is-poverty-measured/> (Accessed: 16 May 2020).
6. Bobkov V.N., Gulyugina A.A., Odintsova E.V., Safronova A.M. Social'no prijemlemaja potrebitel'skaja korzina [The socially acceptable consumer basket]. Uroven' zhizni naselenija regionov Rossii [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2019. No. 2 (212). P. 8–26. (in Russ.) DOI: 10.24411/1999–9836–2019–10060.
7. Les normes de la Conférence Suisse des institutions d'action sociale (CSIAS). Available at: <https://normes.csias.ch/fr/> (Accessed: 16 May 2020). (in French)
8. Social Security at a Glance 2019. Federal Ministry of Labour and Social Affairs. Bonn. 2019. 197 p.
9. Bobkov V.N., Gulyugina A.A., Odintsova E.V. Minimal'naja potrebitel'skaja korzina: kakoj ej byt' v nyneshnej Rossii? [Minimum consumer basket: what should it be in today's Russia?]. Rossijskij ekonomicheskij zhurnal [Russian Economic Journal]. 2020. No. 1. P. 54–73. (in Russ.) DOI: 10.33983/0130–9757–2020–1–54–73.
10. Nauchno obosnovannaja potrebitel'skaja korzina v Rossijskoj Federacii [Science-based consumer basket in the Russian Federation]. Spravedlivaja Rossija. [A Just Russia] Available at: <http://obj.spravedlivo.org/sr65/098402.pdf> (Accessed: 17 May 2020). (in Russ.)
11. Ovcharova L.N. Teoreticheskie i prakticheskie podhody k otsenke urovnja, profilja i faktorov bednosti: rossijskij i mezhdunarodnyj opyt [Theoretical and Practical Approaches to Assessing the Level, Profile and Factors of Poverty: Russian and International Experience]. Moscow. M-Studio. 2009. 268 p. (in Russ.)
12. Majer V.F., Ershov E.B. Prognozy povyshenija narodnogo blagosostojanija [Forecasts for improving people's welfare]. Nauchnye osnovy ekonomicheskogo prognoza [The Scientific Basis of Economic Forecast]. Moscow. Mysl' [Thought]. 1971. 424 p. P. 324–422. (in Russ.)
13. Sarkisyan G.S., Kuznetsova N.P. Potrebnosti i dohod sem'i [Family Needs and Income]. Moscow. Ekonomika [Economics]. 1967. 176 p. (in Russ.)
14. Rimashevskaya N.M., et al. Potrebnosti, dohody, potreblenie: metodologija analiza i prognozirovanija narodnogo blagosostojanija [Needs, Income, Consumption: Methodology for Analyzing and Forecasting

- People's Well-Being*. Moscow. Nauka [Science]. 1979. 240 p. (in Russ.)
15. Rimashevskaya N. M., et al. Sistema ekonomiko-matematicheskikh modelej dlja analiza i prognoza urovnja zhizni [System of Economic and Mathematical Models for Analyzing and Forecasting Living Standards]. Moscow. AN SSSR., TsJEMI. [CEMI USSR AS]. 1986. 262 p. (in Russ.)
 16. Natal'ja Rimashevskaja: «Nash prozhitochnyj minimum ochen' toshchij» [Natalia Rimashevskaya: «Our living wage is very thin»]. Trud [Labour]. No. 102. June 03, 2004. Available at: https://www.trud.ru/article/03-06-2004/72548_natalja_rimashevskaja_nash_prozhitochnyj_minimum_o.html (Accessed: 01 June 2020). (in Russ.)
 17. Mil'ner G. V., Gilinskaya E. B. Metodicheskie osobennosti izuchenija urovnja zhizni naselenija po territorii strany [Methodical features of studying the standard of living of the population on the territory of the country]. Ekonomicheskie nauki [Economic Sciences]. 1981. No. 8. P. 41–47. (in Russ.)
 18. Mil'ner G. V. Territorial'nye problemy social'nogo razvitija na sovremennom jetape [Territorial Problems of Social Development at the Present Stage]. Moscow. TsJEMI AN SSSR [CEMI USSR AS]. 1986. 19 p. (in Russ.)
 19. Problemy razvitija social'nogo kompleksa Rossii [Problems of Development of the Social Complex of Russia]. Mil'ner G. V. (ed.). Sbornik nauchnyh trudov TsJENII [Collection of Scientific Papers of the Central Research Economic Institute]. Moscow. TsJENII. [CREI]. 1989. 115 p. (in Russ.)
 20. Mozhina M. A. Metodicheskie voprosy opredelenija prozhitochnogo minimum [Methodical issues of determining the subsistence minimum]. Ekonomist [Economist]. 1993. No. 2. P. 44–52. (in Russ.)
 21. Mozhina M., Popkin B., Baturin A. Metody obosnovaniya prozhitochnogo minimuma v Rossijskoj Federacii [Methods of substantiating the subsistence minimum in the Russian Federation]. Raspredelitel'nye otnosheniya: doxody i potreblenie naseleniya (iz nauchnogo naslediya) [Distribution relations: income and consumption of the population (from the scientific heritage)]. M. A. Mozhina. Ed. N. M. Rimashevskaya. ISE'PN RAN. [ISESP RAS]. Moscow. Gajnullin, 2001. 304 p. P. 109–122. (in Russ.)
 22. Bobkov V. N. Problemy otsenki urovnja zhizni v sovremennoj Rossii [Issues of Assessing the Standards of Living in Modern Russia]. Moscow. VTsUZh. 1995. 258 p. (in Russ.)
 23. Strumilin S. G. Problemy ekonomiki truda [Issues of Labor Economics]. Moscow. Gospolitizdat. 1957. 735 p. (in Russ.)

Information about the authors:

Bobkov Vyacheslav Nikolayevich, Dr. Sc. (Econ.), Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Head of laboratory, Institute of Socio-Economic Studies of Population, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS; Chief Research Worker, Scientific School «Theory and Technology of Management», Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation.

Contact information: e-mail: bobkovvn@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7364-5297; Researcher ID Web of Science: U-6527-2019.

Odintsova Elena Valerievna, Cand. Sc. (Econ.), Leading Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS, Moscow, Russian Federation.

Contact information: e-mail: odin_ev@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7906-8520; Researcher ID Web of Science: U-7061-2019.

Gulyugina Alefina Alexandrovna, Cand. Sc. (Econ.), Deputy Editor-in-Chief, Journal Living Standards of the Population in the Regions of Russia, Moscow, Russian Federation.

Contact information: e-mail: algula@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5413-5272.

Статья поступила в редакцию 04.06.2020.

DOI: 10.19181/population.2020.23.3.2

КАЧЕСТВЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ НАСЕЛЕНИЯ И СОСТОЯНИЕ ЭКОНОМИКИ: АНАЛИЗ ОТДЕЛЬНЫХ ГРУПП РЕГИОНОВ РОССИИ

Рюмина Е. В.

*Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН
(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)*

E-mail: ryum50@mail.ru

Для цитирования:

Рюмина Е. В. Качественные характеристики населения и состояние экономики: анализ отдельных групп регионов России // Народонаселение. — 2020. — Т. 23. — № 3. — С. 16-26. DOI: 10.19181/population.2020.23.3.2

Аннотация. По критериям качества населения ранее была разработана типология регионов России, разделившая их на десять групп. Анализ каждой из них позволяет определить пути повышения качества населения в российских регионах. Данная статья начинает представление цикла таких исследований с анализа трех самых малочисленных групп: в первую входят города Москва и Санкт-Петербург, во вторую — республики Дагестан, Ингушетия и Чеченская, в третью — автономные округа Ненецкий, Ханты-Мансийский-Югра, Ямало-Ненецкий и Республика Саха (Якутия). Первая группа наиболее благополучна по качественным характеристикам населения, здесь главная проблема состоит в низком естественном приросте населения. Специфика северокавказских республик в рассматриваемом аспекте заключается в высоких показателях качества населения при низком материальном уровне жизни, что противоречит ранее статистически подтвержденной гипотезе о сильном влиянии качества жизни на качество населения. Сделан вывод о высокой значимости в этих регионах такого фактора, как национальные культура и традиции. В то же время сравнение этих республик между собой показало, что традиции в некоторых из них ослабевают и необходимо большее внимание уделить экономическим факторам — денежным доходам, уровням бедности и безработицы. Решение этих проблем в северокавказских регионах требует структурной перестройки экономики на основе технологического и технического перевооружения. В третьей группе, наоборот, при высоких денежных доходах обнаруживается неблагополучие качественных характеристик населения, особенно показателя распространения больных алкоголизмом и наркоманией. Это явление коррелирует с уровнем безработицы, рост которой вызван не только общемировыми кризисными процессами в развитии нефтегазового сектора, но и исчерпанием высокорентабельных месторождений в северных регионах России, необходимостью разработки труднодоступных запасов нефти и газа. Выходом может стать изменение структуры экономики этих регионов в направлении развития сектора переработки природного сырья.

Ключевые слова: качественные характеристики населения, качество жизни, человеческий потенциал, сравнительный анализ, регионы, региональная экономика.

Качественные характеристики населения [1] сильно различаются по регионам: в одних регионах высокая продолжительность жизни, в других — образовательный уровень, третьи отличаются низкой преступностью и так далее. Все эти явления поддаются воздействию со стороны различных факторов и, в первую очередь, таким фактором является качество жизни населения. Сама категория качества жизни исследована достаточно подробно и в различных аспектах (например, [2; 3]), но существенно меньшее внимание уделяется качеству жизни не как цели развития, а как средству для улучшения качественных характеристик населения. В статье [4] были рассмотрены статистические показатели качества населения и качества жизни по российским регионам и создана их типология с целью дальнейшей выработки стратегий повышения качественных характеристик населения. В результате все регионы были разбиты на 10 кластеров (от двух до шестнадцати регионов в каждом), внутри которых, по методологии кластерного анализа, регионы имеют близкие значения учитываемых показателей.

В данной статье рассмотрим три самые малочисленные группы регионов из выработанной типологии. Малочисленность подчеркивает специфичность каждой группы, которую мы намерены исследовать. Первую группу составляют два столичных города — Москва и Санкт-Петербург. Вторая группа образована тремя северокавказскими республиками — Дагестан, Ингушетия и Чеченская. В тре-

тью группу вошли северные регионы: Ненецкий, Ханты-Мансийский-Югра, Ямало-Ненецкий автономные округа и Республика Саха (Якутия). Даже поверхностный взгляд на состав этих трех групп, без привлечения к анализу конкретных показателей, обнаруживает их сильные отличия от остальных регионов России. Можно сказать, что мы выбрали крайние объекты исследования, поскольку, в сравнении с этими тремя группами, остальные кластеры не столь сильно отличаются друг от друга.

Кластерный анализ регионов проводился в [4] по 4 показателям качества населения: 1) естественный прирост населения (в ‰); 2) ожидаемая продолжительность жизни при рождении (число лет); 3) доля населения старше 15 лет с высшим и средним специальным образованием (%); 4) контингенты пациентов с алкоголизмом и наркоманией (человек на 100 тыс. населения), и по 3 показателям качества жизни населения: 1) среднедушевые денежные доходы с учетом индекса стоимости жизни (рублей в месяц); 2) уровень бедности (% населения с денежными доходами ниже величины ПМ в общей численности населения); 3) уровень общей безработицы (% численности безработных от численности рабочей силы). Обоснование выбора именно этих показателей было проведено ранее на основе корреляционного анализа и представлено в [5; 6]. Информация по всем изучаемым показателям за 2018 г. приведена в таблице 1 для регионов трех исследуемых групп, в среднем по каждой группе и по России в целом.

Таблица 1
Показатели качества населения и качества жизни по группам регионов в 2018 году

Table 1

Indicators of population quality and quality of life by region group in 2018

Регион	Естественный прирост, ‰	Продолжительность жизни, лет	Образование, %	Алкоголизм и наркомания, на 100000 человек	Денегные доходы, руб. в месяц	Уровень бедности, %	Уровень безработицы, %
Москва	0,8	77,84	92,8	517,0	47490	6,8	1,2
Санкт-Петербург	0,8	75,93	86,7	558,6	43061	6,6	1,5
В среднем по группе I	0,8	76,89	89,7	537,8	45275	6,7	1,3

Республика Дагестан	10,8	78,69	56,9	367,2	28302	14,7	11,6
Республика Ингушетия	13,2	82,41	66,4	57,5	17380	30,4	26,3
Чеченская Республика	16,3	75,43	43,3	291,6	23197	20,5	13,7
В среднем по группе II	13,4	78,84	55,5	238,8	22960	21,9	17,2
Ненецкий АО	5,1	71,85	79,0	1332,4	60422	9,7	8,1
Ханты-Мансийский-Югра АО	7,3	74,28	82,4	692,1	43348	9,0	2,5
Ямало-Ненецкий АО	8,7	74,07	88,2	1050,5	65080	5,8	2,1
Республика Саха (Якутия)	5,9	72,72	76,7	1329,1	33864	18,6	6,9
В среднем по группе III	6,7	73,23	81,6	1101,0	50678	10,8	4,9
В среднем по России	-1,6	72,91	79,2	971,5	33178	12,6	4,8

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019: Статистический сборник // Росстат. [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://gks.ru/bgd/regl/b19_14p/Main.htm (дата обращения: 16.03.2020); Здоровоохранение в России. Социально-экономические показатели. Приложение к статистическому сборнику (информация по субъектам Российской Федерации) // Росстат. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.gks.ru/folder/210/document/13218> (дата обращения: 12.03.2020).

Первая группа состоит из двух столичных городов, которые по всем показателям близки между собой и сильно отличаются в лучшую сторону от среднероссийских значений показателей, кроме естественного прироста населения. Этот показатель в обоих городах, хотя и лучше среднего по стране, но незначительный. Лучше среднероссийских в этой группе значения всех остальных показателей — продолжительности жизни, уровня образования, доли алкоголиков и наркоманов, денежных доходов, уровня бедности и безработицы. В статье [7] представлены результаты анализа зависимости показателей качества населения от величины среднедушевых денежных доходов, которая оказалась достаточно сильной, что объясняет благополучие регионов первой группы по качественным характеристикам населения. Таким образом, из таблицы 1 следует, что самой благополучной является первая группа, в которой все показатели намного выше среднероссийских. Основной задачей этой группы можно назвать повышение естественного прироста населения.

Вторая группа регионов занимает ли-

дирующие в стране позиции по показателям естественного прироста населения, продолжительности жизни и доли алкоголиков и наркоманов. Но регионы существенно отстают по уровню образования, денежным доходам, уровням бедности и безработицы. Одновременно с этим по тем же самым показателям наблюдаются значительные колебания внутри группы. Так, экономические показатели (денежные доходы, бедность и безработица) — самые неблагоприятные в Республике Ингушетия (РИ), затем идет Чеченская Республика (ЧР) и Республика Дагестан (РД). Как видим из таблицы 1, при лучших по стране показателях качественных характеристик населения (кроме образовательного уровня) регионы рассматриваемой группы имеют низкое качество жизни по его экономическим показателям. Ниже мы подробнее остановимся на поиске направлений решения этой острой проблемы.

Четыре региона третьей группы различаются между собой в более широком диапазоне, чем две другие группы. Например, денежные доходы в Республике Саха (Яку-

тия) в два раза ниже, чем в Ямало-Ненецком АО (ЯНАО). В Ненецком АО (НАО) и Республике Саха (Якутия) доля алкоголиков и наркоманов в два раза выше, чем в Ханты-Мансийском-Югра АО (ХМАО). Уровень бедности в Якутии вдвое превышает уровень бедности в НАО и ХМАО, а уровень безработицы в НАО и Якутии в 3–4 раза выше, чем в ХМАО и ЯНАО. Получается, что эти четыре региона близки только по показателям естественного прироста, продолжительности жизни и уровню образования. Можно заключить, что третья группа в среднем выделяется достаточно высокими денежными доходами, но входящие в нее регионы нельзя назвать качественно однородными, и предстоит анализ каждого из них отдельно.

Перейдем к более детальному анализу второй группы, состояние регионов которой противоречит сделанному в [7] выводу о решающем влиянии экономических показателей качества жизни на качественные характеристики населения. Учитывая неблагоприятное положение регионов по экономическим показателям, можно предположить, что имеются другие сильные факторы раз-

вития человеческого потенциала в этих регионах. Такими факторами, скорее всего, являются национальные традиции образа жизни, веками поддерживаемые населением Северного Кавказа. В то же время, при сравнении трех регионов группы между собой видно, что эти традиции соблюдаются в них с разной степенью строгости. Например, если в Ингушетии 57,5 алкоголиков и наркоманов на 100 тыс. населения, то в Дагестане их уже 367,2. Естественный прирост населения в ЧР в полтора раза выше, чем в РД. Такие различия можно объяснить либо ослаблением традиций, либо действием других факторов, возможно, экономических (как и во всех других регионах), либо и тем, и другим одновременно.

Чтобы исключить неадекватность оценки качества жизни на базе только трех выбранных нами характеристик, целесообразен анализ по расширенному кругу показателей. С этой целью в таблице 2 представлена дополнительная информация о качестве жизни в каждой из трех республик и в среднем по Российской Федерации.

Таблица 2

Дополнительная информация о качестве жизни населения

Table 2

Additional information on the quality of life of population

Регион	Площадь жилья на человека, м ²	Доля аварийного жилищного фонда, %	Наличие на 100 домохозяйств, штук		Собственные легковые автомобили на 1000 человек, штук
			персональных компьютеров	стиральных машин	
Республика Дагестан	19,4	0,3	24	98	309,1
Республика Ингушетия	15,3	0,3	14	99	195,5
Чеченская Республика	19,0	0,3	62	96	183,1
Российская Федерация	25,8	0,7	50	101	170,9

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019: Статистический сборник // Росстат. [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://gks.ru/bgd/regl/b19_14p/Main.htm (дата обращения: 16.03.2020).

Данные таблицы 2 подтверждают отставание трех республик от среднероссийских показателей качества жизни населения. Обеспеченность жильем ниже

только в Республике Тыва (14,1 м²). Вместе с тем, низкая доля аварийного жилья показывает, что, при недостаточной площади, состояние жилищного фонда луч-

ше, чем в среднем по стране. О качестве жизни свидетельствует и доля расходов на питание в структуре потребительских расходов домашних хозяйств. При средней по Российской Федерации в 33,5%, в Дагестане она, к сожалению, составляет 54,1%, Ингушетии — 59,2%, Чеченской Республике — 34,3%.

Республики сильно отличаются по обеспеченности населения персональными компьютерами. При этом низкие показатели в Дагестане и Ингушетии могут объясняться низким уровнем образования пожилых людей, удельный вес которых в общей численности населения значительный.

Поскольку вторая группа регионов, судя по безработице и денежным доходам населения, отстает в развитии экономики, проведем экономический анализ трех образующих группу регионов. Наряду с тем, что показатель ВВП/ВРП справедливо критикуется с точки зрения оценки качества жизни населения, он признается способным оценить производительность экономической системы. По методике Росстата ВВП/ВРП определяется как сумма валовой добавленной стоимости, созданной по стране/региону за отчетный период. Факторами, его формирующими, являются основные фонды, труд, природные ресурсы, научно-технический прогресс.

Необходимо также отметить, что влияние факторов труда и капитала в большей степени определяется тем, в какой из отраслей экономики они задействованы. Регионы, обладающие одинаковыми по стоимости основными фондами и уровнем занятости, могут значительно отличаться по объемам ВРП. Разная производительность основных фондов и труда в регионах во многом обусловлена отраслевой структурой экономики. В основном фондоотдача региональной экономики повышается одновременно с увеличением объема основных фондов, задействованных в сырьевом секторе. Иначе говоря, важным фактором, определяющим рост ВРП в регионе, является вовлечение природных ресурсов в хозяйственный оборот. По

сравнению с другими отраслями доля добавленной стоимости в топливной промышленности очень велика: нефтедобывающей — 71%, газовой — 68%, угольной — 54%. Хотя и здесь встречается низкая эффективность — в нефтеперерабатывающей промышленности доля добавленной стоимости 17%.

В то же время сектор перерабатывающей промышленности в целом имеет более низкие показатели доходности. Эксплуатация устаревшего оборудования, низкая заработная плата занятых на производстве приводят к низкой доле добавленной стоимости в объеме промышленной продукции таких отраслей. Однако и в перерабатывающем секторе есть высокотехнологичные производства с высоким уровнем оплаты труда занятых, высокой долей заработной платы и добавленной стоимости в валовой продукции.

Интенсивность эксплуатации природного потенциала находит свое отражение в показателях производства сырьевых отраслей, в отраслевой структуре промышленной продукции региона. Косвенная оценка фактора технического прогресса также может быть получена через характеристики отраслевой структуры промышленности, а именно через показатели производства наиболее высокотехнологичных отраслей промышленности: машиностроения и химической промышленности. Таким образом, анализ отраслевой структуры позволит сырьевых отраслей, какой производственный фактор имеет большее значение для роста экономики региона.

Для целей конкретного представления об экономическом развитии трех исследуемых северокавказских республик проведем сравнение со среднероссийскими следующими показателями (табл. 3): 1) ВРП на душу населения; 2) доля добычи полезных ископаемых в отраслевой структуре валовой добавленной стоимости; 3) инвестиции в основной капитал на душу населения; 4) среднемесячная номинальная численная заработная плата работников организаций.

Таблица 3

Показатели экономического развития регионов второй группы в 2017 году

Table 3

Indicators of economic development of the regions of the second group in 2017

Регион	ВРП на человека, рублей	Добыча полезных ископаемых, % в отраслевой структуре	Инвестиции на человека, рублей	Среднемесячная заработная плата, рублей
Республика Дагестан	204197	0,4	61367	21941
Республика Ингушетия	114844	2,0	43774	22750
Чеченская Республика	125471	1,4	45155	23249
Российская Федерация	510253	12,1	109146	39167

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019: Статистический сборник // Росстат. [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://gks.ru/bgd/regl/b19_14p/Main.htm (дата обращения: 18.03.2020).

Как показывает таблица 3, наибольшее отставание в трех северокавказских республиках от среднероссийского значения наблюдается по показателю доли добывающих производств в отраслевой структуре валовой добавленной стоимости: в Дагестане в 30 раз!, Ингушетии — в 6 раз, в Чеченской Республике — почти в 9 раз. Все остальные показатели развития экономики в трех республиках, представленные в таблице 3, тоже существенно ниже среднероссийских: в 2,5–4,5 раза ниже ВРП на человека, в 1,8–2,5 раза ниже инвестиции, в 1,7–1,8 — заработная плата. К тому же, как видим из таблицы 1, в среднем по группе почти в полтора раза ниже среднероссийских душевые денежные доходы, в 1,74 раза выше уровень бедности и в 3,6 раза выше уровень безработицы. И при всем этом республики характеризуются наилучшими в стране показателями качества населения (кроме уровня образования).

Такую уникальность рассматриваемых регионов мы объяснили выше традициями образа жизни, имеющими исторические и национальные основания. Вместе с тем, этот внеэкономический ресурс нельзя переоценивать: сильное влияние во всех других регионах экономических показателей на качество населения мо-

жет начать проявляться и в северокавказских республиках. Уже сейчас наблюдается рост миграции населения в крупные города с целью получения работы и высокой зарплаты. Поскольку уезжают молодые люди, то со временем генофонд республики может быть снижен. В связи с этим продолжим анализ состояния экономики и обратимся к отраслевой структуре экономики трех республик.

В Дагестане в структуре валового регионального продукта по отраслям экономики лидирует торговля (27%), заметную долю также составляют сельское хозяйство (17,2%) и строительство (15,1%). Структура ВРП Ингушетии следующая — на первом месте торговля (11,7%), далее идут строительство (11,6%) и сельское хозяйство (9,9%). В Чеченской Республике такой же порядок отраслей: торговля (16,3%), строительство (16,1%), сельское хозяйство (11%)¹. Интерес представляет сравнение заработной платы в этих регионах и в их ведущих отраслях с другими видами экономической деятельности и со среднероссийскими значениями (табл. 4.).

¹ Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации 2019: Статистический сборник // Росстат. [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://gks.ru/bgd/regl/b19_14s/Main.htm (дата обращения: 18.03.2020).

Таблица 4

Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата на одного работника по видам экономической деятельности в 2017 г., рублей

Table 4

Average monthly nominal accrued salary per employee by type of economic activity in 2017 (RUB)

Вид экономической деятельности	Российская Федерация	Республика Дагестан	Республика Ингушетия	Чеченская Республика
Сельское хозяйство	25671,1	11005,6	13623,8	8916,4
Добыча полезных ископаемых	74474,1	23097,1	26727,1	31876,6
Обрабатывающие производства	38501,5	22648,4	8063,1	15984,5
Строительство	33677,9	17050,4	11371,3	13785,5
Торговля	32092,5	16374,8	12684,6	8045,9

Источник: Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата на одного работника по видам экономической деятельности // Росстат. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://fedstat.ru/indicator/58701> (дата обращения 31.03.2020).

Получается, что средняя заработная плата в республиках намного ниже среднероссийской даже в одних и тех же видах экономической деятельности. Это, прежде всего, объясняется тем, что в таблице 4 приведены данные в самой укрупненной классификации видов экономической деятельности, в среднем по их подвидам. При этом внутри каждого вида экономической деятельности заработная плата может различаться в разы. Особенно примечательна в этом отношении добыча полезных ископаемых. В ее структуру входит добыча нефти и газа, где в среднем по стране заработная плата составляет 100,7 тыс. рублей, и наряду с этим, — добыча камня, песка и глины со средней заработной платой 30,1 тыс. рублей. Сельское хозяйство также характеризуется сильно различающимися доходами работников на предприятиях разного уровня технической оснащенности: если в среднем по стране заработная плата в сельском хозяйстве составляет более 25 тыс. рублей, то в анализируемых нами регионах она вдвое ниже. Это является следствием многоуровневой экономики, в данном случае, в сфере сельского хозяйства [8]. Одни аграрные производства являются высоко-развитыми, другие характеризуются техническим и технологическим отставанием. Именно последние занимают доминирующие позиции в северокавказских республиках.

нирующие позиции в северокавказских республиках.

Из проведенного анализа можно сделать вывод, что для улучшения качества жизни населения второй группы необходимо развивать их экономику, создавать рабочие места, совершенствовать отраслевую структуру, переходить на современные технологии производства, что, кроме всего прочего, будет способствовать и росту доходов населения. В плане же качественных характеристик населения для республик актуально повышение образовательного уровня, способствующее техническому перевооружению региональной экономики.

Перейдем к анализу третьей группы регионов. По данным таблицы 1 можно заключить, что показателями, ставшими основой объединения четырех регионов в одну группу, стали высокие денежные доходы и большая доля больных алкоголизмом и наркоманией. Также в регионах довольно большой естественный прирост населения и почти одинаковые показатели продолжительности жизни и уровня образования, близкие к среднероссийским значениям. Уровень бедности ниже среднего по стране, за исключением Якутии, а уровень безработицы выше среднероссийского в Ненецком АО и в Республике Саха (Якутия).

Во всех регионах этой группы экономика носит сырьевой характер. В Ненецком АО доля добычи полезных ископаемых в ВРП составляет 76,2%, в ХМАО — 67,1%, ЯНАО — 61,1%, в Республике Саха (Якутия) — 48,2%. Добыча нефти и газа относится к производствам с высокой добавленной стоимостью и, соответственно, с высокой заработной платой: среднемесячная заработная плата на одного работника в 2017 г. в нефтегазовой отрасли равнялась в Ненецком АО 121543 руб., ХМАО — 100757, ЯНАО — 149199, Саха (Якутия) — 107971 рубль.

В экономическом отношении тревогу в группе регионов вызывает Республика Саха (Якутия), где среднедушевые доходы близки к среднероссийским, но при этом уровень бедности в полтора раза выше, чем по стране, а также выше и уровень безработицы. Ситуация может измениться в ближайшее время и в остальных нефтегазовых регионах в связи с ис-

черпанием крупных месторождений полезных ископаемых. Малый бизнес становится все более ощутимым и в этой сфере. Небольшие добывающие компании создаются для эксплуатации мелких и средних месторождений, в основном с трудноизвлекаемыми запасами. Такие компании первыми станут терпеть убытки при развитии начавшегося нефтяного кризиса. В связи с этим нефтегазовые регионы должны искать новые «точки» экономического роста.

В плане качественных характеристик населения глубокого анализа заслуживает показатель распространения алкоголизма и наркомании в ХМАО, который почти в два раза ниже, чем в других регионах этой группы (табл. 1). Приведем эту информацию в разбивке отдельно по алкоголизму и наркомании (табл. 5), которая характеризует обстановку в регионах более полно, чем таблица 1 с суммарным показателем числа алкоголиков и наркоманов.

Таблица 5

Больные алкоголизмом и наркоманией в 2018 г. на 100 тыс. человек населения

Incidence of alcoholism and drug addiction in 2018 per 100,000 population

Table 5

Регион	Алкоголизм	Наркомания
Российская Федерация	823,4	148,1
Ненецкий АО	1325,6	6,8
Ханты-Мансийский-Югра АО	564,4	127,7
Ямало-Ненецкий АО	928,2	122,3
Республика Саха (Якутия)	1268,2	60,9

Источник: Здравоохранение в России. Социально-экономические показатели. Приложение к статистическому сборнику (информация по субъектам Российской Федерации) // Росстат. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.gks.ru/folder/210/document/13218> (дата обращения: 12.03.2020).

ХМАО здесь уже выглядит не так оптимистично — в нем самая высокая из всей группы доля наркоманов. В то же время проблемы наркомании менее актуальны для НАО, однако в нем очень остро стоит проблема распространения алкоголизма — численность алкоголиков на 100 тыс. населения на 60% выше средне-

русской. Почти на столько же шире, чем в среднем по стране, распространен алкоголизм и в Якутии. Эти показатели сильно коррелируют с уровнем безработицы — в Ненецком АО и Якутии он в 2–3 раза выше, чем в ХМАО и ЯНАО (табл. 1).

Подчеркнем, что данное исследование относится к региональному уровню, по-

этому здесь не рассматриваются внутри-региональные проблемы, которые в северных регионах связаны, прежде всего, с коренными народами, межэтническими отношениями, экологическим природопользованием и так далее. В настоящее время эти проблемы находятся в центре внимания специальных программ развития Арктической зоны Российской Федерации.

* * *

При разработке стратегии социально-экономического развития страны крайне важно учитывать большое разнообразие субъектов Российской Федерации в социальном, экономическом, экологическом аспектах. Охватить все разнообразие 85 регионов по качественным характеристикам населения и качеству жизни сложно, поэтому целесообразно разбить их на группы схожих объектов. В результате была получена типология [4] и далее поставлена задача анализа каждой группы в интересующем нас аспекте повышения качества населения. Данная статья начинает цикл исследований отдельных

групп регионов и их сравнительного анализа. Объектом рассмотрения были выбраны три самые малочисленные группы, сильно отличающиеся от остальных регионов страны в разных аспектах: первая группа регионов — своим столичным статусом, вторая группа северокавказских республик особой, нетипичной взаимосвязью качества жизни и качества населения, третья группа северных территорий — природным богатством и сырьевой ориентацией экономики. Были выделены основные проблемы каждой группы и регионов внутри них, решение которых имеет первостепенное значение для повышения качественных характеристик населения. Результаты подтверждают, что основным фактором развития качества населения является качество жизни, а точнее, его экономические характеристики — денежные доходы, уровень бедности и безработицы. В свою очередь, эти характеристики во многом зависят от отраслевой структуры экономики и ее многоуровневого содержания. При дальнейшем анализе остальных групп регионов на это будет обращено особое внимание.

Литература и Интернет-источники

1. **Римашевская Н. М.** Качественный потенциал населения России: взгляд в XXI век // Проблемы прогнозирования. — 2001. — № 3. — С. 34–48.
2. **Римашевская Н. М., Бочкарева В. К., Волкова Г. Н., Корчагина И. И., Мигранова Л. А.** Региональные особенности уровня и качества жизни. — М.: М-Студио, 2012. — 392 с.
3. **Айвазян С. А.** Анализ качества и образа жизни населения. — М.: Наука, 2012. — 432 с.
4. **Локосов В. В., Рюмина Е. В., Ульянов В. В.** Кластеризация регионов России по показателям качества жизни и качества населения // Народонаселение. — 2019. — № 4. — С. 4–17. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00035
5. **Рюмина Е. В.** Специфика отдельных показателей качества жизни и качества населения // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. — 2018. — № 10. [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_36425985_95554330.pdf (дата обращения 09.04.2020).
6. **Рюмина Е. В.** Взаимосвязь показателей денежных доходов, бедности и безработицы: региональный уровень // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. — 2019. — № 7. [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_41412938_53803536.pdf (дата обращения 09.04.2020).
7. **Рюмина Е. В.** Влияние доходов на качественные характеристики населения и условий жизни // Доходы, расходы и сбережения населения России: тенденции и перспективы. Сборник ма-

териалов IV Международной научно-практической конференции. — М.: ИСЭПН РАН, 2019. — 168 с. — С. 117–119.

8. **Яременко Ю. В.** Экономические беседы. — М.: Центр исследований и статистики науки, 1999. — 344 с.

Информация об авторе:

Рюмина Елена Викторовна, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: ryum50@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7386-1077; Researcher ID Web of Science: P-9196-2016.

DOI: 10.19181/population.2020.23.3.2

QUALITATIVE CHARACTERISTICS OF POPULATION AND THE STATE OF THE ECONOMY: ANALYSIS OF CERTAIN GROUPS OF RUSSIAN REGIONS

Yelena V. Ryumina

*Institute of Socio-Economic Studies of Population, Federal Center of
Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences
(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russian Federation, 117218)*

E-mail: ryum50@mail.ru

For citation:

Ryumina E. V. Qualitative characteristics of population and the state of the economy: analysis of certain groups of Russian regions. *Narodonaselenie [Population]*. 2020. Vol. 23. No. 3. P. 16-26. DOI: 10.19181/population.2020.23.3.2 (in Russ.)

Abstract. According to the previously developed typology of Russian regions by the criteria of population quality, the regions were divided into ten groups. A detailed analysis of each group allows determining possible ways to improve the quality of the population in the Russian regions. This article begins to present the cycle of such studies with the analysis of three smallest groups: the first group includes Moscow and St. Petersburg, the second — the Republic of Dagestan, the Republic of Ingushetia, the Chechen Republic, the third — Nenets, Khanty-Mansi, Yamalo-Nenets autonomous okrugs and the Republic of Sakha (Yakutia). The first group of regions is the most prosperous in terms of quality characteristics of the population, here the main problem is the low natural growth of the population. The specificity of the North Caucasus republics in this aspect lies in high indicators of population quality with low material living standards that contradicts the previously statistically confirmed hypothesis of strong impact of quality of life on population quality. The conclusion has been made about high importance of national culture and traditions in these regions. At the same time, comparison of these republics among themselves has shown that traditions in some of them are weakening, and more attention should be paid to economic factors — monetary income, poverty and unemployment rates. These problems in the North Caucasus regions are in line with the theory of multilevel economy, and their solution requires restructuring of the economy on the basis of its technological and technical re-equipment. In the third group, on the contrary, high monetary income is accompanied by poor qualitative characteristics of the population, especially by rates of alcoholism and drug addiction. These phenomena are correlated with the level of unemployment, the growth of which is caused not only by the global crisis processes in the development of the oil and gas

sector, but also by the depletion of highly profitable deposits in the Northern regions of the country, the need to develop hard-to-reach and hardly removable sources of oil and gas. The solution may be to change the structure of the economy of these regions in the direction of development of the natural raw materials processing sector.

Keywords: qualitative characteristics of population, quality of life, human potential, comparative analysis, regions, regional economy.

References and Internet sources

1. Rimashevskaya N.M. Kachestvennyy potentsial naseleniya Rossii: vzglyad v XXI vek [Qualitative potential of the Russian population: a look into the 21st century]. Problemy prognozirovaniya [Studies on Russian Economic Development]. 2001. No. 3. P. 34–48. (in Russ.)
2. Rimashevskaya N.M., Bochkareva V.K., Volkova G.N., Korchagina I.I., Migranova L.A. Regional'nye osobennosti urovnya i kachestva zhizni [Regional Features of the Standards and Quality of Life]. Moscow. M-Studio. 2012. 392 p. (in Russ.)
3. Ajvazyan S.A. Analiz kachestva i obraza zhizni naseleniya [Analysis of the Quality and Way of Life of the Population]. Moscow. Nauka [Science]. 2012. 432 p. (in Russ.)
4. Lokosov V.V., Ryumina E.V., Ulyanov V.V. Klasterizatsiya regionov Rossii po pokazatelam kachestva zhizni i kachestva naseleniya [Clustering of regions by indicators of quality of life and quality of population]. Narodonaselenie [Population]. 2019. No. 4. P. 4–17. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00035
5. Ryumina E.V. Specifika otдел'nykh pokazatelej kachestva zhizni i kachestva naseleniya [Specifics of some indicators of the quality of life and quality of population]. Upravlenie ekonomicheskimi sistemami: elektronnyj nauchnyj zhurnal [Management of Economic Systems: Scientific Electronic Journal]. 2018. No. 10. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_36425985_95554330.pdf (Accessed: 9 April 2020). (in Russ.)
6. Ryumina E.V. Vzaimosvyaz' pokazatelej denezhnykh dohodov, bednosti i bezработitsy: regional'nyj uroven' [Interrelation of indicators of monetary income, poverty and unemployment: regional level]. Upravlenie ekonomicheskimi sistemami: elektronnyj nauchnyj zhurnal [Management of Economic Systems: Scientific Electronic Journal]. 2019. No. 7. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_41412938_53803536.pdf (Accessed: 9 April 2020). (in Russ.)
7. Ryumina E.V. Vliyanie dohodov na kachestvennyye harakteristiki naseleniya i uslovij zhizni [Impact of income on the quality characteristics of population and living conditions]. Dohody, raskhody i sberezheniya naseleniya Rossii: tendencii i perspektivy. Sbornik materialov IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. [Incomes, Expenditures and Savings of the Russian Population: Trends and Prospects. Proceedings of the IV international research and practical conference]. Moscow. ISESP RAS. 2019. P. 117–119. (in Russ.)
8. Yaremenko Yu.V. Ekonomicheskie besedy [Economic Conversations]. Moscow. Centr issledovaniy i statistiki nauki. [Center for Research and Science Statistics] 1999. 344 p. (in Russ.)

Information about the author:

Ryumina Yelena Viktorovna, Dr. Sc. (Econ.), Professor, Chief Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS, Moscow, Russian Federation.

Contact information: e-mail: ryum50@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7386-1077; Researcher ID Web of Science: P-9196-2016.

Статья поступила в редакцию 23.04.2020.

DOI: 10.19181/population.2020.23.3.3

ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕЖДУ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ ПОТЕНЦИАЛОМ И КАЧЕСТВОМ ЖИЗНИ: РЕЗУЛЬТАТЫ КОРРЕЛЯЦИОННОГО АНАЛИЗА

Федотов А. А.

Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН
(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)

E-mail: fedotov.arr@gmail.com

Финансирование:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ по проекту № 18-010-00256.

Для цитирования:

Федотов А. А. Взаимосвязь между человеческим потенциалом и качеством жизни: результаты корреляционного анализа // Народонаселение. — 2020. — Т. 23. — № 3. — С. 27-35.
DOI: 10.19181/population.2020.23.3.3

Аннотация. В статье приведены результаты корреляционного анализа взаимосвязей между показателями качества жизни и человеческого потенциала в России с учётом исследования временных рядов по данным региональной статистики за 2010–2018 годы. Если понятие качества жизни описывает скорее условия жизни, то человеческий потенциал отражает качественные характеристики населения и его свойства. Взгляд автора состоит в том, что первостепенное значение в развитии общества и человека имеет человеческий потенциал, а качество жизни выступает в роли фактора, призванного поддерживать и развивать его. Дано определение человеческого потенциала в широком смысле, как совокупности характеристик населения, выступающих в качестве его внутренних возможностей для реализации и всестороннего развития человека в соответствии с его стремлениями и потребностями. Выбрано 6 показателей человеческого потенциала (естественный прирост населения, уровень образования, посещение музеев и театров, ожидаемая продолжительность жизни, распространение алкоголизма и наркомании, уровень преступности), а также 13 показателей качества жизни. Проведённый корреляционный анализ в целом по годам и регионам выявил ряд закономерностей и позволил построить гипотезы, которые далее были проверены в региональном разрезе с учётом временных рядов. Итоги анализа позволяют сделать выводы о сильном воздействии денежных доходов, бедности и безработицы на большинство показателей человеческого потенциала. Также были обнаружены взаимосвязи между самими компонентами человеческого потенциала, такими как продолжительность жизни, уровень преступности, распространение алкоголизма и наркомании. Кроме того, был выявлен ряд закономерностей во взаимосвязях между отдельными показателями человеческого потенциала и социально-экономическими показателями качества жизни. К найдённым взаимосвязям также относятся влияние преступности на неравенство, младенческой смертности на естественный прирост населения.

Ключевые слова: человеческий потенциал, качество населения, качество жизни, корреляционный анализ, временные ряды.

Понятие человеческого потенциала

Человеческий потенциал, так или иначе, интересовал научное сообщество на протяжении столетий. Как развить потенциал человека? Как проявить и использовать во благо его таланты и добродетели? Как актуализировать присущие человеку индивидуальные характеристики и качества? Несмотря на сильный интерес к данному понятию, его содержание остается мало изученным. Это объясняется его сложной природой: такие интегральные и латентные социальные категории, как качество жизни, качество населения и человеческий потенциал, сложно однозначно определить и измерить. Многое зависит от точки зрения и конкретной прикладной задачи, в рамках которой появляется и соответствующее определение, и методика измерения.

Кроме того, отсутствие большого количества научных трудов на тему человеческого потенциала является следствием скудности статистических данных по показателям человеческого потенциала, недостаточной развитости математических методов их обработки. По этим и иным причинам, изучение вопросов, связанных с развитием и реализацией человеческого потенциала на протяжении веков проходило вне сферы количественных измерений, а преимущественно с точки зрения философии, идеологии и религии.

В статье представлены результаты корреляционного анализа с учётом временных рядов между показателями человеческого потенциала и качества жизни. Проведённое исследование основывается на идее первостепенности задач развития человеческого потенциала и качества населения перед задачами повышения качества жизни, а также вытекающей из данного положения необходимости разделения данных социальных категорий. Только отделив показатели качества жизни от показателей качества населения можно исследовать возможности воздействия на человеческий потенциал с помощью изменений условий среды. По мнению ав-

тора, в современном мире именно качественные характеристики населения являются ключевыми в вопросах развития общества и отдельного человека. Мы глубоко убеждены в том, что в настоящих условиях ни экономический рост, ни научно-технический прогресс, ни социально-культурное и духовное развитие общества и отдельного человека невозможны без учёта человеческого потенциала.

Выделяя различия между категориями качества жизни и человеческого потенциала, можно сказать, что качество жизни больше отражает условия жизни, в то время как человеческий потенциал характеризует свойства населения. Другими словами, качество жизни отвечает на вопросы: как живёт население? каковы условия его жизни? В свою очередь, человеческий потенциал, как социальная категория, призван ответить на вопросы о том, каково само население и каковы его качественные характеристики. В широком смысле автор определяет человеческий потенциал как совокупность характеристик населения, выступающих в качестве его внутренних возможностей для реализации и всестороннего развития человека в соответствии с его стремлениями и потребностями. Таким образом, качество жизни, если понимать его как условия жизни, должно выступать в роли внешних факторов, которые поддерживают развитие и реализацию человеческого потенциала. Данный взгляд обуславливает актуальность выбранной темы исследования воздействия показателей качества жизни на показатели человеческого потенциала.

Результаты корреляционного анализа

В результате изучения разных подходов к структуризации потенциала человека [1. С. 107; 2. С. 186] было выбрано 6 показателей для описания различных аспектов человеческого потенциала: естественный прирост населения, уровень образования, посещение музеев и театров, ожидаемая продолжительность жизни, распространение алкоголизма и наркомании, уровень

преступности. Эти показатели исследовались в их взаимосвязи с 13 показателями, характеризующими качество жизни и социально-экономическое развитие страны. Данные показатели были отобраны и нормализованы из источников официальной статистики за 9 лет с 2010 по 2018 годы. Полный список показателей и результаты корреляционного анализа по годам представлены в таблице 1. Как видно, некоторые показатели в таблице пересекаются. Например, продолжительность жизни,

уровень преступности и образования, по мнению автора, отражают одновременно и качество жизни, и человеческий потенциал населения. Жирным шрифтом выделены значения коэффициента корреляции, достаточно большие (в соответствии с полной шкалой Чеддока), чтобы строить предположения о тесной связи между показателями и возможной причинно-следственной природе данной связи, требующей, разумеется, дальнейших исследований и подтверждений полученных гипотез.

Таблица 1

Корреляция между показателями качества жизни и человеческого потенциала в России (в общем, по всем регионам страны за период с 2010 по 2018 год)

Table 1

Correlation between the indicators of quality of life and human potential in Russia (in general, across all regions of the country for the period from 2010 to 2018)

Показатели качества жизни и качества населения	Показатели человеческого потенциала					
	Естественный прирост населения	Образование	Посещение музеев, театров	Продолжительность жизни	Алкоголизм и наркомания	Преступность
Население с доходами ниже прожиточного минимума	0,28	-0,13	-0,26	-0,15	-0,11	0,17
Продолжительность жизни	0,18	0,36	0,18	1,00	-0,62	-0,64
Коэффициент младенческой смертности	0,42	-0,47	-0,29	-0,37	0,09	-0,02
Заболеваемость на 1000 человек населения	-0,17	0,01	0,13	-0,36	0,44	0,32
Численность врачей всех специальностей	-0,12	0,12	0,26	-0,08	0,12	0,21
Население от 15 до 72 лет с высшим и ср. проф. образованием	-0,13	1,00	0,28	0,36	-0,14	-0,04
Обеспеченность детей дошкольного возраста местами в обр. уч.	-0,32	0,33	0,22	-0,31	0,55	0,30
Численность студентов	-0,12	-0,27	0,23	0,00	-0,05	0,02
Среднедушевые денежные доходы с учетом индекса стоимости жизни	-0,69	0,20	0,32	0,09	0,14	0,04
Коэффициент фондов, раз	-0,45	-0,17	0,13	-0,03	0,02	0,08
Коэффициент Джини	-0,47	-0,20	0,09	-0,06	0,03	0,08
Число зарегистрированных преступлений на 100000 человек	0,17	-0,04	-0,06	-0,64	0,26	1,00
Уровень безработицы населения в среднем за год	0,63	-0,35	-0,28	0,13	-0,33	-0,09

Источник: рассчитано автором по данным Росстата [3; 4].

Первично, по данным таблицы были найдены следующие пары показателей:

1. естественный прирост населения и коэффициент младенческой смертности: 0,42;

2. естественный прирост населения и среднедушевые доходы населения: -0,69;

3. естественный прирост населения и коэффициенты: фондов -0,45, Джини -0,47;

4. естественный прирост населения и уровень безработицы: 0,63;

5. население от 15 до 72 лет с высшим и средним профессиональным образованием и коэффициент младенческой смертности: -0,47;

6. ожидаемая при рождении продолжительность жизни и число зарегистрированных преступлений на 100000 человек: -0,64;

7. алкоголики и наркоманы на 100 тыс. человек населения и ожидаемая при рождении продолжительность жизни: -0,62;

8. алкоголики и наркоманы на 100 тыс. человек населения и заболеваемость на 1000 человек населения: 0,44;

9. алкоголики и наркоманы на 100 тыс. человек населения и обеспеченность детей дошкольного возраста местами в образовательных учреждениях: 0,55.

Результаты анализа временных рядов

Наличие относительно высокой корреляционной связи между показателями ещё недостаточно для того, чтобы делать вывод о причинно-следственной природе этой связи. Для того чтобы подтвердить и проверить полученные в таблице результаты и гипотезы, был проведён корреляционный анализ по каждому отдельному региону с учётом временных лагов.

По результатам проведённого анализа были сделаны следующие выводы. Подтвердилась сильная взаимозависимость ожидаемой продолжительности жизни с показателями распространения пре-

ступности, алкоголизма и наркомании. Корреляция между ожидаемой продолжительностью жизни и количеством зарегистрированных преступлений оказалась высокой в большинстве регионов страны и составила в среднем значение -0,75 за 9 лет. Временные лаги подтвердили данную закономерность. Аналогичные результаты были получены и касательно воздействия на ожидаемую продолжительность жизни показателя распространения алкоголизма и наркомании. Исследовались корреляции за 5, 7 и 9 лет, прямые и обратные временные лаги в 1, 2 и 3 года, и везде результаты ярко подтверждали гипотезу о том, что распространение алкоголизма и наркомании является одной из важных причин низкой продолжительности жизни в большинстве регионов страны. Полученные коэффициенты корреляции для вышеперечисленных исследований за разные промежутки времени и с учётом разных временных лагов в обе стороны варьировались в пределах для большинства регионов страны: от -0,79 до -0,85.

Следующий полученный вывод заключался в сильном влиянии преступности на коэффициенты Джини и фондов, отражающие степень социально-экономического расслоения общества. Исследование временных рядов с лагом 4 года показал коэффициент корреляции 0,63 в среднем для всех регионов. Стоит отметить, что полученный коэффициент фактически выше для большинства отдельно взятых регионов. Исключение составили Республики Коми, Тыва, Мордовия, Дагестан и Чеченская, Забайкальский край, а также Новгородская, Кировская и Воронежская области. Здесь можно говорить о том, что уровень преступности связан с уровнем неравенства в стране.

На основе анализа корреляционных связей было найдено статистическое подтверждение того, что преступность может являться одной из причин возникновения неравенства, однако не было доказано, что она является его следствием. По нашему мнению, преступность является

следствием большого количества трудноизмеримых факторов, таких как культура, традиции, мировоззрение и менталитет народа, и, таким образом, не является следствием сугубо личных и корыстных интересов людей. И это, само собой, сильно обедняет возможности научных исследований в области преступности, которые становятся тем сложнее, чем более мы расширяемся от отдельных территориальных единиц к регионам, округам и всей стране в целом.

Исследование временных рядов подтвердило влияние младенческой смертности на естественный прирост населения. В силу того, что изменения в естественном приросте населения происходят медленно, основные результаты по корреляциям между данным показателем и коэффициентом младенческой смертности можно увидеть при временных лагах в 5 лет (коэффициент корреляции по 78 регионам составил в среднем 0,6) и в 6 лет (коэффициент корреляции по 75 регионам составил в среднем 0,55). Можно говорить о влиянии младенческой смертности на естественный прирост населения, однако сила этого влияния отличается в разных регионах.

Важным выводом проведенного исследования стало найденное сильное влияние экономических показателей, характеризующих уровень благосостояния населения, на многие показатели человеческого потенциала. В частности, было выявлено, что уровень бедности населения воздействует на уровень алкоголизма и наркомании в большинстве регионов страны. Средний коэффициент корреляции для 64 регионов составил 0,68 в период с 2011 по 2016 годы. При анализе временных лагов в 1, 23 и 4 года было обнаружено, что данная тенденция сохраняется и даже усиливается. Так, при временном лаге в 4 года, коэффициент корреляции по 76 регионам страны увеличился до 0,78. Данные результаты подтверждаются корреляционным анализом с исследованием временных рядов между показателями среднедушевых денежных

доходов и численностью алкоголиков и наркоманов на 100 тыс. населения. Исследование с лагом в 3 года показало тесную зависимость между данными показателями ($-0,91$ в среднем) для большинства российских регионов.

Корреляционная зависимость была выявлена также и с показателем безработицы. Средний коэффициент корреляции за 9 лет составил 0,51 для 80 регионов. При временных сдвигах на 1, 2, 3 и 4 года этот коэффициент возрастает до соответственно 0,6; 0,7; 0,75 и 0,85. Исключение составили 5 регионов: Республики Бурятия, Карачаево-Черкесская и Северная Осетия — Алания, Еврейская автономная область и город Москва. Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что одной из причин распространения алкоголизма и наркомании в регионах России являются низкие доходы населения. Бедность и безработица воздействуют на распространение алкоголизма и наркомании, причём имеет место быть отложенный в несколько лет эффект.

Кроме того, было найдено подтверждение сильного воздействия среднедушевых доходов на большинство аспектов человеческого потенциала. Коэффициент корреляции между продолжительностью жизни и денежными доходами составил 0,83 в среднем по всем регионам за 9 лет. Данный эффект сохраняется и при временных лагах в обе стороны на 2, 3, 4 года. При прямом лаге промежуток в 3 года корреляция между показателями составила 0,89 по всем регионам, а при обратном лаге в 3 года коэффициент корреляции оказался отрицательным и составил $-0,74$ для 75 регионов. Это красноречивые результаты, позволяющие делать выводы о сильном воздействии денежных доходов на продолжительность жизни, и также о том, что с увеличением продолжительности жизни денежные доходы в нашей стране уменьшаются, что очевидно, при нынешнем низком уровне благосостояния пенсионеров в регионах России. Полученные данные корреляций по временным рядам между про-

должительностью жизни и уровнем безработицы также подтверждают выводы о влиянии благосостояния населения на продолжительность жизни. Коэффициент корреляции за 9 исследуемых лет составил $-0,62$ (в среднем для 70 регионов), причём этот показатель растёт с увеличением временных лагов, и при прямом лаге в 4 года составляет уже $-0,89$ (в среднем для 79 регионов). Таким образом, на продолжительность жизни имеют сильное воздействие все исследованные показатели благосостояния населения: уровень бедности, среднечеловеческие денежные доходы и безработица.

Воздействие экономических показателей было обнаружено и на другие аспекты человеческого потенциала. Корреляция между денежными доходами и распространением среднего и высшего образования составила $0,84$ для 77 регионов, с учётом временного лага в 2 года. Коэффициент корреляции при анализе год в год за 9 исследуемых лет составил $0,45$ (в среднем для 78 регионов). Также была обнаружена сильная отрицательная корреляция между распространением образования и уровнем бедности населения, причём эта связь усиливается с увеличением временных лагов. При анализе временных рядов с прямым лагом в 2 года коэффициент корреляции составил $-0,85$ (в среднем по 70 регионам). Корреляция с уровнем бедности также оказалась высокой и составила $-0,45$ (в среднем по всем регионам), усиливаясь с увеличением временных лагов на 1, 2 и 3 года до $-0,55$, $-0,8$ и $-0,76$ соответственно (в среднем по всем регионам). Полученные данные говорят о влиянии благосостояния населения на уровень образования, что можно объяснить тем, что образование в России стало носить по большей части коммерческий характер. Обратного влияния распространения образования на денежные доходы населения выявить не было, другими словами, образование не способствует прямым образом повышению денежных доходов. Корреляция образования с уровнем безрабо-

тицы также была обнаружена в большинстве регионов ($-0,45$ для всех регионов), но её сила становится ощутимой только при обратных временных лагах, достигая значений $-0,71$ и $-0,72$ соответственно при временном смещении на 2 и 3 года по всем регионам. При прямых временных лагах коэффициент корреляции остаётся статистически незначимым ($-0,15$ и $-0,37$ в среднем по всем регионам при смещениях в 2 и 3 года, соответственно). Отсюда можно сделать вывод о том, что безработица негативно влияет на получение образования, однако наличие образования не способствует явному уменьшению безработицы в регионах страны.

С другими показателями человеческого потенциала также были найдены корреляционные связи. Корреляция показателя среднечеловеческих денежных доходов с количеством посещений музеев и театров составила $0,77$ для 64 регионов, с учётом прямого временного лага в 2 года. Корреляция среднечеловеческих денежных доходов населения с уровнем распространения преступности составила в среднем $-0,74$ за 9 лет по всем регионам страны. Коэффициент корреляции между естественным приростом населения и среднечеловеческими доходами оказался высоким в большинстве регионов ($0,68$ в среднем за 7 лет по 77 регионам).

Анализ отдельно по каждому региону подтвердил сильную корреляцию между охватом дошкольным образованием и распространением алкоголизма и наркомании. Содержательно это может быть объяснено тем, что в неблагополучных семьях мало внимания уделяется воспитанию и образованию детей, особенно в условиях частичной платности дошкольных учреждений. При исследовании год в год коэффициент корреляции составил $-0,8$ в среднем по 77 регионам. Анализ временных рядов подтверждает выявленную тенденцию: при временных сдвигах на 1, 2 и 3 года коэффициент корреляции в среднем почти не уменьшается, достигая значений $-0,79$, $-0,75$ и $-0,72$, соответственно. Исключение

в данном исследовании составили 7 регионов, где корреляционная связь не была установлена ни при анализе «год в год», ни с учётом временных лагов: это Республика Бурятия, Татарстан и Удмуртская, Еврейская автономная область и Ненецкий автономный округ, Костромская область, города Санкт-Петербург и Москва. Обратное влияние охвата дошкольным образованием на численность алкоголиков и наркоманов может быть исследовано только на продолжительных временных лагах — от 15 лет и выше, результаты которого, как нам представляется, должны показать, что, в силу недостаточной социализации детей, не прошедших через дошкольные учреждения, во взрослом возрасте они более склонны к девиантному поведению. Период с 1 года до 6 лет представляется особенно важным, потому что в это время фор-

мируется психика человека на всю жизнь, и отсутствие социализации в это время, в особенности в условиях неблагополучной семьи, может вести ребёнка к отчуждению, повышая в будущем риск подверженности алкогольным и наркотическим расстройствам.

Итак, было обнаружено сильное воздействие факторов благосостояния населения на большинство показателей человеческого потенциала. Кроме того, были выявлены взаимосвязи внутри структуры человеческого потенциала, в частности, влияние алкоголизма и наркомании, преступности и естественного прироста населения на продолжительность жизни. Было обнаружено сильное воздействие преступности на показатели социально-экономического неравенства и отсутствие обратной связи между данными показателями.

Литература и Интернет-источники

1. **Римашевская Н. М., Мигранова Л. А., Токсанбаева М. С.** Человеческий и трудовой потенциал российских регионов // *Народонаселение*. — 2014. — № 3. — С. 106–119.
2. **Локосов В. В., Рюмина Е. В., Ульянов В. В.** Региональная дифференциация показателей человеческого потенциала // *Экономика региона*. — 2015. — № 4. — С. 185–196.
3. Регионы России. Социально-экономические показатели: Стат. сб. / Росстат [электронный ресурс]. — Режим доступа: https://gks.ru/bgd/regl/b19_14p/Main.htm (дата обращения: 05.03.2020).
4. Здравоохранение в России. Социально-экономические показатели: Стат. сб. / Росстат [электронный ресурс]. — Режим доступа: https://gks.ru/bgd/regl/b19_34/Main.htm (дата обращения: 05.03.2020).

Сведения об авторе:

Федотов Артём Александрович, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: fedotov.arr@gmail.com; ORCID: 0000-0003-4185-4013; Researcher ID Web of Science: P-1577-2017.

DOI: 10.19181/population.2020.23.3.3

RELATIONSHIP BETWEEN HUMAN POTENTIAL AND QUALITY OF LIFE: RESULTS OF CORRELATION ANALYSIS

Artem A. Fedotov

*Institute of Socio-Economic Studies of Population, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences
(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russian Federation, 117218)*

E-mail: fedotov.arr@gmail.com

Funding:

The study was carried out with the financial support of the RFBP (project No. 18–010–00256).

For citation:

Fedotov A.A. Relationship between human potential and quality of life: results of correlation analysis. *Narodonaselenie [Population]*. 2020. Vol. 23. No. 3. P 27-35. DOI: 10.19181/population.2020.23.3.3 (in Russ.)

Abstract. *The article provides the results of a correlation analysis of the functional relationships between indicators of quality of life and human potential in Russia. The study was conducted on the basis of regional statistics for the period from 2010 to 2018 with the account of time series. While the notion of quality of life describes rather conditions of life, human potential reflects qualitative characteristics of population. Human potential is considered in a broad sense as a set of population characteristics that act as opportunities for realization and comprehensive development of a person in accordance with his aspirations and needs. In the author's view, human potential is of a paramount importance in the development of society and man, and quality of life acts as a factor designed to maintain and develop it. This determines the relevance of the topic of this study, aimed at finding functional relationships between the indicators of quality of life and human potential. The author selected 6 indicators of human potential: natural population growth, educational attainment, visits to museums and theaters, life expectancy, incidence of alcoholism and drug addiction, and crime rates. There were also selected 13 indicators of quality of life: population with income below the subsistence minimum, life expectancy, infant mortality rate, morbidity, number of doctors of all specialties, population with higher and secondary professional education, provision of places for preschool children in educational institutions, number of students, average per capita income, R/P10% ratio, Gini coefficient, number of recorded crimes, unemployment rate. Some indicators are both indicators of the quality of life and indicators of the quality of population that made it possible to identify functional relationships between various aspects of human potential. The correlation analysis carried out in general for all years and regions discovered a number of regularities and allowed us to construct hypotheses, which were further tested in the regional context with the account of time series. The results of the analysis allow us to draw conclusions about strong impact of monetary income, poverty and unemployment on most indicators of human potential. There were also found relationships between the components of human potential themselves, such as life expectancy, crime rates, incidence of alcoholism and drug addiction. In addition, there was identified a number of regularities in the relationships between individual indicators of human potential and socio-economic indicators of quality of life. The relationships found also include: impact of crime on inequality, of infant mortality on natural population growth, etc.*

Keywords: *human potential, population quality, quality of life, correlation analysis, time series.*

References and Internet sources

1. Rimashevskaya N.M., Migranova L.A., Toksanbaeva M.S. Chelovecheskiy i trudovoy potentsial rossiyskih regionov [Human and labour potential of the Russian regions]. *Narodonaselenie [Population]*. 2014. No. 3. P. 106–119. (in Rus.)
2. Lokosov V.V., Ryumina E.V., Ulyanov V.V. Regional'naya differentsiaciya pokazatelej chelovecheskogo potentsiala [Regional differentiation of human potential indicators]. *Regionalnaya Ekonomika [Economy of Region]*. 2015. No. 4. P. 185–196. (in Rus.)
3. Regiony Rossii. Social'no-ekonomicheskie pokazateli [Regions of Russia. Socio-Economic Indicators]. Available at: https://gks.ru/bgd/regl/b19_14p/Main.htm (Accessed: 5 March 2020). (in Rus.)
4. Zdravoohranenie v Rossii. Social'no-ekonomicheskie pokazateli [Healthcare in Russia. Socio-economic indicators]. Available at: https://gks.ru/bgd/regl/b19_14p/Main.htm (Accessed: 5 March 2020). (in Rus.)

Information about the author:

Fedotov Artem Alexandrovich, Cand. Sc. (Econ.), Senior Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS, Moscow, Russian Federation.

Contact information: e-mail: fedotov.arr@gmail.com; ORCID: 0000-0003-4185-4013; Researcher ID Web of Science: P-1577-2017.

Статья поступила в редакцию 18.03.2020.

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ НА СОВРЕМЕННЫЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УКЛАД

Алексеева О.А.*, Бестужева О.Ю., Вершинская О.Н., Скворцова Е.Е.

*Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН
(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)*

**E-mail: alekseeva_oa@list.ru*

Финансирование:

Исследование выполнено в рамках НИР по Государственному заданию «Анализ деятельности населения регионов России в сферах финансового поведения, распространения информационных технологий, естественного и миграционного движения» № 0165–2018–0005.

Для цитирования:

Алексеева О.А., Бестужева О.Ю., Вершинская О.Н., Скворцова Е.Е. Влияние цифровой трансформации на современный социально-экономический уклад // Народонаселение. — 2020. — Т. 23. — № 3. — С. 36–47. DOI: 10.19181/population.2020.23.3.4

Аннотация. Вследствие цифровизации и роботизации процессов производства и управления, развития искусственного интеллекта в XXI веке изменяется социально-экономический уклад. В статье кратко описаны технологические этапы и направления цифровой трансформации и области ее применения. Проанализировано как положительное, так и отрицательное вероятное влияние цифровой трансформации на социальную жизнь человека. Показана роль искусственного интеллекта (ИИ) в улучшении качества жизни населения, в том числе, преодолении деструктивных последствий, связанных с пандемией COVID-19. Представлены гуманитарные выгоды, связанные с функциональным использованием ИИ-технологий: онлайн-взаимодействия предоставляют новые возможности для общения, эффективной организации жизни, для получения образования, осуществления трудовой деятельности, самовыражения и творчества. Выявлены и систематизированы вызовы и угрозы для человечества в процессе взаимодействия с ИИ: потеря человеком контроля над личной жизнью, поглощение рабочих мест, замещение профессий, изменения в занятости населения, цифровое неравенство, снижение когнитивных, социальных и жизненных навыков людей, потенциальные этические конфликты. Намечены способы, с помощью которых можно объединить усилия в решении угрожающих проблем и поддержания контроля над сложными сетями «человек-цифра».

Ключевые слова: цифровая трансформация, искусственный интеллект (ИИ), социально-экономический уклад, траектории человеческого развития, занятость населения, цифровые навыки, цифровое неравенство, этические конфликты, COVID-19.

Начало XXI века ознаменовалось существенным изменением сложившегося социально-экономического уклада: замедлением процесса глобализации и стагнацией мировой экономики по причине обнищания старых рынков, падением прибыльности традиционных видов бизнеса; кризисом идеологических основ финансово-олигархического капитализма; дальнейшей цифровизацией и роботизацией процессов производства и управления; «слияния» реального и виртуального миров. Подчеркнем, что эти тренды влияют друг на друга, в чем-то взаимно усиливаясь или нейтрализуя это взаимовлияние [1. С.23]. Происходит изменение направления глобальных производственных связей и продажи услуг при форсировании информационного обмена.

В марте 2019 г. группа исследователей различных областей знаний из научных и статистических центров США, Великобритании, Швеции, Дании, Германии, Канады, России опубликовали научную работу о долгосрочных траекториях человеческого развития [2]. Ученые представили прогноз развития по четырем траекториям: статус-кво, при которой человеческая цивилизация сохраняется в отдаленном будущем; катастрофической, при которой одно или несколько событий наносят значительный ущерб человеческой цивилизации; технологических преобразований, в которой радикальные технологические прорывы дают иной курс развития; экспансионистской, подразумевающей выход в космос или иные ценозы. В обосновании данного исследования было опрошено более 700 ведущих экспертов с целью оценить вероятность каждой из траекторий по общей шкале в 100 баллов [3]. Более половины экспертов (55%), высказались, что наиболее вероятна — катастрофическая траектория, на втором месте по числу голосов экспертов (33%) — технологические преобразования.

Траектория технологических преобразований, по мнению ученых, связана

с понятием «технологической сингулярности», и предвещает радикальное изменение состояния человеческой цивилизации, которое может быть со знаком плюс или минус. Авторами описываются основные виды потенциально прорывных технологий (нанотехнологии, биотехнологии, искусственный интеллект (ИИ)) и анализируются предполагаемые последствия их развития. Соединение ИИ и биотехнологии включает в себя перспективу «загрузки» человеческого разума в компьютеры, меняя форму человеческой цивилизации. Трансформирующие технологии могут значительно улучшить условия жизни людей, уменьшить бедность и болезни, улучшить состояние окружающей среды, ускорить космическую колонизацию, и в то же время, привести к глобальным катастрофам: использованию нанотехнологий для массового производства видов оружия, биотехнологии для создания смертельных патогенов, выходу ИИ из-под контроля с причинением вреда людям. Такие катастрофы, скорее всего, приведут к вымиранию населения или потере сельского хозяйства и промышленности. Важным показателем катастрофических траекторий является скорость катастрофы. Прошло меньше года с момента опубликования этого прогноза, а человечество уже столкнулось с пандемией COVID-19. Будет ли это началом катастрофической траектории? Вопрос остается открытым, по крайней мере, до тех пор, пока не будет создана противовирусная вакцина.

Попытаемся понять, какую роль играет или может сыграть ИИ в трансформации современного социально-экономического уклада, в том числе в условиях борьбы с пандемией. Под термином искусственный интеллект [4] мы понимаем, прежде всего, алгоритмы и на их основе технологии, способные анализировать огромные массивы данных и принимать решения так, как если бы это делал человек. Созданный человеком ИИ с технической точки зрения можно условно назвать повсеместной и поступательной

автоматизацией, которая будет иметь огромное влияние на социально-экономические показатели и качество жизни населения. В этой связи можно выделить четыре технологических этапа развития ИИ, которые одновременно являются сферами его применения и будущими направлениями развития.

1. Использование интернет-данных. Пользователи интернета автоматически помечают данные в процессе их просмотра, и на этом основаны алгоритмы машинного обучения. Машину обучают с помощью большого количества данных и алгоритмов, которые дают ей возможность научиться выполнять определенную задачу самостоятельно либо с помощью «учителя» (примеров, обучающих данных). Такие массивы маркированных данных формируют подробные профили запросов, желаний, привычек пользователей для составления индивидуального контента. Системы глубокого обучения¹ (различные нейронные сети) лежат в основе сферы услуг, используются в медицине. Так, обработка огромного количества данных о диагнозах, геномных профилях, результатах терапии, помогает разрабатывать программу лечения конкретного пациента.

2. Ведение бизнеса и финансовой деятельности. В целях удержания потребителя алгоритмизируется весь бизнес-функционал от логистики до управления компанией. Алгоритмы обучаются на частных наборах данных: от покупок клиентов до записей обслуживания машин и сложных бизнес-процессов. Это позволяет управляющей системе совершенствовать процесс принятия решений. Например, система изучает банковские кредиты и ставки погашения, выяв-

вив тип заемщиков со скрытым риском невыполнения обязательств или наоборот, перспективных клиентов. Чат-боты и персональные помощники заменяют собой приложения, операционные системы, обслуживающий персонал в компаниях, например, для потребителя могут подобрать лучший рейс, покупку, бронировать гостиницу и т.д. Искусственные нейросети управляют покупкой и продажей активов в режиме реального времени. На финансовых рынках работают системы ИИ, которые генерируют и пишут пресс-релизы и статьи о финансовых результатах компаний, распространяя их по сети.

3. Обучение человеческому восприятию. Системы ИИ становятся способным самостоятельно видеть, слышать, обонять. Разрабатываются цифровые запахи и способы передачи других ощущений через интернет. Множество smart-устройств начинают подключать дома и города к интернету вещей. Одежда приобретает функции датчика, компаса, весов. Технологии распознавания образов используются в таких сферах, как безопасность и наблюдение, сканирование и создание изображений, маркетинг и реклама, дополненная реальность и поиск изображений.

4. Автономность действий. Интегрируя в себе предыдущие направления, полностью автономные устройства ИИ смогут видеть окружающий мир (распознавать объекты) и использовать эту информацию для принятия решений. В области робототехники такие алгоритмы ИИ применяются к промышленным приложениям (например, автоматизированные сборочные линии и склады), коммерческим задачам (например, роботы для домашней работы или сбора урожая), а в конечном итоге, к потребителю.

В настоящий момент, когда наступает четвертый технологический этап развития ИИ, в условиях пандемии и для преодоления ее, искусственный интеллект, как интеграция различных источников информации с помощью технологии

¹ Deep learning – архитектура, основанная на принципах функционирования человеческого мозга, нейронов и связей между ними. Такие системы могут состоять из миллиардов параметров и анализировать огромное количество переменных. Для ввода первоначальных параметров может быть использован любые типы данных (изображения, звуковые сегменты или расчеты кредитной картой и т.п.). После их обработки, искусственный интеллект предоставляет решение или прогноз, например, какие слова произнесены на аудиозаписи, или является ли сделка мошеннической, или дальнейшее поведение рынка и тому подобное.

больших данных, позволяет обработать и упорядочить идентификационную информацию людей, их траекторию движения, действий, состояние здоровья. Это один из первых в истории человечества случаев, когда на основе авторизации пользователей, в мировом масштабе объединяются данные. Например, в противовирусной борьбе задействованы следующие системы ИИ:

- биоинформатические, которые расшифровывают геном, определяют генетические риски и предсказывают, насколько эффективны новые лекарства;
- системы, разрабатывающие методы лечения, прототип вакцины, моделирующие структуру вируса, проводящие анализы с помощью сканеров;
- осуществляющие отбор из тысячи опубликованных научных работ о пандемии наиболее ценных и алгоритмизацию основных выводов и данных;
- рассчитывающие логистику доставки продуктов, медикаментов и медоборудования в эпицентры заражения, управляющих роботами технического обслуживания и доставки;
- отслеживающие прохождения коронавируса по создаваемому им информационному полю (например, Международный исследовательский центр искусственного интеллекта в Словении, действующий под эгидой ЮНЕСКО, запустил проект Corona Virus Media Watch [5]);

- обеспечивающие контроль за эпидемиологической обстановкой, прогнозирование эволюции вспышек заболеваний, наблюдение за перемещением населения, в том числе и в целях ограничения.

Несмотря на столь современные и прогрессивные методы борьбы с вирусом, в частности, в сфере контроля за обстановкой, многие действия государственных чиновников напоминают практику хирургов времен Первой мировой войны — ампутировать ногу повыше, чтобы спасти всего человека [6]. Строгие карантинные ограничения относительно продолжения работы микро-, малого и среднего бизнеса ставят работников в трудное

положение — сбережения домохозяйств, члены которых заняты в подобных компаниях, как правило очень ограничены.

Цифровое отслеживание контактов через сигналы с мобильных телефонов с помощью специального приложения или через мобильных операторов помогает выходу из карантина. Контролирующие таким образом системы в Сингапуре, Южной Корее, Тайване быстро находят и изолируют тех, кто общался с каждым заразившимся человеком. В регионах и столице России были введены цифровые пропуска для граждан, перемещающихся на личном или общественном транспорте в период карантина, кроме того, контроль за передвижениями граждан отслеживался по операциям с банковскими картами [7]. Однако целевое использование контроля за перемещением граждан в период эпидемии имеет и обратную сторону. Социальные проблемы использования контролируемых систем ИИ при проведении комплекса ограничительных мероприятий вызывают тревогу в отношении соблюдения прав и свобод граждан, поскольку в QR-кодах этих приложений зашифрованы ссылки на персональные данные. Существует риск возможности использования этой информации после окончания карантинных мероприятий, так как на смену всеобщему карантину может прийти режим, в котором по возвращении к прежней жизни, власти будут знать о каждом шаге человека.

Инструменты цифрового контроля уже имеются в распоряжении государства. Это не только физическое патрулирование, но и использование видеокamer на дорогах, в подъездах и транспорте, мобильного приложения с геопривязкой «Социальный мониторинг», QR-кода (уникальный ID для перемещения по городу), данных сотовых операторов и банков, если воспользоваться их услугами вне района проживания. Воспользоваться пандемией и протестировать возможности «цифровой диктатуры» пока сдерживается рядом правовых препон и тех-

ническими возможностями по обработке данных [8].

С гуманитарной точки зрения развитие ИИ оказывает колоссальное влияние на человека, обуславливая как выгоды для него, так и проблемы. Выгоды повседневной жизни связаны с отношением человека к интернет-технологиям, как к средству для достижения чего-либо — онлайн-взаимодействия предоставляют новые возможности для общения и коллективной организации, эффективной организации своей жизни, предоставляет новые возможности для получения образования, осуществления трудовой деятельности, самовыражения и творчества.

В условиях пандемии усилились старые и возникли новые трансформирующие тенденции в социально-экономическом укладе населения, и прежде всего, произошло усиление разобщенности людей. Онлайн «накрыл» все социальные сферы — образование, труд, лечение, отдых и другие. Один из примеров тому — с начала пандемии во Франции удаленно работали 25% занятых, во время пандемии их стало 85% [9]. Потоки трудовой миграции ограничились, нарушилось мировое разделение труда. Еще одна проблема — высокая интеграция производств и цепочек добавленной стоимости в экономически развитых странах, которые сейчас оказались разорваны [8]. Например, экономическая сила ЕС состоит именно в межстрановой торговле, во множестве мелких предприятий и их встроенности в глобальные цепочки поставок, значительная часть которых приходится на сам ЕС. Даже те государства, которые пострадают от вируса меньше других, в итоге неизбежно ждет эхо разрыва экономических связей.

Обострились противоречия между офлайн и онлайн работниками. Работники офлайн сферы труда, которым грозит безработица, и которые по характеру трудовой деятельности не смогли перейти на удаленную работу, оказались в более затруднительном положении

в противоположность работникам на дистанционной работе. По словам премьера-министра России М. Мишустина, число безработных, официально зарегистрированных в службах занятости, выросло с 1 апреля 2020 г. в 3,5 раза, и их около 3 млн человек [10]. Основатель сервиса Superjob А. Захаров считает, что количество реальных безработных в 5–6 раз превышает количество зарегистрированных в службах занятости (многие компании не смогли оформить документы по увольнению, банкротству, закрытию из-за режима самоизоляции), работу потеряли около 10 млн человек [11]. Отмена очных занятий в школах и ограничение доступа и объема медицинских услуг усиливают давление на население, увеличивая социальную напряженность.

В повседневной жизни в период карантинной самоизоляции ежедневное время присутствия в интернете увеличилось в разы. Стали активнее пополнять ряды интернет-пользователей пожилые люди и люди, бывшие по каким-то причинам вне интернета. Тем самым ускорился переход в «онлайн» всех категорий населения. Согласно результатам опроса ВЦИОМ и SBG, проведенного 30 апреля 2020 г. среди населения старше 18 лет², на фоне самоизоляции произошел восьмикратный рост доли удаленно работающих россиян: на удаленную работу перешли полностью или частично 16% граждан, в том числе 9% полностью, а 7% — частично. До пандемии так трудились только 2% опрошенных. Основные категории работников на удаленной работе — специалисты с высшим образованием в бюджетной и коммерческой сферах, а также жители двух столиц и городов-миллионников. Чем выше уровень цифровых компетенций, тем выше вероятность перехода на дистанционную работу. Примерно две трети опрошенных удовлетворены имеющимся у них уровнем цифровых компе-

² Цифровая грамотность и удаленная работа в условиях пандемии. Совместный аналитический доклад ВЦИОМ и Social Business Group. 15 Мая 2020 года. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10280> (дата обращения: 18.07.2020).

тенций. Большинству россиян, перешедших на удаленную работу, согласно опросу, не пришлось осваивать для этого какие-либо новые навыки (81%).

Однако онлайн-жизнь человека, социального по природе, вкупе с беспокойством о здоровье, вызывают психологический дискомфорт, страх и чувство неуверенности. Результаты опроса показывают, что большинство перешедших на удаленную работу респондентов (61%) оценивают свой опыт перехода отрицательно, связывая это с тем, что специфика деятельности требует непосредственного контакта с людьми, сложностями самоорганизации в домашних условиях, ограниченностью физического пространства. Тотальная длительная разобщенность может привести к ряду негативных последствий — от потери социальных связей и функций до изменения сознания.

Возможна и другая стратегия поведения населения, связанная с переживанием самоизоляции и карантина. За последние десятилетия изменились многие фундаментальные аспекты социального уклада. Семейные и общинные связи стали слабее, что особенно характерно для поколения Y (24–37 лет), и поколения Z (16–23 года). Необходимость большого числа людей оставаться изолированными от работы, семьи в широком смысле этого слова, друзей в течение карантинного периода вынуждены были вновь начать волноваться о своих родственниках и изыскать новые формы общения. По данным исследования GlobalWebIndex, респонденты из США и Великобритании в возрасте 24–37 стали больше проводить времени со своей семьей (40% респондентов), а также контактировать со своими друзьями/семьей чаще (35%) [12]. Можно предположить, что и российские пользователи интернета в результате самоизоляции будут восстанавливать ослабевшие из-за нехватки свободного времени связи со своей семьей и друзьями.

Серьезным испытанием для учеников и учителей стал экстренный переход

на дистанционное обучение в связи с закрытием средних учебных заведений. Вовлеченными в процесс обучения оказались все члены домохозяйств, причем в наибольшей степени это были мамы учеников (85%). Министр просвещения С. С. Кравцов признал, что осознавал риски резкого перехода школ на дистанционное обучение: «Конечно, не все школы и не все учителя были к этому готовы. Для многих семей это оказалось шоком. Но это непростое решение значительно сократило риски заражения детей, учителей и их семей». Кроме проблем с изучением предметов, отмечались сложности с наличием техники, передачи выполненных заданий и услуг связи в ходе проведения уроков. Дистанционное обучение в нынешней ситуации показало свою неэффективность, уверен сопредседатель профсоюза «Учитель» В. Луховицкий [13].

На основании вторичного анализа научных исследований о влиянии развития искусственного интеллекта на различные сферы человеческой жизни были выявлены и систематизированы следующие вызовы и угрозы для человечества.

Потеря человеком контроля над личной жизнью. Принятие решений по ключевым аспектам цифровой жизни автоматически передается инструментам «черного ящика», управляемого машинным кодом (большинство алгоритмов ИИ не обладают свойством прозрачности и прослеживаемости). Люди перестают контролировать собственную независимость, приватность и выбор [14]. Ситуация будет усугубляться по мере того, как автоматизированные системы будут становиться все более распространенными и сложными. В период карантина усиливается «рабочее рабство» сотрудников, выведенных на удаленную форму работы — исчезает понятие окончания рабочего дня — работодатели требуют нахождения на связи 24/7, что усиливает зависимость работников от «цифры» и принуждает их к выполнению работы, не ограниченной по времени и неопределенной по харак-

теру [15]. Частично эту проблему в России призван решить новый закон о дистанционной работе, вступающий в силу в начале 2021 года. Закон должен обеспечить оплату труда дистанционных работников в полном объеме, исключить дискриминацию удаленных сотрудников при расторжении трудового договора и гарантировать право быть офлайн³.

*Поглощение рабочих мест ИИ, замещение профессий, изменения в занятости населения*⁴. Эффективность и другие преимущества машинного интеллекта будут продолжать разрушать различные аспекты работы. К 2030 г. 15% всех рабочих мест в мире освободятся из-за автоматизации, и прежде всего, в банковской и страховой сферах, энергетике, добывающей промышленности, производстве и розничной торговле. В развитых странах появляются «лишние люди» при одновременной нехватке высококвалифицированных кадров, которые все сложнее и дольше обучать. Поглощение рабочих мест искусственным интеллектом увеличит экономические разногласия и может привести к социальным потрясениям. Например, прекращение или приостановка работы в связи с пандемией на промышленных предприятиях и компаниях сферы услуг по-разному отразилась на занятости населения. Структура экономики уже в период карантина начала меняться в сторону промышленности и сельского хозяйства. Уже через месяц мировой эпидемии в России был виден перенос промышленных заказов из Китая внутрь страны. Блиц-опрос предпринимателей показал, что состояние производственных компаний куда более устойчиво, чем компаний сектора услуг.

В большинстве из них говорят, что легко восстановят прежние объемы при размо-
раживании спроса после снятия каран-
тина, а в условиях льгот по аренде и на-
логам будут развиваться [8]. Достаточно
успешными исключениями для компан-
ий сферы услуг в период самоизоляции
являются те, которые используют ИИ для
формирования складских запасов и ин-
тернет для получения заказов и сбора
оплаты через банковские приложения.
Это пример плодотворного комбина-
рования офлайн и онлайн деятельности.

Можно предположить, что в данном случае на рынке труда будут востребо-
ваны рабочие, инженеры и предприни-
матели реального сектора, а также уче-
ные фундаментальных секторов науки.
С точки зрения функционирования со-
циума это не будет миром самоизоля-
ции, а напротив, миром плотных реаль-
ных коммуникаций.

Цифровое неравенство проявляется в обладании специальными знаниями (образованием) и навыками работы с ин-
формационно-телекоммуникационны-
ми технологиями, в доступности ИКТ
для различных слоев населения. Нера-
венство между создателями интеллект-
туальных продуктов и технологий, про-
фессионалами, управленцами и потре-
бителями увеличивается. Во время пан-
демии в силу неравных условий органи-
зации рабочего пространства усиливает-
ся неравенство между онлайн и офлайн
работниками.

Снижение когнитивных, социальных и жизненных навыков людей. Увеличение зависимости человека от автоматизи-
рованных систем подрывает способность
думать самостоятельно, принимать ре-
шения независимо от них и эффектив-
но взаимодействовать с другими людьми.
Китайский профессор Шэнь Ян счита-
ет, что «Каждый раз, когда искусствен-
ный интеллект заменяет определенную
способность человека, происходит увя-
дание этой способности. Поэтому, если
человек не сможет расширить свое про-
странство на духовном уровне, ценность

³ Законопроект № 973264–7 «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной и удаленной работы». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/973264-7> (дата обращения: 18.07.2020).

⁴ Профессии и области, где ИИ с успехом используется – тьютер, рекрутер, кредитный скоринг, оценка подозреваемых, социальный рейтинг (в Китае). Попытки «научить» ИИ синтезу нового открывают применение ИИ в творческих областях (например, в дизайне), до сих пор считавшиеся исключительной прерогативой человека.

социальной функции будет значительно снижена» [16]. Если рассматривать ИИ как социальный актор (чат-боты, бесплатные средства, личные ассистенты), то внедрение средств ИИ в сбор и фильтрацию информации создает поток информации для каждого отдельного человека, во многом заменяющий функции общения «человек-человек» в реальных и виртуальных пространствах, что может приводить к формированию у людей замкнутого собственного инфопространства, и ставит его в зависимость от применяемых алгоритмов (facebook, google и т.п.). Это, в свою очередь, например, облегчает задачу манипулирования методом «вброса» определенных идей и мнений, производства дезинформации.

Потенциальные этические конфликты из-за возможного злоупотребления личными данными. Большинство инструментов ИИ находятся и будут находиться в руках стремящихся к прибыли компаний или стремящихся к власти правительств. Ставится вопрос — как учитываются, и будут ли учитываться ценности и этика в цифровых системах, принимающих решения, объединенных сетью и сложно регулируемых. За каждым алгоритмом ИИ стоит команда людей в составе крупных корпораций (Google, Microsoft, Amazon, Facebook, IBM, Apple (G-MAFIA), Baidu, Alibaba и Tencent (BAT)). Возникает проблема потенциального этического конфликта функционального ИИ (например, чат-бот «расист», или «гонка вооружений» между ИИ различных государств). Происходит превращение пользователей сети в товар без согласия, эксплуатация лица в качестве объекта права собственности. А. Левис (Andrew Lewis) так описал это явление: «если вы не платите за что-то, вы не клиент, вы — продукт, который продается» [17].

Увеличение времени нахождения в сети в период самоизоляции в связи с пандемией предоставляет владельцам сетей огромные возможности по продвижению своих товаров и услуг среди пользователей. Использование персональных

данных пользователей является источником прибыли для Интернет-компаний, и пользователи не властны избежать этого. Раскрытие Э. Сноуденом системы слежки за всем населением планеты с помощью ИИ показывает степень незащищенности личного пространства. Это относится как к благонадежным гражданам, так и к преступникам, что отчасти ставит тех и других на одну доску.

Таким образом, в настоящее время и в краткосрочной перспективе вызовы и угрозы, которые несет в себе цифровая трансформация, становятся более очевидными, а человек перед ними более уязвимым. Предпринятые правительствами стран (в том числе и России) комплекс мер против распространения пандемии с использованием искусственного интеллекта оказался своего рода усиливающим фактором изменения современного социально-экономического уклада. Можно сказать, пандемия ускорила процессы «оцифровки» сфер человеческой жизни, сильнее выявила имеющиеся проблемы и риски, связанные с развитием ИИ.

Для нейтрализации опасных тенденций и поддержания контроля над сложными сетями «человек-цифра» необходимо улучшение сотрудничества через границы и заинтересованные стороны для разработки политики, гарантирующей, что ИИ будет направлен на гуманность и общее благо, для чего потребуются новый уровень нормативного и сертификационного процесса. Потребуется реорганизация социально-экономических систем в целях расширения возможностей и способностей людей в процессе цифровой трансформации и выработки сопротивляемости тенденциям, ставящими под угрозу «нужность» человека.

Литература и Интернет-источники

1. **Кешелава В. Б.** Когда сознание определяет бытие. На пороге «цифрового» будущего. Книга вторая. Пушкино — Москва: 2017. 10.12.2017. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://spkurdyumov.ru/uploads/2017/12/kogda-soznanie-opredelyaet-bytie-na-poroge-cifrovogo-budushhego.pdf> (дата обращения: 18.07.2020).
2. «Long-Term Trajectories of Human Civilization» published in Foresight 21(1): 53–83 (2019). This version 11 March 2019. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://gcrinstitute.org/papers/trajectories.pdf> (дата обращения: 18.07.2020).
3. **Ларина Е., Овчинский В.** Вперёд к нечеловеческой цивилизации? [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://zavtra.ru/blogs/vperyod_k_nechelovecheskoj_tcivilizacii (дата обращения: 18.07.2020).
4. **John McCarthy.** What is artificial intelligence? 2007. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www-formal.stanford.edu/jmc/whatisai/whatisai.html> (дата обращения: 30.07.2020).
5. Coronavirus watch, worldwide media, advanced visualizations and more [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://coronaviruswatch.ircal.org/?country=RUS&dashboard=news> (дата обращения: 18.07.2020).
6. **James Bovard.** Hacksawing the Economy: How Lockdowns Are in the Tradition of Civil War Surgeons, Mises Institute, 05/19/2020. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.zerohedge.com/health/hacksawing-economy-how-lockdowns-are-tradition-civil-war-surgeons> (дата обращения: 18.07.2020).
7. Система Госуслуги московской области «Стоп коронавирус». [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://uslugi.mosreg.ru/stop-covid> (дата обращения: 17.05.2020).
8. **Алабужин И., Гурова Т., Денисенко К., Мамедьяров З., Скоробогатый П.** Большой брат не вылечит тебя. // Эксперт. Online version (0). Москва, 06.04.2020 [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://expert.ru/expert/2020/15/bolshoj-brat-ne-vilechit-tebya/> (дата обращения: 18.07.2020).
9. **Козенко А.** Как меры изоляции влияют и еще повлияют на наши повседневные привычки // Би-би-си. 21 мая 2020. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/features-52744598> (дата обращения: 18.07.2020).
10. Мишустин рассказал, сколько граждан потеряли работу из-за коронавируса. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.rosbalt.ru/business/2020/07/22/1854944.html> (дата обращения: 28.07.2020).
11. Основатель Superjob оценил реальную безработицу в России в 10 млн человек // Агентство Интерфакс. 3 июня 2020 года. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.interfax.ru/russia/711524> (дата обращения: 31.07.2020).
12. GWI Coronavirus research. March 2020 [Электронный ресурс] — Режим доступа: www.globalwebindex.com (дата обращения: 18.05.2020).
13. Звонок звенит для родителя. Опрос Центра исследований современного детства Института образования НИУ ВШЭ. // Коммерсантъ от 05.06.2020. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/gallery/4366967#id1906380> (дата обращения: 18.07.2020).
14. AI and the future of humans: Experts express concerns and suggest solutions. Pew Research Center. December 10, 2018. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.pewinternet.org/chart/ai-and-the-future-of-humans-experts-express-concerns-and-suggest-solutions/> (дата обращения: 18.07.2020).
15. **Линькова О. М.** Сущность современного рабства // Социология и жизнь. — 2010. — № 2. — С. 62–67.
16. **Шэнь Ян.** Насколько эпидемия приблизила будущее? // Хуанью шибао, Китай. 03.04.2020. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://inosmi.ru/social/20200403/247185785.html> (дата обращения: 18.07.2020).
17. The Slavery of Advertising and Us Being the Product Without Our Permission. 5 November 2015. Anste Inc. [Электронный ресурс] — Режим доступа: www.Ansle.com (дата обращения: 18.07.2020).

Сведения об авторах:

Алексеева Ольга Александровна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник лаборатории исследований социально-экономического и информационного развития территорий Института социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: alekseeva_oa@list.ru, ORCID: 0000-0001-8412-0015.

Бестужева Оксана Ювиналиевна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник лаборатории исследований социально-экономического и информационного развития территорий Института социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: bestoujeva@gmail.com.

Вершинская Ольга Николаевна, доктор экономических наук, главный научный сотрудник лаборатории исследований социально-экономического и информационного развития территорий Института социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: vershinskaya@mail.ru.

Скворцова Елена Евгеньевна, научный сотрудник лаборатории исследований социально-экономического и информационного развития территорий Института социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: skvortsova_e@mail.ru, ORCID: 0000-0003-1693-7247.

DOI: 10.19181/population.2020.23.3.4

IMPACT OF DIGITAL TRANSFORMATION ON THE MODERN SOCIO-ECONOMIC ORDER

**Olga A. Alekseeva*, Oksana Yu. Bestuzheva,
Olga N. Vershinskaya, Elena E. Skvortsova**

*Institute of Socio-Economic Studies of Population, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences
(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russian Federation, 117218)*

**E-mail: alekseeva_oa@list.ru*

Funding:

The study was carried out within the framework of research under the State assignment «Analysis of the activities of the population of Russian regions in the sphere of financial behavior, dissemination of information technologies, natural and migration movement» (No. 0165-2018-0005).

For citation:

Alekseeva O.A., Bestuzheva O. Yu., Vershinskaya O.N., Skvortsova E.E. Impact of digital transformation on the modern socio-economic order. *Narodonaselenie* [Population]. 2020. Vol. 23. No. 3. P. 36-47. DOI: 10.19181/population.2020.23.3.4 (in Russ.)

Abstract. *The socio-economic order is changing in the 21st century due to the digitalization and robotization of production and management processes, the development of Artificial Intelligence (AI). The technological stages and directions of digital transformation and the area of its application are briefly described in the article. Both the positive and negative likely impact of AI on human*

social life are analyzed. The role of AI in improving the quality of life of the population is shown, including overcoming of destructive consequences associated with the COVID-19. The humanitarian benefits associated with the functional use of AI technologies are presented: online interactions provide new opportunities for communication, effective organization of life, for education, work, self-expression and creativity. Challenges and threats to humanity in the process of interaction with AI are Identified and systematized: a person's loss of control over his personal life, taking away work from a person by AI, replacement of professions, changes in employment, digital inequality, reduction of cognitive, social and life skills people, potential ethical conflicts. Ways are outlined by which people could join forces in solving threatening problems and maintaining control over complex networks «people-digit».

Keywords: digital transformation, artificial intelligence (AI), socio-economic order, human development trajectories, employment of the population, digital skills, digital inequality, ethical conflicts, COVID-19.

References and Internet sources

1. Keshelava V.B. *Kogda soznanie opredelyaet bytie. Na poroge «cifrovogo» budushchego. Kniga vtoraya. Pushchino—Moskva 2017. 10.12.2017. [When consciousness determines being. On the verge of a digital future. Book 2. Pushchino—Moscow]. Available at: <http://spkurdyumov.ru/uploads/2017/12/kogda-soznanie-opredelyaet-bytie-na-poroge-cifrovogo-budushhego.pdf> (Accessed: 18.07.2020). (in Russ.)*
2. «Long-Term Trajectories of Human Civilization» published in *Foresight* 21(1): 53–83 (2019). This version 11 March 2019. Available at: <http://gcrinstitute.org/papers/trajectories.pdf> (Accessed: 18.07.2020).
3. Larina E., Ovchinskij V. *Vperyod k nechelovecheskoj civilizacii? [Forward to non-human civilization?]* Available at: http://zavtra.ru/blogs/vperyod_k_nechelovecheskoj_tcivilizatcii (Accessed: 18.07.2020). (in Russ.)
4. John McCarthy. *What is artificial intelligence?* 2007. Available at: <http://www-formal.stanford.edu/jmc/whatisai/whatisai.html> (Accessed: 30.07.2020).
5. *Coronavirus watch, worldwide media, advanced visualizations and more.* Available at: <http://coronaviruswatch.ircai.org/?country=RUS&dashboard=news> (Accessed: 18.07.2020).
6. James Bovard. *Hacksawing the Economy: How Lockdowns Are in the Tradition of Civil War Surgeons*, Mises Institute, 05/19/2020. Available at: <https://www.zerohedge.com/health/hacksawing-economy-how-lockdowns-are-tradition-civil-war-surgeons> (Accessed: 18.07.2020).
7. *Sistema Gosuslugi moskovskoj oblasti «Stop koronavirus».* [System of the State Service of the Moscow Region «Stop coronavirus»] Available at: <https://uslugi.mosreg.ru/stop-covid>, (Accessed: 17.05.2020). (in Russ.)
8. Alabuzhin I., Gurova T., Denisenko K., Mamed'yarov Z., Skorobogatyj P. *Bol'shoj brat ne vylechit tebya. «Ekspert» № Online version (0). Moskva, 06.04.2020 [Big brother won't heal you.]* Available at: <https://expert.ru/expert/2020/15/bolshoj-brat-ne-vilechit-tebya/> (Accessed: 18.07.2020). (in Russ.)
9. Kozenko A. *Kak mery izolyacii vliyayut i eshche povliyayut na nashi povsednevnye pri-vychki.* BBC. May 2, 2020. [How isolation measures affect and will still affect our daily habits. BBC. May 21, 2020.] Available at: <https://www.bbc.com/russian/features-52744598> (Accessed: 18.07.2020). (in Russ.)
10. Mishustin rasskazal, skol'ko grazhdan poteryali rabotu iz-za koronavirusa. [Mishustin told how many citizens have lost their jobs due to the coronavirus.] Available at: <https://www.rosbalt.ru/business/2020/07/22/1854944.html> (Accessed: 28.07.2020). (in Russ.)
11. *Osnovatel' Superjob ocenil real'nuyu bezraboticu v Rossii v 10 mln chelovek. Agentstvo Interfaks 3 iyunya 2020 g.* [The founder of Superjob estimated the real unemployment in Russia at 10 million people. Interfax News Agency. June 3, 2020] Available at: <https://www.interfax.ru/russia/711524>

(Accessed: 31.07.2020). (in Russ.)

12. GWI Coronavirus research. March 2020. Available at: www.globalwebindex.com (Accessed: 18.05.2020).
13. Zvonok zvenit dlya roditelya. Opros Centra issledovaniy sovremennogo detstva In-stituta obrazovaniya NIU VSHE. «Kommersant» 05.06.2020. [The bell rings for the parent. Poll by the Center for the Study of Contemporary Childhood, Institute of Education, National Research University Higher School of Economics. Kommersant, dated 06/05/2020.] Available at: <https://www.kommersant.ru/gallery/4366967#id1906380> (Accessed: 18.07.2020). (in Russ.)
14. AI and the future of humans: Experts express concerns and suggest solutions. Pew Research Center. December 10, 2018. Available at: <http://www.pewinternet.org/chart/ai-and-the-future-of-humans-experts-express-concerns-and-suggest-solutions/> (Accessed: 18.07.2020).
15. Lin'kova O. M. Sushchnost' sovremennogo rabstva // Sociologiya i zhizn'. № 2. 2010. С. 62–67. [The essence of modern slavery // Sociology and life. No. 2. 2010. P. 62–67.]. (in Russ.)
16. SHen' YAn: naskol'ko epidemiya priblizila budushchee? (Huan'cyu shibao, China) 03.04.2020. [How much has the epidemic brought the future closer?] Available at: <https://inosmi.ru/social/20200403/247185785.html> (Accessed: 18.07.2020). (in Russ.)
17. The Slavery of Advertising and Us Being the Product Without Our Permission. 5 November 2015. Anste Inc. Available at: www.Antsle.com (Accessed: 18.07.2020).

Information about the authors:

Alekseeva Olga Aleksandrovna, Cand. Sc. (Econ.), Senior Researcher, Laboratory for Researches on Socio-Economic and Informational Development of Territories, Institute of Socio-Economic Studies of Population, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS, Moscow, Russian Federation.
Contact information: alekseeva_oa@list.ru, ORCID: 0000-0001-8412-0015.

Bestuzheva Oksana Yuvinalievna, Cand. Sc. (Econ.), Senior Researcher, Laboratory for Researches on Socio-Economic and Informational Development of Territories, Institute of Socio-Economic Studies of Population, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS, Moscow, Russian Federation.
Contact information: bestojeva@gmail.com.

Vershinskaya Olga Nikolaevna, Dr. Sc. (Econ.), Chief Researcher, Laboratory for Researches on Socio-Economic and Informational Development of Territories, Institute of Socio-Economic Studies of Population, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS, Moscow, Russian Federation.
Contact information: vershinskaya@mail.ru.

Skvortsova Elena Evgenievna, Researcher, Laboratory for Researches on Socio-Economic and Informational Development of Territories, Institute of Socio-Economic Studies of Population, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS, Moscow, Russian Federation.
Contact information: skvortsova_e@mail.ru, ORCID: 0000-0003-1693-7247.

Статья поступила в редакцию 04.07.2020.

DOI: 10.19181/population.2020.23.3.5

ПОВЕДЕНЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА: НАСЕЛЕНИЕ НА РЫНКЕ КРЕДИТНЫХ УСЛУГ

Ярашева А.В.^{1*}, Макар С.В.², Симагин Ю.А.¹

¹Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН
(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)

²Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
(125993, Россия, Москва, Ленинградский проспект, 49)

*E-mail: baktriana@rambler.ru

Финансирование:

Исследование выполнено в рамках НИР по Государственному заданию «Анализ деятельности населения регионов России в сферах финансового поведения, распространения информационных технологий, естественного и миграционного движения» № 0165–2018–0005.

Для цитирования:

Ярашева А.В., Макар С.В., Симагин Ю.А. Поведенческая экономика: население на рынке кредитных услуг // Народонаселение. — 2020. — Т. 23. — № 3. — С. 48–58. DOI: 10.19181/population.2020.23.3.5

Аннотация. В статье рассмотрены актуальные вопросы, связанные с текущими тенденциями в сфере кредитования населения в России. Цель работы — на основе анализа статистических и социологических данных выявить возможные риски действия физических лиц на рынке кредитных услуг. На основе примененных авторами общенаучных диалектических подходов показаны: динамика роста кредитного портфеля банков, рост объемов кредитования (банки и микрофинансовые организации), а также задолженности населения с 2013 по 2019 гг. в рублях и иностранной валюте (в целом и по ипотеке). Ранжированы макрорегионы России по абсолютному показателю задолженности и по темпам ее роста. Выявлены возможности и риски для заемщиков, желающих воспользоваться предоставленными государством льготами, действующими с апреля 2020 года (рефинансирование, кредитные каникулы). Оценены меры, применяемые государством, в частности, кредитные каникулы для физических лиц и ограничение для банков выдачи кредитов за счет введения обязательного показателя долговой нагрузки, которые будут способствовать оздоровлению сложившейся ситуации с колоссальной задолженностью и уменьшению социальных рисков. Хотя в долгосрочной перспективе — с точки зрения влияния в целом на экономику страны — сокращение объема заимствований со стороны населения может привести к уменьшению вклада потребительского кредитования в рост экономики и замедлить его. Сделан вывод — несмотря на предпринятые со стороны государства меры, существующий уровень закредитованности населения несет в себе большую опасность в силу сокращения доходов, как экономического последствия пандемии коронавируса.

Ключевые слова: кредитное поведение, кредитные каникулы, поведенческая экономика, задолженность физических лиц по кредитам, макрорегион, ипотека, пандемия коронавируса.

Введение

Поведенческая экономика, как одна из современных научных отраслей знаний, предполагает изучение причин (групп факторов), влияющих на выбор человеком той или иной стратегии, в том числе, относительно его личных финансов. Из всех видов экономического поведения наибольшему риску на сегодняшний день подвержены действия населения на рынке кредитных услуг. В первую очередь это касается задолженности россиян перед кредитными организациями, которая достигла угрожающих размеров. В сложной экономической ситуации, возникшей из-за разразившейся пандемии коронавируса, потеря (снижение) доходов потенциальных заемщиков и тех, кто уже имеет долги по кредитам, привело к сокращению возможностей обслуживания займов. Усугубляется проблема еще и тем, что пока сохраняется неопределенность относительно восстановления доходов населения в ближайшем будущем.

Научные подходы к изучению как вновь возникших, так и накопившихся за последние несколько лет проблем на рынке кредитных услуг, а также поиск путей выхода из сложившейся ситуации предлагают в своих работах российские ученые. Исследователи анализируют: влияние уровня денежных доходов населения, как важнейшего показателя спроса на кредитные услуги [1], возможности и риски для заемщиков [2], формирование кредитных стратегий россиян [3], социологические измерения особенностей кредитного поведения в отдельных регионах страны [4; 5], экономические ожидания и их влияние на принятие решений в сфере кредитования [6; 7], историко-социологические подходы при изучении кредитного поведения [8], выбор российскими домохозяйствами кредитных услуг в периоды кризиса [9], появление новых инструментов и инновационных технологий — электронной закладной и цифровой ипотеки [10], проблемы кредитной задолженности населения в регионах России [11; 12]. Нынешняя ситуация, связанная с экономическими последствиями пандемии коронави

руса, требует рассмотрения возникших новых рисков для населения.

Результаты исследования

Среди негативных проявлений вынужденной самоизоляции россиян выделяется падение уровня доходов и ухудшение кредитного качества заемщиков, что непосредственно влияет на рост риска неплатежей (невозврата) средств. Безусловно, понижение 24 июля 2020 г. Центральным банком России ключевой ставки до 4,25% должно способствовать снижению уровня процентных ставок по кредитам. Но это, в первую очередь, имеет отношение к заключению новых кредитных договоров. Что же касается «старых долгов», то за период с 20 марта по 6 мая 2020 г. в кредитные организации было подано около 1,4 млн обращений о реструктуризации долга, из которых только половина была удовлетворена.

Государством принимается ряд мер, которые могут оказать влияние на управление рисками, связанными с задолженностью населения. В частности, законом о так называемых «кредитных каникулах» от 3 апреля 2020 г.¹, предусматривается льготный период с отсрочкой погашения суммы основного долга и уплаты процентов по кредитам (займам) для физических лиц, индивидуальных предпринимателей и субъектов малого и среднего предпринимательства в отдельных сферах деятельности. Однако кредитные каникулы имеют не только преимущества, но и предусмотренные законом ограничения, а в последующем — возможные риски (табл. 1).

¹ Федеральный закон № 106-ФЗ от 03.04.2020 «О внесении изменений в Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части особенностей изменения условий кредитного договора, договора займа.

Таблица 1

Преимущества, ограничения (условия) и риски кредитных каникул

Table 1

Advantages, limitations (conditions) and risks of credit holidays

Преимущества	Условия и ограничения	Риски
1) отсрочка погашения суммы основного долга и уплаты процентов по кредитам: - физическим лицам, - индивидуальным предпринимателям; 2) отсрочка для кредитов и займов: - в банках, - микрофинансовых организациях (МФО); - кредитных потребительских кооперативах (КПК); 3) отсрочка для всех видов кредита: ипотеки, задолженности по кредитным картам, автокредитов, потребительских кредитов и займов наличными.	- обращение не позднее 30.09.2020; - размер кредита не превышает установленный максимальный размер ¹ ; - за месяц до обращения снижение дохода заемщика более чем на 30% по сравнению со среднемесячными доходами предыдущего года (документы, подтверждающие снижение, надо предоставить не позднее 90 дней после дня представления кредитору требования); - на момент обращения в отношении кредитного договора (договора займа) не действует какой-либо иной льготный период; - кредитный договор был оформлен до 03.04.2020.	- опасность долгой проверки (до 1,5–2 мес.) банком документов заявителя, в течение которой могут накапливаться долги, и обязанность заплатить штраф за просрочку платежей (в период ожидания о принятии банком решения) в случае отказа в предоставлении каникул; - если заемщик за 90 дней не сможет предоставить доказательство своей неплатежеспособности, условия кредитования вернутся к прежним. Кроме того, образуется просроченная задолженность, за которую будет начислена пеня.
заемщик вправе определить длительность льготного периода и дату начала льготного периода. В любой момент заемщик может прервать кредитные каникулы	льготный период – не более 6 месяцев (но - не позже, чем через 14 дней со дня подачи заявления об отсрочке по потребительскому кредиту и 30 дней – по ипотеке)	если физическое лицо или индивидуальный предприниматель не достигли за этот период прежнего размера дохода, выплатить долги (тело кредита и проценты по нему) будет невозможно
проценты на кредитные карты и потребительские ссуды начисляются в меньшем размере.	по окончании льготного периода сумма начисленных процентов фиксируются в качестве обязательства заемщика, для погашения в течение 720 дней после дня окончания льготного периода равными платежами каждые 30 дней.	даже в рассрочку, необходимо будет выплатить полностью все долги по кредитному договору

Источник: составлено авторами.

Для части заемщиков кредитные каникулы окажутся благом и спасут от финансового краха (на 01.06. 2020 зарегистрировано уже более 210 тыс. обращений в рамках упомянутого закона). Но даже возможность воспользоваться временной отсрочкой не поможет, если не восстановится прежний уровень доходов пользователя кредитных услуг, так как долги в любом случае придется вернуть в полном объеме.

Несмотря на ряд предложенных инициатив и предпринятых действий со стороны Правительства, не все меры реализуются. Так, согласно результатам опроса Российской торгово-промышленной палаты (ТПП), проведенного 20–27 апреля 2020 г.,² выяснилось: треть опрошенных не смогла погасить под условия господдержки и вынуждены сокращать рабочие места; 21% отправили часть сотрудников в отпуск за свой счет; 14% уменьшили размер оплаты труда, отменив премии; 11% сократили число сотрудников (10% смогли сохранить основной штат, но были вынуждены «проститься» со вспомогательным персоналом, еще 8% планируют осуществить ряд увольнений) Что же касается беспроцентных кредитов предпринимателям на выплату зарплат, как еще одной меры поддержки платежеспособности насе-

¹ Постановлением Правительства России № 435 от 03.04.2020 установлен максимальный размер: по потребительским кредитам для физлиц – 250 тыс. руб.; по автокредитам – 600 тыс. руб.; по кредитным картам для физлиц – 100 тыс. руб.; по потребительским кредитам для ИП – 300 тыс. руб.; по ипотеке (в соответствии с указом Президента 10.04.2020. Правительство РФ повысило размер ипотечных кредитов, по которым могут быть предоставлены каникулы): для Москвы – 4,5 млн. руб.; для Подмосковья, Санкт-Петербурга и ДФО – 3 млн. руб.; для всех остальных субъектов РФ – 2 млн. руб. (первоначальный лимит составлял 1,5 млн. руб. для всех).

² Участвовали 21600 бизнесменов из 83 регионов России.

ления, то, по данным этого опроса: 62% респондентов не стали использовать данную возможность, и не планируют этого делать; 17% попробовали воспользоваться, но в кредитной организации им заявили, что «у них нет нормативных документов на выдачу такого кредита»; 9% получили от банка отказ; 6% получили ответ о том, что организация не уполномочена выдавать такие ссуды. В ТПП добавляют: «банки отказали трети опрошенных предпринимателей в предоставлении кредитных каникул, кредитов на зарплату, а также в реструктуризации кредитов и выдаче новых кредитов, причем, без объяснения причин»³. Такая ситуация сложилась в 75 регионах, а самые большие нарекания прозвучали (в открытых вопросах анкеты) в сторону Альфа-банка, ВТБ, Газпромбанка, Банка Тинькофф и Сбербанка: «...в каждом банке предъявляются свои условия и требования к выдаче кредитов, которые были обещаны со стороны государства: кроме того, от предпринимателей требуют, чтобы они предоставили документов больше, чем это ого-

варивается в стандартном пакете».

Неоднозначная (часто противоречивая) ситуация на рынке заимствований, сложилась не в 2020 г., она лишь усугубилась из-за пандемии коронавируса. Между тем, если провести ретроспективный анализ в сфере кредитных услуг, можно увидеть, с одной стороны, увеличение заинтересованности банков в расширении круга потенциальных клиентов, а, с другой — всё большее «втягивание» заемщиков в опасный «долговой водоворот». Так, за период с 2013 по 2019 гг. росла доля потребительских кредитов в общем количестве заключенных договоров. Заинтересованность банков в выдаче долгосрочных и обеспеченных кредитов подтверждается и ростом доли ипотечных кредитов в портфеле российских банков с 28% в 2013 г. до 43% в 2019 году (табл. 2). И хотя заметно, что с 2016 по 2019 гг. эта доля почти не изменилась, тем не менее она велика — это почти половина всех кредитных договоров.

Таблица 2

Некоторые показатели кредитования коммерческих банков

Table 2

Some credit indicators of commercial banks

Показатель	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Портфель потребительских кредитов, трлн. рублей	9,5	10,9	10,3	10,5	11,9	13,9	17,7
Доля ипотечных кредитов в портфеле, %	28	32	39	43	44	44	43

Источник: составлено авторами на основе данных Банка России, Frank RG, Reuters, расчетов Аналитического центра АО «ДОМ.РФ». [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://frankrg.com/14617> (дата обращения: 12.06.2020).

Таблица 3

Динамика роста ряда показателей кредитования физических лиц, %

Table 3

The growth dynamics of a number of indicators of lending to individuals, %

Показатель	в 2018 г. к 2017 г.	в 2019 г. к 2018 г.
Количества выданных кредитов	18,0	11,0
Объемы кредитования	46,0	18,6
Количество кредитных карт	40,0	20,0

Источник: Пресс-релиз-2019 Объединенного кредитного бюро (ОКБ). [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://bki-okb.ru/press/news/v-i-kv-2019-g-zaemshchiki-vzyali-kreditov-na-197-trln-rub> (дата обращения: 12.06.2020).

³ В ТПП узнали, что половина бизнесменов не смогли получить обещанную государством поддержку. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.interfax.ru/business/706355> 28.04.2020. (дата обращения: 10.05.2020).

Активность российских банков за 2018–2019 гг. заключается в росте количества и объемов заключенных кредитных договоров с населением (табл. 3).

Средняя кредитная нагрузка на одну семью за последние два года выросла с 22% до 27% от их дохода, то есть имеющее кредиты население более четверти своего дохода отдают в счет уплаты долга. По данным ФОМ, доля домохозяйств, в которых есть непогашенные кредиты, в мае 2019 г. достигла 44% (против 38% в мае 2018 г. и 34% в мае 2017 г.)⁴.

Негативные для экономического положения российских домохозяйств тенденции (особенно в части закредитованности) привели к необходимости введения дополнительных мер по ужесточению регулирования рыночных процессов в сфере заимствования населением денежных средств. Сдерживающее влияние на темпы роста портфеля потребительских кредитов оказало введение Банком России с 1 апреля 2019 г. надбавок по резервированию кредитов с высокими процентными ставками, а с 1 октября 2019 г. — введение обязательного расчета показателей долговой нагрузки (ПДН) заемщика и полной стоимости кредита (при выдаче необеспеченных розничных кредитов).

Между тем, задолженность российского населения перед кредитными организациями достигла угрожающих размеров: по итогам 2019 г. — почти 15 трлн руб. (табл. 4). В 2018–2019 гг. рост долговой нагрузки населения по кредитам наблюдался также из-за превышения темпов роста задолженности над темпами роста номинальных доходов физических лиц⁵.

Россияне,отягощенные растущей долговой нагрузкой, и особенно те, кто уже не имеет шансов обратиться в банк из-за неоплаченных третьих-пятых кредитов, прибегают к услугам микрофинансовых организаций (МФО) на кабальных условиях. С 2014 по 2018 гг. число микрокредитов, взятых населением в МФО для погашения банковских кредитов, выросло в 12 раз (со 124 тыс. до 1,46 млн), а общая сумма увеличилась в 6 раз⁶. Сложившаяся ситуация несет в себе две опасности для населения: 1) рост числа кредитов с более высокой процентной ставкой, чем в банках; 2) значительное число недобросовестных (мошеннических) практик со стороны микрофинансовых организаций. Кроме того, такое перекредитование — лишь временное решение проблемы выплаты долгов.

За апрель 2020 г. резко выросла доля просроченных микрозаймов. В 2020 г. почти 40% клиентов МФО отдают на обслуживание долгов более 80% своего ежемесячного дохода (сверхзакредитованные клиенты). К 1 мая 2020 г. объем просроченной задолженности по микрозаймам в России вырос до 51,3 млрд руб. (треть от всего кредитного портфеля МФО)⁷.

Представленные выше данные касаются всей территории России, но анализ ситуации в макрорегионах позволяет ранжировать федеральные округа по росту объемов задолженности населения и по темпам роста долгов перед кредитными организациями (табл. 5).

Таблица 4

Задолженность по кредитам, предоставленным кредитными организациями физическим лицам (на начало года; млрд рублей)

Table 4

Debt on loans granted by credit organizations to individuals (at the beginning of the year; billion rubles)

Задолженность	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Всего, в том числе:	7711,6	9925,9	11 294,8	10 634,0	10 773,7	12 135,5	14 856,6
в рублях	7474,2	9698,9	11 005,3	10 366,8	10 619,2	12 035,7	14 752,7
в иностранной. валюте	237,4	227,0	289,5	267,2	154,5	99,7	104,0

Источник: составлено авторами на основе «Социальное положение и уровень жизни населения России. 2019». Стат. сб. / Росстат. М., 2019. С. 104.

⁴ Ускоренный рост потребительских кредитов в структуре банковского кредитования: причины, риски и меры Банка России. Июнь 2019 года. Банк России. — М., 2019. — С. 10.

⁵ Обзор финансовой стабильности. Информационно-аналитический материал. № 1 (16) — IV квартал 2019 — I квартал 2020 года. Банк России. — М., 2020. — С. 38.

⁶ Перекредитование в рост: банковские долги чаще закрывают микрозаймами [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.banki.ru/news/bankpress/?id=10691964> (дата обращения: 20.12.2019).

⁷ Российская газета. 29.05.2020. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://rg.ru/2020/05/29/v-rossii-vyrosldolia-prosrochennyh-mikrozajmov.html> (дата обращения: 30.05.2020).

Таблица 5

Ранжирование макрорегионов по росту задолженности и по темпам ее роста по кредитам в рублях, предоставленным кредитными организациями физическим лицам с 2006 по 2018 г. (исходя из местонахождения заемщика)

Table 5

Ranking of macro-regions by debt and debt growth rate on loans in rubles provided by credit organizations to individuals from 2006 to 2018 (based on the location of the borrower, million rubles)

Место	В абсолютном выражении	По темпам роста
1	ЦФО	СКФО
2	ПФО	СЗФО
3	СФО	ЦФО
4	СЗФО	ДФО
5	УФО	ЮФО
6	ЮФО	ПФО
7	ДФО	УФО
8	СКФО	СФО

Источник: составлено авторами на основе: Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс] — Режим доступа: [http:// www.gks.ru/](http://www.gks.ru/) (дата обращения: 15.06.2020).

По данным государственной статистики, в абсолютном выражении больше всего долги выросли у населения, проживающего в ЦФО (с 209,9 млн руб. в 2006 г. до 3505,1 млн руб. в 2018 г.) но по темпам роста задолженности этот макрорегион — на третьем месте. В то же время СКФО — на последнем месте по росту объемов долгов (с 19,9 млн руб. в 2006 г. до 338,1 млн руб. в 2018 г.), но на первом — по темпам роста задолженности в этот период.

Из всех видов кредитных продуктов для населения ипотека подразумевает наиболее долгосрочный договор с банком, и самые крупные объемы заимствованных средств. Для кредитных организаций данный вид займа представляет большой интерес, что заметно из динамики объема жилищных (в том числе ипотечных) кредитов, выданных физическим лицам. За период с 2006 по 2018 гг. объем вырос с 30918 млн руб., до 2021402 млн рублей. По федеральным округам — наибольший рост за это время продемонстрировали ЦФО и ДФО, наименьший — СФО и УФО.

В первом квартале 2020 г. россияне взяли ипотеку на сумму 760 млрд рублей, что на 23% больше, чем в 1 квартале 2019 года⁸.

⁸ Аналитический обзор. Январь-май 2020 г. Аналитический центр АО «ДОМ.РФ». [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://дом.рф/upload/iblock/4са/4саса8624785722fa5816f29c8b7c29a.pdf> (дата обращения: 10.06.2020).

Основными факторами, повлиявшими на спрос в начале 2020 г. стали: 1) низкие ставки по ипотечным кредитам — в феврале средняя ставка на новостройки с учетом субсидируемых ставок составила 7,8%; 2) опасения роста ставок; 3) ожидания ослабления курса рубля и роста цен на недвижимость. Но и в предыдущие годы одним из факторов роста объемов жилищных кредитов, выданных населению, являлось снижение средневзвешенной ставки по ипотеке: в 2016 г. она составляла 12,6%, в 2017 г. — 10,05%, в 2019 г. — 9,8%.

Кроме того, в большинстве банков смягчились требования к ипотечным заемщикам: минимальный первоначальный взнос для ипотечного кредита составлял 10–15%, а некоторые банки заключали договор на условиях без первоначального взноса. Рост задолженности вызвал необходимость принятия мер по обеспечению возврата средств и недопущения рисков неплатежей. Доля кредитов с низким первоначальным взносом в общей выдаче составляла более 40%, что потребовало установления Банком России с 1 января 2019 г. надбавок по ипотечным кредитам с первоначальным взносом от 10% до 20%.

Безусловно, ипотека востребована как основной (а для многих россиян единственный) способ улучшения жилищных усло-

вий. Однако вместе с возможностями растут и риски невозврата заимствованных сумм. Макрорегионы различаются между собой по ипотечной задолженности в целом по объемам (в абсолютном выражении) и по темпам роста долгов населения (табл. 6). Так, темпы роста задолженности жителей ПФО и УФО по ипотечным кредитам, согласно официальной статистике, почти в 6 раз меньше, чем в СЗФО, и в 4 раза меньше, чем в ЦФО.

Как уже говорилось выше, изменения в законодательстве, дающие возможность справиться населению с долгами, в частно-

сти касающиеся кредитных каникул, распространяются и на ипотечные кредиты. И в этой части тоже имеются свои преимущества, ограничения и риски (табл. 7). Установленные ограничения по максимальному размеру (сумме) ипотечного кредита, особенно для Москвы (4,5 млн рублей)—существенное препятствие для получения каникул.

В целом рост общего числа невозвратов и частых случаев просрочки платежей требует принятия определенных мер со стороны банков для своих заемщиков по реструк-

Таблица 6.

Ранжирование макрорегионов по задолженности по жилищным (в т.ч. ипотечным) кредитам в рублях, предоставленным кредитными организациями физическим лицам с 2006 по 2018 гг. (исходя из местонахождения заемщика, млн рублей)

Table 6

Ranking of macro-regions by debt on housing (including mortgage) loans in rubles provided by credit organizations to individuals from 2006 to 2018. (based on the location of the borrower, million rubles)

Место	В абсолютном выражении	По темпам роста
1	ЦФО	СЗФО
2	ПФО	ЦФО
3	СФО	СКФО
4	УФО	ДФО
5	СЗФО	ЮФО
6	ЮФО	СФО
7	ДФО	ПФО
8	СКФО	УФО

Источник: составлено авторами на основе: Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс] — Режим доступа: [http:// www.gks.ru/](http://www.gks.ru/) (дата обращения: 15.06.2020).

Таблица 7

Преимущества, ограничения и риски кредитных каникул для ипотечных кредитов

Table 7

Advantages, limitations (conditions) and risks of credit holidays for mortgage loans

Преимущества кредитных каникул по ипотеке	Условия и ограничения	Риски
1) Претендовать могут не только заемщики с хорошей кредитной историей, но и те, кто допускал в прошлом или имеет в настоящий момент просрочки платежей. 2) Сумма пени и штрафов, образовавшаяся за неуплату по кредиту до начала льготного периода, фиксируется и выплачивается после кредитных каникул. 3) Факт выхода на кредитные каникулы будет отражен в кредитной истории заемщика, но в ее информационную часть сведения о неплатежах по кредиту в льготный период включаться не будут. 4) Банк не вправе начислять штрафы, пени и неустойку за неисполнение обязательств по кредитному договору. Проценты по ипотечным кредитам в период каникул не начисляются. 5) Воспользовавшись кредитными каникулами, заемщик все равно имеет право в будущем попросить об отсрочке платежей по ранее принятому закону об ипотечных каникулах.	Ограничения по размеру кредита (сумма)	1) Еще до начала кризиса, связанного с пандемией, у заемщиков по ипотечному кредитованию наблюдались проблемы с выплатами. 2) Всю сумму (задолженность) необходимо будет вернуть полностью.

Источник: составлено авторами.

туризации и рефинансированию долгов. По данным бюро кредитных историй Эквифакс, доля кредитов, предоставляемых заемщикам на рефинансирование прошлой задолженности, в течение 2016–2017 гг. увеличилась в два раза — с 10% до 20% (обусловлено значительным снижением процентных ставок в данный период). В 2019 г. доля рефинансирования сохранялась на достигнутом ранее уровне 20%⁹. По итогам 2020 г. предполагается увеличение этой доли из-за роста обращений в связи с экономическими последствиями пандемии коронавируса.

Выводы

Поведение населения на рынке кредитных услуг определяется группой социально-экономических факторов, среди которых выделяется уровень и стабильность дохода. У тех, кто трудится в наиболее пострадавших от карантинных мер отраслях, имеет задолженность перед банками и столкнулся со снижением (а то и вовсе потерей) доходов, особенно сложная ситуация.

Несмотря на то, что доля просроченных потребительских кредитов со сроком просрочки более 90 дней снизилась за 2019 г. с 9,1% до 7,7%, а к началу 2020 г. — до 7,5%¹⁰ (часть проблемных долгов была списа-

на), ограничение возможностей населения в 2020 году по обслуживанию своих долговых обязательств (и потенциальный рост долговой нагрузки) перед кредитными организациями является одним из серьезных препятствий для финансовой стабильности банковского сектора и бюджетов домохозяйств.

С одной стороны, меры, применяемые государством, в частности, кредитные каникулы для физических лиц и ограничение для банков выдачи кредитов за счет введения обязательного показателя долговой нагрузки (ПДН)¹¹, будут способствовать оздоровлению сложившейся ситуации с колоссальной задолженностью и уменьшению социальных рисков. С другой стороны, высокая доля уже выданных кредитов с ПДН выше 80% на фоне снижения доходов населения является серьезным фактором риска¹².

В долгосрочной перспективе — с точки зрения влияния в целом на экономику страны — сокращение объема заимствований со стороны населения может привести к уменьшению вклада потребительского кредитования в рост экономики. И вновь, как всегда в рыночных условиях, придется выбирать между устойчивостью и постоянно возникающими рисками.

⁹ Бюро кредитных историй «Эквифакс». [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.equifax.ru/press/> (дата обращения: 20.05.2020).

¹⁰ Обзор финансовой стабильности. Информационно-аналитический материал. № 1 (16) — IV квартал 2019 — I квартал 2020 года. Банк России. — М., 2020. — С. 39.

¹¹ Рост долговой нагрузки населения в IV квартале 2019 — I квартале 2020 г. замедлился после введения ПДН с 1 октября 2019 года.

¹² Обзор финансовой стабильности. Информационно-аналитический материал. № 1 (16) — IV квартал 2019 — I квартал 2020 года. Банк России. — М., 2020. — С. 6.

Литература и Интернет-источники

1. **Троп Т. И.** Денежные доходы населения как фактор кредитного поведения населения // Ученые записки Сборник статей. / Под редакцией О. М. Прокапало. — Хабаровск: 2020. — С. 147–163.
2. **Шнейдерман И. М., Ярашева А. В.** Кредитное поведение населения: тенденции и риски // Вопросы статистики. — 2019. — Т. 26. — № 3. — С. 15–22. DOI: 10.34023/2313–6383–2019–26–3–15–22
3. **Ярашева А. В., Макар С. В., Решетников С. Б.** Кредитные стратегии россиян как отражение модели финансового поведения // Финансы: теория и практика. — 2017. — Т. 21. — № 6(102). — С. 138–153. DOI 10.26794/2587–5671–2017–21–6–138–153

4. **Чупенко Л. В.** Факторы, влияющие на кредитное поведение населения: региональный аспект // Север и рынок: формирование экономического порядка. — 2016. — № 1(48). — С. 88–95.
5. **Бадмахагваев Л. Ц., Кованова Е. С., Алляева Т. В., Шурхчиева Т. Г.** Особенности кредитного поведения населения (на материалах выборочного обследования населения Республики Калмыкия) // Российский экономический интернет-журнал. — 2018. — № 4. — С. 9.
6. **Александрова О. А., Ярашева А. В.** Влияние экономических ожиданий на финансовое поведение российского населения // Вопросы статистики. — 2016. — № 5. — С. 70–79.
7. **Масленников В. В., Ларионов А. В.** Влияние поведенческих циклов на экономику // Экономика. Налоги. Право. — 2020. — № 2. — С. 34–44. DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-2-34-44
8. **Моисеева Д. В., Парамонова В. А., Полковая О. В.** Кредитное поведение населения России: историко-социологический анализ // Socio time / Социальное время. — 2018. — № 4(16). — С. 102–111.
9. **Ярашева А. В.** Защита кандидатских и докторских диссертаций в 2013 году // Народонаселение. — 2014. — № 1(63). — С. 147–149.
10. **Шишкина Д. А.** Цифровая ипотека в России: проблемы и перспективы развития // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. — 2019. — № 4(78). — С. 129–133.
11. **Петухов Н. А.** Задолженность населения по кредитам в регионах Российской Федерации // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. — 2016. — Т. 10. — № 1. — С. 51–57.
12. **Ярашева А. В.** Динамика кредитной задолженности россиян по макрорегионам // Доходы, расходы и сбережения населения России: тенденции и перспективы Сборник материалов IV Международной научно-практической конференции. / Под редакцией А. В. Ярашевой, О. А. Александровой, Н. В. Аликперовой. — М.: ИСЭПН РАН, 2019. — 168 с. — С. 165–167.

Сведения об авторах:

Ярашева Азиза Викторовна, доктор экономических наук, профессор, профессор РАН, заведующий лабораторией Института социально-экономических проблем народонаселения Федерального научного исследовательского социологического центра РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: baktriana@rambler.ru; ORCID: 0000-0002-6041-7700; Researcher ID Web of Science: A-9976-2017.

Мakar Светлана Владимировна, доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра региональной экономики и межбюджетных отношений, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия.

Контактная информация: svetwn@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1681-8814; Researcher ID Web of Science: M-5794-2018.

Симагин Юрий Алексеевич, кандидат географических наук, доцент, заведующий лабораторией Института социально-экономических проблем народонаселения Федерального научного исследовательского социологического центра РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: yas63@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8392-8645.

DOI: 10.19181/population.2020.23.3.5

BEHAVIORAL ECONOMY: POPULATION IN THE CREDIT SERVICES MARKET

Aziza V. Yarasheva^{1*}, Svetlana V. Makar², Yury A. Simagin¹

¹*Institute of Socio-Economic Studies of Population, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences
(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russian Federation, 117218)*

²*Financial University under the Government of the Russian Federation
(49 Leningradsky prospect, Moscow, Russian Federation, 125993)*

*E-mail: baktriana@rambler.ru

Funding:

The study was carried out within the framework of research under the State assignment «Analysis of the activities of the population of Russian regions in the sphere of financial behavior, dissemination of information technologies, natural and migration movement» (No. 0165–2018–0005).

For citation:

Yarasheva A. V., Makar S. V., Simagin Yu. A. Behavioral economy: population in the credit services market. *Narodonaselenie* [Population]. 2020. Vol. 23. No. 3. P. 48–58. DOI: 10.19181/population.2020.23.3.5 (in Russ.)

Abstract. *The article discusses topical issues related to the current trends in the field of lending to population in Russia. The purpose of the work is to identify possible risks of individuals' actions in the market of credit services on the basis of analysis of statistical and sociological data. Based on the general scientific dialectic approaches used by the authors, the article shows dynamics of growth in the banks' loan portfolio, growth in lending volumes (banks and microfinance organizations), as well as households' debt from 2013 to 2019 in rubles and foreign currency (in general and in mortgages). Russian macro-regions are ranked by absolute indicator of debt and by its growth rate. Opportunities and risks have been identified for borrowers wishing to take advantage of the benefits provided by the State effective from April 2020 (refinancing, credit holidays). There were assessed the measures applied by the State, in particular, credit holidays for individuals and restrictions for banks in issuing loans through introduction of a mandatory debt load indicator, which will contribute to improvement of the current situation with huge debt and to reduction of social risks. Although in the long run — in terms of the overall impact on the country's economy — a reduction in public borrowing may reduce the contribution of consumer credit to economic growth and slow it down. It is concluded that despite the measures taken by the State, the existing level of the population borrowing is a great danger due to the reduction of income as the economic consequence of the coronavirus pandemic.*

Keywords: *credit behavior, credit vacations, behavioral economics, individual's debt on loans, macro-region, mortgage, coronavirus pandemic.*

References and Internet sources

1. Trop T. I. Denezhnyye dokhody naseleniya kak faktor kreditnogo povedeniya naseleniya [Monetary income of population as a factor in the credit behavior of the population]. *Uchenyye zapiski* [Scientific Notes]. Collection of articles. Ed. by O. M. Prokapalo. Khabarovsk. 2020. P. 147–163. (in Russ.)
2. Schneiderman I. M., Yarasheva A. V. Kreditnoye povedeniye naseleniya: tendentsii i riski [Credit behavior of the population: trends and risks]. *Voprosy statistiki* [Statistical Issues]. 2019. Vol. 26. No. 3. P. 15–22. DOI: 10.34023/2313–6383–2019–26–3–15–22 (in Russ.)
3. Yarasheva A. V., Makar S. V., Reshetnikov S. B. Kreditnyye strategii rossiyan kak otrazheniye modeli finansovogo povedeniya [Credit strategies of Russians as a reflection of the model of financial behavior]. *Finansy: teoriya i praktika* [Finance: Theory and Practice]. 2017. Vol. 21. No. 6. P. 138–153.

DOI: 10.26794/2587-5671-2017-21-6-138-153. (in Russ.)

4. Chupenko L. V. Faktory, vliyayushchiye na kreditnoye povedeniye naseleniya: regional'nyy aspekt [Factors affecting the credit behavior of the population: regional aspect]. Sever i rynek: formirovaniye ekonomicheskogo poryadka [North and Market: Formation of the Economic Order]. 2016. No. 1(48). P. 88–95. (in Russ.)
5. Badmakhalgaev L. Ts., Kovanova E. S., Allyaeva T. V., Shurkhchieva T. G. Osobennosti kreditnogo povedeniya naseleniya (na materialakh vyborochnogo obsledovaniya naseleniya Respubliki Kalmykiya) [Features of the credit behavior of the population (based on materials from a sample survey of the population of the Republic of Kalmykia)]. Rossiyskiy ekonomicheskii internet-zhurnal [Russian Economic Internet Journal]. 2018. No. 4. P. 9. (in Russ.)
6. Aleksandrova O. A., Yarasheva A. V. Vliyaniye ekonomicheskikh ozhidaniy na finansovoye povedeniye rossiyskogo naseleniya [The impact of the economic expectations on financial behavior of the Russian population]. Voprosy statistiki [Statistical Issues]. 2016. No. 5. P. 70–79. (in Russ.)
7. Maslennikov V. V., Larionov A. V. Vliyaniye povedencheskikh tsiklov na ekonomiku [Influence of behavioral cycles on the economy]. Ekonomika. Nalogi. Pravo. [Economy, Taxes, Law]. 2020. No. 2. P. 34–44. (in Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-2-34-44
8. Moiseeva D. V., Paramonova V. A., Polkovaya O. V. Kreditnoye povedeniye naseleniya Rossii: istoriko-sotsiologicheskii analiz [Credit behavior of the population of Russia: historic and sociological analysis]. Socio time / Social Time. 2018. No. 4(16). P. 102–111. (in Russ.)
9. Yarasheva A. V. Zashchita kandidatskikh i doktorskikh dissertatsiy v 2013 godu [Defense of candidate and doctoral dissertations in 2013]. Narodonaselenie [Population]. 2014. No. 1 (63). P. 147–149. (in Russ.)
10. Shishkina D. A. Tsifrovaya ipoteka v Rossii: problemy i perspektivy razvitiya [Digital mortgage in Russia: problems and development prospects]. Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta [Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University]. 2019. No. 4(78). P. 129–133. (in Russ.)
11. Petukhov N. A. Zadolzhennost' naseleniya po kreditam v regionakh Rossiyskoy Federatsii [The debt of the population on loans in the regions of the Russian Federation]. Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i menedzhment [Bulletin of the South Ural State University. Series: Economics and Management]. 2016. V. 10. No. 1. P. 51–57. (in Russ.)
12. Yarasheva A. V. Dinamika kreditnoy zadolzhennosti rossiyan po makroregionam [Dynamics of the credit debt of Russians in macro-regions]. Dokhody, raskhody i sberezheniya naseleniya Rossii: tendentsii i perspektivy [Income, Expenditures and Savings of the Russian Population: Trends and Prospects]. Proceedings of the IV International scientific and practical conference. Ed. by A. V. Yarasheva, O. A. Alexandrova, N. V. Alikperova. Moscow. ISESP RAS. 2019. 168 p. P. 165–167. (in Russ.)

Information about the authors:

Yarasheva Aziza Viktorovna, Dr. Sc. (Econ.), Full Professor, Head of laboratory, Institute of Socio-Economic Studies of Population, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS, Moscow, Russian Federation.

Contact Information: e-mail: baktriana@rambler.ru; ORCID: 0000-0002-6041-7700; Researcher ID Web of Science: A-9976-2017.

Makar Svetlana Vladimirovna, Dr. Sc. (Econ.), Associate Professor, Leading Researcher, Center of Regional Economy and Interbudgetary Relations, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

Contact Information: e-mail: svetwn@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1681-8814; Researcher ID Web of Science: M-5794-2018.

Simagin Yuri Alekseyevich, Cand. Sc. (Geogr.), Associate Professor, Head of laboratory, Institute of Socio-Economic Studies of Population, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS, Moscow, Russian Federation.

Contact information: e-mail: yas63@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8392-8645.

Статья поступила в редакцию 04.07.2020.

ПРОБЛЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ

DOI: 10.19181/population.2020.23.3.6

ОЦЕНКИ НУЖДАЕМОСТИ В ДОЛГОВРЕМЕННОМ УХОДЕ: ОПЫТ ФРАНЦИИ И РОССИИ

Корчагина И. И.,^{1,2*} Прокофьева Л. М.^{1,2}¹Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН
(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)²Национальный исследовательский университет — Высшая школа экономики
(101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20)

*E-mail: i.korchagina@mail.ru

Для цитирования:

Корчагина И. И., Прокофьева Л. М. Оценки нуждаемости в долговременном уходе: опыт Франции и России // Народонаселение. — 2020. — Т. 23. — № 3. — С. 59–70. DOI: 10.19181/population.2020.23.3.6

Аннотация. Общемировая тенденция организации ухода за пожилыми и инвалидами направлена на максимально долгое сохранение автономности в привычной для них среде. Для улучшения качества жизни таких людей в мире активно развиваются системы долговременного ухода (СДУ), которые предоставляют услуги по уходу и медико-социальное обслуживание с учетом потребностей пожилых людей. В настоящее время во многих странах ОЭСР от половины до трех четвертей пожилых людей получают долговременный уход на дому. Франция является одной из тех стран, в которых последние 20 лет проблеме социальной поддержки пожилых с потерей автономности уделяется большое внимание. В России уход за пожилыми и инвалидами в основном ложиться на плечи расширенной семьи. Страна делает только первые шаги в направлении развития современных форм организации социальных услуг населению, поэтому при разработке и внедрении СДУ важно учитывать опыт стран, которые уже прошли определенные этапы становления системы специализированного социального обслуживания пожилых людей с потерей автономности. Важным элементом новой для России системы СДУ будет специальная шкала определения уровня нуждаемости в долговременном уходе, которая помогает более дифференцированно подходить к формированию программы ухода с учетом индивидуальных потребностей каждого пожилого человека или инвалида. Данная статья носит информационный характер. В ней анализируются методики определения уровня нуждаемости в долговременном уходе, используемые во Франции и в России, приведена доступная статистика и описываются достоинства и недостатки этих методов.

Ключевые слова: социальное обслуживание, долговременный уход, система долговременного ухода, оценка нуждаемости в долговременном уходе.

Мировая тенденция старения населения заставляет государства обращать внимание на развитие системы поддержки пожилого населения, и особенно, граждан с потерей автономности или способности к самообслуживанию. Для улучшения качества жизни пожилых людей и инвалидов в мире активно развиваются системы долговременного ухода, которые объединяют услуги по уходу и медико-социальное обслуживание. В докладе Всемирной организации здравоохранения «О старении и здоровье», утверждается, что в XXI веке ни одна страна не может позволить себе не иметь скоординированную систему долговременной (долгосрочной) помощи. Цель долговременного ухода, согласно определению ВОЗ, состоит в обеспечении каждого человека, не полностью справляющегося с самостоятельным уходом, системой поддержки самого высокого качества жизни с наиболее высоким возможным уровнем независимости, автономии, участия в деятельности, самореализации и человеческого достоинства. Создание системы долговременного ухода за гражданами пожилого возраста и инвалидами в развитых странах мира началось в конце 1990-х годов. В настоящее время во многих странах ОЭСР от половины до трех четвертей пожилых людей получают долгосрочную помощь на дому [1].

В России социальные услуги по уходу за пожилыми гражданами оказываются в рамках системы социального обслуживания, однако эта помощь слабо дифференцирована и практически все клиенты получают одинаковый небольшой набор услуг независимо от нуждаемости (в среднем на дому предоставляется 2–3 услуги на человека) [2]. В основном это услуги по покупке и доставке товаров, продуктов и медикаментов, содействие в решении вопросов оплаты ЖКУ и содействие в уборке помещений. Однако пожилые люди остро нуждаются и в других социально-бытовых услугах, и особенно в социально-медицинских. Например, по данным социологических обследований¹, почти половина респондентов старших возрастов зая-

вили, что им не хватает помощи в получении услуг здравоохранения, а также социально-медицинских и санитарно-гигиенических услуг на дому, в то время как факт получения таких услуг фиксируется только у каждого десятого клиента системы социального обслуживания [2].

Пристальное внимание к решению проблем, связанных со старением населения в нашей стране, возникло в связи с задачей повышения ожидаемой продолжительности жизни к 2030 г. до 80 лет, поставленной в Указе Президента Российской Федерации № 204 от 7 мая 2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 года»². Решение такой задачи невозможно без совершенствования системы социального обслуживания населения, внедрения системы долговременного ухода за пожилыми гражданами.

Разработка и внедрение системы долговременного ухода за пожилыми и инвалидами (СДУ) в России началась в 2018 г., когда Министерство труда и социальной защиты совместно с Фондом «Старость в радость» начали реализацию пилотного проекта в шести регионах с постепенным распространением на другие субъекты РФ с целью охвата этой системой к 2024 г. всех населенных пунктов страны³. Создание СДУ финансируется в рамках реализации Федерального проекта «Старшее поколение» национального проекта «Демография».

Преимущество системы СДУ заключается в том, что помощь всем нуждающимся предоставляется дифференцированно с учетом ин-

¹ «Выборочное наблюдение качества и доступности услуг в сферах образования, здравоохранения и социального обслуживания, содействия занятости населения» (КДУ), Росстат, 2017, объем выборки составил 115155 человек.

² Указ Президента Российской Федерации № 204 от 7 мая 2018 года «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 года». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения: 05.04.2020).

³ В пилотный проект в 2018 г. были включены 6 регионов: Волгоградская, Псковская, Костромская, Рязанская, Тульская, Новгородская, в которых было выбрано по два муниципалитета, а внутри муниципалитетов – несколько учреждений социального обслуживания, на базе которых тестировалась внедряемая система. В 2019 г. в проект были подключены еще шесть субъектов Российской Федерации – республики Мордовия и Татарстан, края Камчатский и Ставропольский, области Кемеровская и Кировская. В 2020 г. численность регионов, в которых будет реализовываться СДУ, равна 18, а к 2021 г. – расширится до 24 регионов. В 2022 г. предполагается включение в систему всех субъектов Российской Федерации.

дивидуальных потребностей. Очевидно, что общая тенденция ухудшения состояния здоровья с возрастом наблюдается практически у всех пожилых людей, однако степень такой потери на разных этапах жизни каждого человека разная, а значит, возникает разный уровень зависимости от посторонней помощи, что и обуславливает потребность в разном объеме социальных и медицинских услуг.

Оценка зависимости от посторонней помощи определяется по результатам опросов как окружающих пожилого человека людей (родственников, обслуживающего персонала), так и самого нуждающегося в уходе. Опыт использования самооценки пожилого человека для определения уровня ухода по пятибалльной шкале (Manual Care Dependency Scale) получен, например, в исследованиях Ассоциации медицинских научно-исследовательских и лечебных учреждений Нидерландов и Великобритании⁴. Основная цель применения шкалы — установить степень потери автономности и более точно определить потребность в социально-бытовой помощи и социально-медицинском уходе.

Все методики определения объема помощи в зависимости от индивидуальной возможности гражданина осуществлять самообслуживание основаны на оценке разной степени нарушений автономности у пожилых людей. Наиболее известными методиками оценки степени потери способности человека к самообслуживанию являются шкалы Бартела, Лоутона и Катца, однако многие страны для оценки нуждаемости в долгосрочном уходе разрабатывают собственные более сложные методики [3]. Поскольку Россия делает только первые шаги в направлении развития современных форм организации социальных услуг населению, к которым относится СДУ, важно учитывать опыт стран, которые уже прошли определенные этапы становления системы специализированного социального обслуживания пожи-

лых людей с потерей автономности, к числу которых принадлежит Франция.

Методика оценки уровня нуждаемости в долгосрочном уходе во Франции

К числу стран, где последние 20 лет проблеме социальной поддержки пожилых с потерей автономности уделяется большое внимание, относится Франция. Особый интерес к французской системе связан с существующим там разнообразием служб и специализированных организаций, как государственного, так и частного уровня, занимающихся оказанием социальной и социально-медицинской помощи пожилым людям на дому, а также с существованием единой национальной системы оценки уровня потери автономности, от которой зависит как материальная поддержка пожилых, так и набор услуг для них. На социальную поддержку пожилых с потерей автономности тратится 1,6% ВВП, куда включаются расходы на поддержание здоровья, поддержку при потере автономности на дому и содержание специальных домов для пожилых людей с потерей автономности.

По данным масштабного опроса «Степень автономности, помощь и ресурсы пожилых людей» (CARE), проведенного в 2015 г. Национальным управлением по вопросам исследований, оценки и статистики социальных министерств Франции (DREES), до 1,5 млн. пожилых людей во Франции имели статус лиц с потерей автономности. По данным обследований института статистики Франции 64% населения старше 60 лет указывают на проблемы со здоровьем. При этом 40% респондентов отметили, что имеют функциональные ограничения (физиологические, сенсорные, когнитивные, поведенческие), а 31% имеет ограничения в совершении самых простых физических действий на бытовом уровне, вследствие инвалидизирующих заболеваний. Такие люди не могут самостоятельно выполнять необходимые действия в повседневной жизни и нуждаются в посторонней помощи [4].

Во Франции, начиная с 1994 г., для граждан старше 60 лет используется единая для

⁴ Применяется следующая пятибалльная шкала: 1) полностью зависим от посторонней помощи; 2) в значительной степени зависим от посторонней помощи; 3) частично зависим от посторонней помощи; 4) только в ограниченной степени зависим от посторонней помощи; 5) почти независим от посторонней помощи.

всех медицинских и социальных служб страны оценка нуждаемости в посторонней помощи по системе AGGIR (Autonomie g rontologique groupe iso-ressources). Оценка зависимости от посторонней помощи основана на степени ограничения в повседневной жизнедеятельности, которая определяется по шестибалльной шкале (группы GIR).

Для определения степени утраты автономности пожилого человека и присвоения ему той или иной группы (GIR) формируется медико-социальная группа, которая состоит из специалистов различного профиля: социальный работник, врач, медсестра, административные работники и так далее. Оценка зависимости пожилого человека и его потребностей происходит в ходе визита к нему домой одного

из представителей группы, при котором фиксируются все отклонения в возможностях самообслуживания пожилого человека. Оценивается физическая и умственная степень активности пожилого человека, возможности ориентироваться в пространстве и во времени: самостоятельно готовить и принимать пищу, принимать лекарства, управлять собственными финансами, использовать средства дистанционной связи, чтобы общаться или передать сигнал тревоги при необходимости, передвигаться вне жилища и пользоваться транспортом и так далее (рис. 1) [5].

Каждая физическая или ментальная активность оценивается с точки зрения возможности пожилого человека выполнять действие, во-первых, самостоятельно,

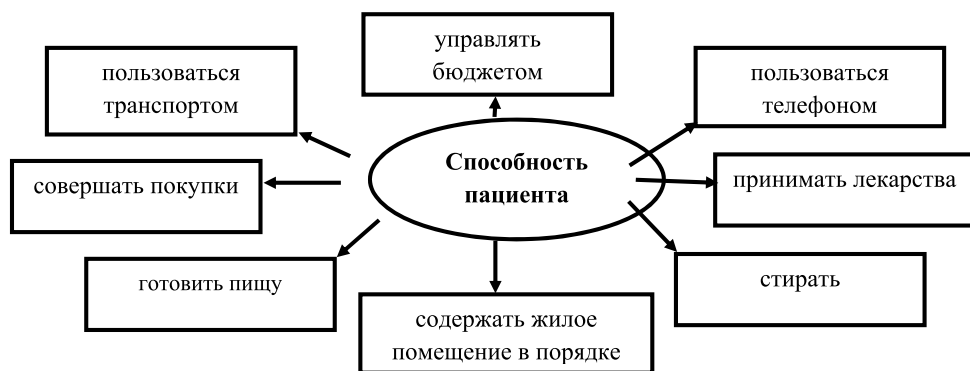

Рис. 1. Схема оценки действий повседневной жизни, на основании которой определяется степень потери автономности человека

Fig. 1. Scheme for evaluating the actions of everyday life to determine the degree of human autonomy loss

Источник: [5].

во-вторых, в полной мере, и, в-третьих, правильно и корректно. Затем каждому действию присваивается рейтинг А, В, или С по следующему алгоритму: А — пожилой человек выполняет действие (1) самостоятельно, (2) полностью и (3) правильно (корректно); С — пожилой человек выполняет действие не самостоятельно, не полностью и не верно; В — промежуточное состояние. Результирующий балл формируется по определенному алгоритму, в котором для каждого вида деятельности определен специальный коэф-

фициент в суммарной оценке, что позволяет добиться высокой дифференциации и объективности измерения.

По результатам тестирования пожилого человека относят к одной из шести групп (GIR), соответствующей уровню его самостоятельности и потребности в помощи.

Группа 1 (GIR1) включает лиц, прикованных к постели или к инвалидному креслу, утративших умственную, телесную, двигательную и социальную независимость

и нуждающихся в постоянном присутствии третьих лиц.

Группа 2 (GIR2) включает две подгруппы, нуждающихся в ежедневной помощи третьих лиц: с одной стороны, лица, прикованные к постели или к инвалидному креслу, но сохранившие интеллектуальные способности; с другой стороны, лица, интеллектуальные способности которых изменились, но они не утратили полностью способности двигаться.

Группа 3 (GIR3) включает лиц, которые сохранили интеллектуальные способности и частично двигательную способность, но они ежедневно нуждаются в помощи третьего лица.

Группа 4 (GIR4) включает лиц, которые могут самостоятельно передвигаться в пределах своего жилья, но они нуждаются в помощи в ведении домашнего хозяйства, проведении гигиенических процедур и одевании.

Группа 5 (GIR5) включает лиц, которые довольно самостоятельны в пределах своего жилья, но они могут нуждаться в ограниченной помощи при приготовлении пищи и ведении домашнего хозяйства.

Группа 6 (GIR6) включает лиц, которые не утратили своей самостоятельности в различных действиях, необходимых в быту и повседневной жизни.

По данным Национального управления по вопросам исследований, оценки и статистики социальных министерств Франции (DREES), на начало 2018 г. 7,6% пожилых в возрасте 60 лет и старше имели высокую потерю автономности (группы 1–4 по индикатору GIR). Эта доля существенно зависит от возраста пожилого человека: от 0,5% в группе 60–64 года до 48% в группе 90–94 года, а в группе самых пожилых (95 лет и старше) потеря автономности отмечается у 78% лиц этого возраста [6]. В силу высокой зависимости от посторонней помощи большая часть представителей GIR1 и 2 пребывает в учреждениях: среди лиц с самым высоким уровнем потери автономности 1 только 20% остаются дома, а 80% живут в специальных учреждениях, в то время, как только 20% пожилых с уровнем GIR4 находятся в специальных учреждениях.

Из числа всех престарелых с потерей автономности менее 10% относится к лицам с самым высоким уровнем зависимости от посторонней помощи, а 44% имеют относительно более легкую форму (таблица 1) [7].

Таблица 1
Распределение пожилых с потерей автономности, получающих услуги на дому или живущих в специальных учреждениях, по группам GIR, %

Table 1

Distribution of the elderly with autonomy loss who receive services at home or live in special institutions by GIR group, %

Группы зависимости (группы Gir)	Все пожилые с потерей автономности	В том числе получающие помощь:	
		На дому	В специальных учреждениях
Gir 1	9	3	18
Gir 2	27	16	41
Gir 3	20	22	18
Gir 4	44	59	23
Всего	100	100	100

Источник: [7].

Таблица 2

Объем помощи в зависимости от принадлежности к группе GIR, минут

Table 2

Volume of support depending on the GIR group, minutes

Группы GIR	Объем помощи, минут в день
1	210
2	176
3	139
4	88
5	53
6	15

Источник: [7].

Принадлежность к одной из групп GIR позволяет человеку претендовать на определенный объем помощи, предоставляемой в виде различных услуг и измеряемой в часах. Объем помощи в день для каждого уровня GIR представлен в таблице 2, и колеблется от 0,4 часов в день для наиболее мобильных граждан до 3,5 часов в день для самых зависимых (Gir 1).

Определив степень потери автономности, медико-социальная группа при участии самого человека составляет индивидуальную программу помощи, дает рекомендации относительно служб, которые предоставляют услуги на дому и способов оплаты этих услуг. Исходя из требуемого объема помощи, устанавливается размер пособия от государства, который идет на оплату таких услуг. Пересмотр программы помощи и ее изменение в случае необходимости происходит один раз в год или чаще, если этого требует состояние здоровья клиента.

Наиболее зависимые от посторонней помощи граждане (GIR от 1 до 4) имеют право на индивидуальное пособие автономности (Allocation personnalisée d'autonomie, далее — APA)⁵, которое идет на оплату помощника по дому или оплату пребывания в учреждении. Закон также разрешает нанимать для оказания услуг члена семьи, за исключением супруга или партнера. Необходимо отметить, что данное пособие также может на-

правляться на оплату работ по адаптации жилища маломобильных граждан к их потребностям и оборудованию жилья различными вспомогательными средствами для комфортного проживания (например, автоматические жалюзи, светящиеся дорожки, приспособления для использования ванны или душа). Граждане, с невысокой степенью потери автономии (GIR5 или GIR6), не могут получить пособие APA, поскольку они считаются способными без посторонней помощи осуществлять все действия по самообслуживанию. Но, в то же время, в случае потребности в социальных услугах, для этих людей может быть назначено специальное пособие для оплаты помощника по хозяйству.

Открытие права на пособие APA не зависит от уровня доходов, но как только доходы получателей превышают установленный порог, который периодически пересматривается, то от получателя помощи требуется определенное финансовое участие. Размер пособия дифференцирован в зависимости от группы GIR. Чем выше уровень зависимости человека, тем выше затраты на реализацию программы поддержки и, следовательно, выше размер пособия. Максимальный размер пособия (в 2018 г. это 1719,93€) выплачивается наиболее зависимым от посторонней помощи гражданам (таблица 3).

⁵ Индивидуальное пособие для поддержания автономности (APA) было введено в действие 1 января 2002 года.

Таблица 3

Максимальный размер ежемесячного пособия по потере автономности (АРА), евро

Table 3

The maximum monthly allowance for autonomy loss (APA), €

Группы GIR	Максимальный размер пособия АРА		
	на 1 января 2008 г.	с января 2015 г.	с января 2018 г.
Gir 1	1 312,67	1 714,79	1 719,93
Gir 2	1 125,14	1 376,91	1 381,04
Gir 3	843,86	994,87	997,85
Gir 4	562,57	663,61	665,60

Источники: [6; 7].

В 2015 г. произошло существенное увеличение размера пособия в связи с принятием Закона «Об адаптации общества к старению», и вследствие этого максимальный размер пособия по сравнению с 2008 г. вырос на 20–30% в зависимости от группы GIR. В дальнейшем размер пособия менялся мало [6; 7].

Несмотря на то, что право на пособия по потере автономности имеют все граждане старше 60 лет, при определении платы за оказанные социальные услуги учитывается доход получателя: чем он выше, тем больше размер «участия». Так, в настоящее время человек с доходом свыше 2957€ в месяц оплачивает 90% стоимости программы социальной помо-

щи, а если доход не превышает 802,93€ в месяц, то человек получает социальные услуги бесплатно. Для остальных (с доходом от 802,93€ до 2957€) доплата дифференцируется от 0% до 90% стоимости социальной программы.

Численность получателей пособия по потере автономности во Франции постоянно растет. В 2002 г. (год старта программы АРА) только 399 тыс. человек получали пособие, но уже в следующем году их численность почти удвоилась (712 тыс.). Все последующие годы численность получателей регулярно увеличивалась, и в настоящее время индивидуальное пособие АРА получают более 1,3 млн человек или 1,9% населения Франции (таблица 4).

Динамика численности получателей ежемесячного пособия по потере автономности АРА, тыс. человек

Таблица 4

Table 4

Dynamics in the number of recipients of monthly allowance for autonomy loss APA, thousand people

Показатель	2002	2003	2007	2011	2015	2016	2017	2018
Численность получателей пособия АРА	399	712	1048	1202	1265	1286	1310	1326

Источники: [6; 7].

Используемая во Франции методика оценки степени утраты автономности имеет как преимущества, так и недостатки. К преимуществам такой методики можно отнести, прежде всего, то, что она более точно определяет потребность в посторонних услугах в зависимости от состояния здоровья пожилого человека, а значит, уровень автономно-

сти оценивается достаточно объективно и не зависит только от медицинского диагноза пациента. Кроме того, эта методика дает расширенную информацию для разработки индивидуального плана помощи пожилому человеку, поскольку более детально дифференцирует его зависимости и потребности.

Сложность методики заключается в необходимости подключения специалистов к оценке зависимости пожилого человека и его потребностей в каждом конкретном случае. Поэтому на практике группа GIR часто присваивается на основе записей социального работника, который, несмотря на существование специальных инструкций, тем не менее, оценивает ситуацию, исходя из собственного опыта и опираясь на собственные представления о потребностях пожилых людей, таким образом, существует опасность высокой доли субъективизма при оценке степени потери автономности.

Определение уровня нуждаемости в долгосрочном уходе в России

В России в настоящее время активно проводится работа по повышению доступности услуг по уходу и социально-медицинских услуг пожилым и инвалидам. Система долгосрочного ухода пилотируется в нескольких регионах, и в ближайшее время будет разработана целостная концепция организации и финансирования ухода за пожилыми и инвалидами. Оценка потребности в уходе граждан пожилого возраста должна проводиться по единой методике для всех нуждающихся граждан, как проживающих дома, так и для находящихся в медицинских или социальных стационарных учреждениях, что будет способствовать оптимальной работе всей системы долгосрочного ухода и позволит более дифференцировано подходить к формированию пакета социальных и социально-медицинских услуг.

Показанием к включению человека в систему долгосрочного ухода, и, следовательно, к проведению оценки потребности в долгосрочной помощи является потеря здоровья (в том числе в связи с преклонным возрастом), приводящая к снижению функциональности и ограничению жизнедеятельности, что вызывает потребность в услугах по уходу. При этом для выявления граждан, нуждающихся в долгосрочной социально-бытовой поддержке и уходе, будет использоваться проактивный принцип, предполагающий получение информации

о нуждающемся из медицинских учреждений (из поликлиники или больницы), от соседей, знакомых, служащих муниципальных служб, от волонтерских организаций [8].

Методику определения потребности в уходе, разработку критериев и методических рекомендаций по определению потребности и объема долгосрочной социально-бытовой и медицинской помощи для граждан с ограничениями или отсутствием возможностей к передвижению и самообслуживанию разработали специалисты Российского геронтологического научно-клинического центра Медицинского Университета им. Н.И. Пирогова, ориентируясь на известные в мире инструменты оценки степени утраты автономности пожилого человека.

При создании методики определения потребности в уходе разработчики опирались на зарубежный опыт использования шкал оценки возможности выполнения пожилыми людьми элементарных и сложных действий в повседневной жизни. Так, для каждого действия в части двигательной или ментальной активности предусмотрен определенный балл в зависимости от возможностей человека. Например, при проверке мобильности выставляется 0, если человек самостоятелен при ходьбе (возможно с использованием подручных средств); 1,5 балла, если он нуждается в постоянной помощи при передвижении и вставании; и 7 баллов, если полностью зависим при передвижении, прикован к креслу-каталке или лежащий. В случае оценки возможности соблюдения личной гигиены ставится 0, если человек принимает душ без посторонней помощи; 0,5 баллов, если требуется присутствие другого человека при купании; и 1,5 — нуждается в максимальной помощи при гигиене лица и тела. Также оценивается способность к самостоятельному одеванию, самостоятельному питанию, пользованию туалетом. При оценке когнитивного статуса ставится 0 баллов, если у человека сохранена способность к общению, он хорошо ориентируется во времени и в знакомом пространстве; 3 балла, если такие навыки потеряны. Далее баллы суммируются, а сумма баллов по всем показателям соотносится со шкалой уровня зави-

симости от посторонней помощи. Очевидно, чем больше баллов набирает клиент, тем выше у него зависимость от третьих лиц.

Российская система выделяет 5 степеней зависимостей и потребности в уходе, но в отличие от французской системы максимальному нарушению автономности присваивается и максимальное значение шкалы: группа 1, в которую входят люди с незначительными нарушениями автономности, и нуждающиеся в ограниченной помощи для ведения домашнего хозяйства, а группа 5 — люди с тяжелыми нарушениями автономности, которые прикованы к кровати или к креслу, их психические функции сильно нарушены, и они нуждаются в постоянном присутствии помощников. Соответственно, группы 2–4 являются промежуточными между этими крайними группами.

Потеря автономности указывает на потребность в социально-бытовой помощи и уходе. В таблице 5 представлены рекомендуемые часы ухода в зависимости от степени потери автономности. Чем выше степень зависимости человека от посторонней помощи, тем выше у него дефицит самообслуживания: пожилые люди, относящиеся к первой группе, нуждаются в незначительной помощи со стороны другого человека — не более двух часов в неделю (например, доставка продуктов, оплата счетов), в то время как люди, прикованные к постели, имеют прак-

тически полную зависимость от посторонней помощи, и нуждаются в более чем десятикратном объеме ухода.

Поскольку порог, после которого пожилой человек, не нуждавшийся в существенной помощи, начинает нуждаться в более активном уходе, не всегда явно определяется, то рекомендуемые часы ухода имеют определенный разброс, а физические и ментальные возможности пожилых людей периодически должны тестироваться на степень зависимости от посторонней помощи и объема требуемой помощи. Нестабильность функционального статуса пожилого человека может быть связана с изменениями социального и материального положения, поэтому периодический пересмотр оценки потребности в уходе и объеме долговременной помощи планируется проводить раз в 1–1,5 года: (для уровней 1, 2, 5–1 раз в 1,5 года, а для уровней 3 и 4–1 раз в год). Также возможна внеплановая переоценка потребности в посторонней помощи, которая связана с резким изменением ситуации из-за ухудшения состояния, развития острого заболевания, после госпитализации, изменения жилищной ситуации и так далее.

Кроме того, при определении индивидуальной программы долговременного ухода рекомендуется каждую конкретную ситуацию анализировать комплексно: оценивается не только физическое и ментальное состо-

Потребность в социально-бытовой помощи и уходе в зависимости от степени потери автономности

Таблица 5

Table 5

Need for everyday services and care depending on the degree of autonomy loss

Уровни зависимости от посторонней помощи	Суммарный индекс	Часы ухода, в неделю
Уровень 1	0,5–1,5 балла	1–2
Уровень 2	2–4 балла	4–6
Уровень 3	4,5–7,0	12–16
Уровень 4	7,5–9 баллов	18–20
Уровень 5	9,5 баллов и более	25–28

Источник: Система долговременного ухода: определение потребности и объема долгосрочной социально-бытовой и медицинской помощи для граждан 65 лет и старше. Методические рекомендации. — Российский геронтологический научно-клинический центр РНИМУ им. Н. И. Пирогова Минздрава России, 2018.

ание обследуемого, но и условия проживания в квартире и доме (наличие перил, ступенек, лифта в многоквартирном доме и т.д.) и наличие жизненно важных учреждений в районе проживания (поликлиники, аптеки, больницы, магазины, почтовые отделения).

Заметим, что отдельные субъекты РФ уже имеют опыт разработки похожих шкал, и предоставляют социальные услуги в рамках социального обслуживания дифференцированно в зависимости от нуждаемости пожилого человека⁶. Между тем важно, чтобы во всех субъектах РФ использовалась единая методика, что позволило бы, с одной стороны, добиться единообразия в методологическом аспекте при предоставлении социальных услуг в стране и определять социальную помощь в зависимости от потребностей клиента; а с другой, снизить дифференциацию, неизбежно возникающую на региональном уровне, когда люди, в равной степени нуждающиеся в социальной помощи, получают ее в разных объемах.

По данным специалистов, за два года работы пилотного проекта оценка потребности в долгосрочной помощи была проведена примерно для 95 тыс. человек, что составило 6% всех получателей социальных услуг на дому в России. Структура обследованного населения по группам зависимости была следующей: к группе 1 было отнесено 32%, группы 2 и 3 включали по 27%, группа 4—9%, а группа 5—5%⁷.

Таким образом, доля наиболее зависимых (группы 4 и 5) оказалась около 15%. Это люди, которые не могут свободно передвигаться, часть из них прикована к кровати, а остальные нуждаются в помощи при одевании, приеме пищи и гигиенических процедурах. Многим из них требуется не только соци-

ально-бытовая помощь, но и социально-медицинская. В рамках системы долгосрочного ухода пожилые люди с высокой степенью зависимости в среднем стали получать больше услуг за счет включения социально-медицинской составляющей. Количество оказываемых услуг на дому выросло в среднем с 2,6 услуги на одного получателя (ранее преобладали социально-бытовые услуги—85%) до 10–12 услуг на одного получателя с высокой степенью зависимости.

Если сравнивать французскую и российскую методики оценки нуждаемости в долгосрочном уходе на дому, то можно отметить, что доля наиболее зависимых (для российской методики — группы 4 и 5, а для французской — 1 и 2) оказалась на уровне 15–19%, а в программах помощи в обеих моделях заложен приблизительно одинаковый временной интервал оказываемой помощи: для самой зависимой группы (в российской модели это группа 5, а во французской — группа 1) российские специалисты рекомендуют максимально 214–240 минут, во французской — 210 минут.

В заключении отметим, что общемировая тенденция развития социального обслуживания направлена на максимально долгое сохранение навыков автономности пожилых людей в привычной для них среде. В рамках долгосрочного ухода это может быть обеспечено за счет развития различных форм стационарозамещающих технологий (родственный уход, приемные семьи, госпиталь на дому и так далее). Для реализации этого направления необходима помощь в адаптации жилища маломобильных граждан к их потребностям и оборудовании жилья различными вспомогательными средствами для комфортного проживания, а также обеспечение социального общения пожилых людей посредством различных программ в центрах дневного пребывания, но, к сожалению, их число в рамках оптимизации системы социального обслуживания в последние годы сокращается.

⁶ Например, в республиках Чувашской, Марий Эл, Мордовия и Самарской области использовались методики, выделяющие 10 групп в зависимости от степени нуждаемости и возможности гражданина осуществлять самообслуживание; в Белгородской и Калининградской областях выделяются только 3 уровня зависимости; в Мурманской области — два, один из которых определяет категорию, полностью утратившую способность к самообслуживанию и передвижению.

⁷ Выступление Шкребело А.Н. на совещании Всемирной организации здравоохранения по вопросам долгосрочного ухода в Российской Федерации, 27–28 ноября 2019 года.

Литература и Интернет-источники

1. Всемирный доклад о старении и здоровье. Всемирная организация здравоохранения, 2016. [Электронный ресурс].— Режим доступа: <https://www.who.int/ageing/publications/world-report-2015/ru/> (дата обращения: 05.04.2020).
2. Современная система социального обслуживания как инструмент политики активного долголетия в книге «Национальные цели социального развития: вызовы и решения», доклад к XX Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апреля 2019 г., М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2019, стр. 89–102.
3. **Roedl K. J., Wilson L. S., Fine J.** A Systematic Review and Comparison of Functional Assessments of Community-dwelling Elderly Patients // *Journal of the American Association of Nurse Practitioners*. 2016. Vol. 28(3). P. 160–169.
4. **Brunel M., Carrère A.** Les personnes âgées dépendantes vivant à domicile en 2015. Premiers résultats de l'enquête CARE « ménages ». DREES // *Etudes et Résultats*, 2017, 1029 septembre.
5. **Carrère A., Dubost C. — L.** Eclairage — Etat de santé et dépendance des seniors. France Portrait Social, Insee Références, édition 2018.
6. L'aide et l'action sociales en France. Perte d'autonomie, handicap, protection de l'enfance et insertion, 2019. Panorama de la DREES.
7. L'aide et l'action sociales en France. Perte d'autonomie, handicap, protection de l'enfance et insertion, 2017. Panorama de la DREES.
8. **Ahasic AM, Van Ness PH, Murphy TE, Araujo KL, Pisani MA.** Functional status after critical illness: agreement between patient and proxy assessments. *Age Ageing*. 2015; 44(3):506–10

Сведения об авторах:

Корчагина Ирина Ивановна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, ведущий аналитик Института социальной политики НИУ-ВШЭ, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: i.korchagina@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6947-4541.

Прокофьева Лидия Михайловна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, ведущий аналитик Института социальной политики НИУ-ВШЭ, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: lprokofieva@hse.ru; ORCID: 0000-0001-5704-7617.

DOI: 10.19181/population.2020.23.3.6

LONG-TERM CARE NEEDS ASSESSMENTS: FRENCH AND RUSSIAN EXPERIENCE

Irina I. Korchagina^{1,2*}, Lidia M. Prokofieva^{1,2}

¹*Institute of Socio-Economic Studies of Population, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences
(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russian Federation, 117218)*

²*Higher School of Economics
(20 Myasnikitskaya st., Moscow, Russian Federation, 101000)*

*E-mail: i.korchagina@mail.ru

For citation:

Korchagina I. I., Prokofieva L. M. Long-term care needs assessments: French and Russian experience, *Narodonaselenie [Population]*. 2020. Vol. 23. No. 3. P. 59-70. DOI: 10.19181/population.2020.23.3.6 (in Russ.)

Abstract. Social support of older people is given a very great attention. In many countries, older people receive long-term care at home. The long-term care (LTC) is actively developed worldwide over the past 20 years. LTC improves the life quality of older people and people with disabilities. Such system includes medical and social services. Currently, in many OECD countries, from a half to three quarters of older people receive long-term care at home. France is one of those countries in which the social support of older people is given a very great attention. In Russia, long-term care is a task of family. Our country is taking first steps in creation of a long-term care system. It is important to take into account the experience of countries that already have specialized social services for older people with loss of autonomy. A new and important element of the LTC system will be a special scale for determining the level of need for long-term care. Such scale helps to differentiate the needs of each elderly person or person with a disability. This paper analyses the methods of determining the level of need for long-term care, used in France and in Russia and describes the advantages and disadvantages of these methods.

Keywords: social service, long-term care, instrumental activities of daily living.

References and Internet sources

1. Vsemirnyy doklad o starenii i zdorov'ye [World Report on Ageing and Health]. Vsemirnaya organizatsiya zdavookhraneniya [World Health Organization]. 2016. Available at: <https://www.who.int/ageing/publications/world-report-2015/ru/> (Accessed: 5 April 2020).
2. Sovremennaya sistema sotsial'nogo obsluzhivaniya kak instrument politiki aktivnogo dolgoletiya [Modern system of social services as an instrument of the active longevity policy]. Natsional'nyje tseli sotsial'nogo razvitiya: vyzovy i resheniya. Dokl. k XX Apr. mezhdunar. nauch. konf. po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva [National Goals of Social Development: Challenges and Solutions. Proceedings of the XX April scientific and practical conference. Moscow, 9–12 Apr. 2019]. Moscow. Higher School of Economics. 2019. P. 89–102. (in Russ.)
3. Roedl K. J., Wilson L. S., Fine J. A systematic review and comparison of functional assessments of community-dwelling elderly patients. *Journal of the American Association of Nurse Practitioners*. 2016. Vol. 28 (3). P. 160–169.
4. Brunel M., Carrère A. Les personnes âgées dépendantes vivant à domicile en 2015. Premiers résultats de l'enquête CARE « ménages ». DREES. *Etudes et Résultats*. 2017. 1029 septembre
5. Carrère A., Dubost C.—L. Eclairage—Etat de santé et dépendance des seniors. France Portrait Social. *Insee Références*. 2018.
6. L'aide et l'action sociales en France. Perte d'autonomie, handicap, protection de l'enfance et insertion. *Panorama de la DREES*. 2019.
7. L'aide et l'action sociales en France. Perte d'autonomie, handicap, protection de l'enfance et insertion. *Panorama de la DREES*. 2017
8. Ahasic A. M., Van Ness P. H., Murphy T. E., Araujo K. L., Pisani M. A. Functional status after critical illness: agreement between patient and proxy assessments. *Age Ageing*. 2015. No. 44(3). P. 506–10.

Information about the authors:

Korchagina Irina Ivanovna, Cand.Sc. (Econ.), Leading Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS, Moscow, Russian Federation; Senior analyst, Institute for Social Policy, Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation. Contact information: e-mail: i.korchagina@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6947-4541.

Prokofieva Lidia Mikhaylovna, Leading Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS, Moscow, Russian Federation; Senior analyst, Institute for Social Policy, Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation. Contact information: e-mail: lprokofieva@hse.ru; ORCID: 0000-0001-5704-7617.

Статья поступила в редакцию 12.05.2020.

DOI: 10.19181/population.2020.23.3.7

СОЦИАЛИЗАЦИЯ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**Янцен М. А.**

*Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации
(119571, Россия, Москва, проспект Вернадского, 82)*

E-mail: yancen.m@mail.ru.

Для цитирования:

Янцен М. А. Социализация пожилых людей: социологический аспект // Народонаселение. – 2020. – Т. 23. – № 3. – С. 71–82. DOI: 10.19181/population.2020.23.3.7

Аннотация. Статья посвящена проблеме социализации пожилых граждан в условиях стареющего общества. Требуется модернизация всей системы социального обслуживания, в основе которого лежат принципы оказания социальных услуг для формирования мотивации активного долголетия и развития социального взаимодействия пожилых людей. В статье рассмотрены вопросы социализации пожилых людей, ее особенности, объективные и субъективные факторы, приведены мнения ученых о факторах, типологии социализации. Представлены выявленные на основании статистических данных ведущие проблемы пожилых людей получателей услуг учреждений социального обслуживания населения в РФ. Названы направления государственной стратегии в условиях социально-экономического кризиса по развитию системы социального обслуживания граждан старшего поколения, повышения качества их жизни и активного долголетия. В статье использованы результаты авторского социологического опроса 408 пожилых получателей социальных услуг в организациях социального обслуживания. Показана значимость услуг, связанных с поддержанием здорового и социально активного долголетия, организацией быта и досуга, конструктивного взаимодействия с родственниками, для успешной социализации пожилых людей. Установлено, что наиболее интенсивно социализация протекает в процессе предоставления социально-бытовых и социально-медицинских услуг. У пожилых людей доминирует установка на сохранение здоровья; в то же время именно состояние здоровья главным образом определяет успешность социализации пожилых людей. Для своего активного и здорового долголетия пожилые люди предпочитают культурно-познавательные, спортивные мероприятия. При этом многие рассчитывают на поддержку со стороны организаций социального обслуживания.

Ключевые слова: пожилые люди, социальное обслуживание, социальные услуги, социализация, социальная защита, качество социальных услуг, социальная политика.

Современный мир переживает ситуацию, когда глобальное старение населения ускоряется — доля населения мира 65 лет и старше возросла с 6% в 1990 г. до 9% в 2019 г., а к 2050 г. она вырастет, по среднему варианту прогноза ООН, до 16%¹. Итоги расчетов населения мира (2019 г.) подтверждают положительные результаты в снижении смертности и повышении продолжительности жизни. По оценкам ООН, в 1950 г. ожидаемая продолжительность жизни при рождении для населения мира в целом составляла 45,7 года, а к 2019 г. возросла до 72,6 года, увеличившись почти на 27 лет менее чем за век. Только за период с 1990 г. она увеличилась на 8,4 года². Для российской действительности подобная статистика аналогична. В 2018 г. доля лиц старше 60 лет составила 25,4% от всего населения страны, увеличившись за последнее десятилетие на 4,3 процентных пункта³.

Высокая доля лиц старшего поколения в социальной структуре российского общества и отрицательный прирост населения все больше обращает научный мир к проблемам социализации пожилых людей. Выявление социально-экономических, социокультурных факторов, способствующих сохранению социальных взаимодействий с социумом и созданию условий для дальнейшей самореализации личности в пожилом возрасте, позволит не только решать проблемы по созданию благоприятного социального пространства, но и будет способствовать замедлению процесса старения, сохранению активной социальной среды. С ростом количественных показателей социальное са-

мочувствие лиц старшего возраста имеет тенденцию к отрицательным значениям. Большая роль в исключении развития подобной динамики принадлежит государственным органам, реализующим социальную политику в отношении пожилых граждан.

Термин «социализация» пришел из политэкономии, где его первоначальным значением было «обобществление» земли, средств производства. Автором его является американский социолог Ф.Г. Гиддингс. Он употребил его в значении, близком к современному — «развитие социальной природы или характера индивида, подготовка человеческого материала к социальной жизни» (1887 г.) [1]. Наполнение «человеческого материала» социальным содержанием происходит в процессе социализации. По мнению А.И. Ковалевой, специфика социологического анализа социализации состоит в выделении социально-типического как совокупности доминирующих параметров и характеристик процессов интеграции индивидов в общество [2].

В классическом теоретическом наследии ученых прошлого проблема «социализации» поставлена в трудах О. Конта, К. Маркса, Ф. Энгельса, Г. Спенсера и других [3]. Суть понятия раскрывается в философско-психологической и социально-психологической научной интерпретации и касается вопросов первичной социализации. Концепции ученых (Э. Дюркгейма, Г. Тарда) отличались прежде всего различными подходами к оценке роли объективных и субъективных факторов [4]. Такие подходы находят свое отражение в работах Д.Л. Аграната, Н.А. Селиверстовой, А.С. Свиридовой, М.И. Очковского, М.Н. Реут. Для теории социализации особую важность имеет также вопрос о роли взаимодействия в организации социального поведения людей [5]. В многообразии социальных отношений процесс усвоения общественно значимых правил и норм был впервые описан Г. Тардом [6].

¹ Щербакова Е.М. Население мира по оценкам ООН пере-смотра 2019 года // Демоскоп Weekly. 2019. № 821–822. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2019/0821/barom01.php> (дата обращения: 26.07.2020).

² Щербакова Е.М. Старение населения мира по оценкам ООН 2019 года // Демоскоп Weekly. 2019. № 837–838. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2019/0837/barom01.php> (дата обращения: 26.07.2020).

³ Официальный сайт Росстата. [Электронный ресурс] — Режим доступа: www.gks.ru (Население) (дата обращения: 26.07.2020).

Социальная активность, поведение человека находят свое объяснение в научной гипотезе З. Фрейда, основанной на подавлении эгоистических, природных потребностей в соответствии с традициями культуры и социальными нормами общества [7]. Вслед за З. Фрейдом понимает социальное становление личности как стадийный процесс Э. Эриксон. Он описывает «восемь возрастов человека» и убеждает, что человек в любом возрасте может стать социально успешным [7]. Важнейшим условием социализации Т. Парсонс рассматривает адаптацию к социальной среде, где в одном и том же индивиде происходит закрепление самых важных дифференцированных ролей [8]. Большинство авторов в трактовке понятия «социализация» придерживается парсонсианской традиции. Механизм социализации часто подается с позиций формирования поведенческих установок — аттитюдов. Понятие было введено американскими учеными У. Томасом и Ф. Знанецким и использовано в рамках диспозиционной теории [9].

Один из ведущих отечественных социологов Ж. Т. Тощенко рассматривает социализацию как «процесс становления и развития личности, основанный на усвоении, принятии, понимании и осознании индивидом на протяжении всей жизни определенных образцов поведения, психологических механизмов, социальных норм и культурных ценностей, способствующих вхождению человека в социальную жизнь и успешному функционированию в ней» [10]. Геронтопсихологический словарь определяет социализацию как «процесс и результат активного присвоения человеком значимых для его социального окружения норм, идеалов, ценностных ориентаций, установок и правил поведения, в результате интернализации которых он может успешно функционировать в качестве члена общества, взаимодействуя с другими» [11].

Для процесса социализации характерны периоды и стадии: первичная, вторичная, ресоциализация (повтор-

ная социализация), десоциализация (утрата прямых контактов с социумом). Первичная социализация касается детско-юношеского возрастного периода. Остальные охватывают взрослые возрастные этапы.

Социализация пожилых людей — один из сложных типов социализации личности. Американский ученый О. Г. Брим-младший одним из первых в 1966 г. выступил с утверждением, что социализация происходит в течение всей жизни, и назвал различия между социализацией детей и взрослых [9]. Разработки Г. М. Андреевой, И. Г. Беленькой, А. И. Кравченко, Р. С. Яцемирской, и более поздние из них — О. В. Красновой, И. В. Солодниковой и других соотносятся с вопросами процесса вторичной социализации. Г. М. Андреева выделила этапы вторичной социализации, обусловленные возрастом и отношением к трудовой деятельности: трудовой (период зрелости человека) и послетрудовой. [12] И. В. Солодникова отмечает, что для последнего характерно стремление к сохранению и поддержанию достигнутого уровня здоровья, социальных связей, психологической и социальной активности [9].

Один из подходов к социализации акцентирует внимание на обществе: социализация понимается как интернализация — процесс перехода знания из субъективного в объективное (перенесение вовнутрь, в сознание личности норм, требований, ценностей общества, социальной группы). [13]. При таком подходе человек выступает как объект воздействия для общества (объектный подход). Такой точки зрения придерживались Э. Дюркгейм и его последователи (Т. Парсонс, Дж. Х. Баллантайн, Э. Мак Нейл и другие) [14]. Т. Лукман и П. Бергер вторичную социализацию определяют как процесс, позволяющий уже социализированному индивиду входить в новые секторы общества, и как интернализацию [13].

Изменение социальных ролей, трансформация образцов поведения и куль-

турно-нравственных установок в связи с переходным процессом смены общественно-политической формации в России по-разному отражаются на старшем поколении, требуют индивидуального подхода в рассмотрении. В связи с этим, внимание ученых направлено в плоскость «поиска идентичности», вторичной социализации.

Государственная социальная политика в России отличается замедленностью в реагировании. На фоне старения населения достойное пенсионное обеспечение, качественное медицинское обслуживание, технологии долгосрочного ухода не взаимодействуют согласованно как элементы единого механизма. Поэтому результаты исследований процесса социализации пожилых людей должны оптимизировать социальную политику, реализуемую в форме социального обслуживания как одного из основных агентов социализации. Большой вклад в развитие современных представлений о «третьем возрасте» внесли работы В.Д. Альперовича, В.Г. Доброхлеб, М.Э. Елютиной, Т.З. Козловой, Н.Е. Усковой, Е.И. Холостовой, В.Д. Шапиро и других. Феномен вторичной социализации рассматривается не как социализационный процесс, а как процесс приспособления и адаптации к наступившим изменениям, требует более пристального внимания ученых. В сегодняшних условиях старения населения, кризисной динамики развития, хаотичного переплетения ценностей, информационного натиска проблема вторичной социализации пожилых людей приобрела особую актуальность.

Понятие «пожилые люди» не имеет однозначного определения. Социально-демографическая характеристика включает в себя уровни физического, психологического, физиологического, статусного, гендерного, социокультурного, конфессионального, национального, образовательного качества и свойства, с присущими каждому ин-

дивиду разнообразными специфическими проявлениями. В целях оценки возможностей успешной социализации пожилых, развития социальной активности в условиях социального обслуживания нами был проведен опрос пожилых граждан города Москвы.

Выбор возрастной категории был определен содержанием «Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года»⁴ (далее — Стратегия), ключевая задача которой: «Создание общества для всех возрастов, включая формирование условий для использования знаний, опыта, потенциала граждан старшего поколения, проявление заботы о таких гражданах и оказание им необходимой помощи». «Для целей Стратегии с учетом особенностей продолжительности жизни, состояния здоровья и пенсионной системы к гражданам старшего поколения условно относятся: граждане с 60 до 64 лет — это достаточно активные в экономическом и социальном плане люди, продолжающие осуществлять трудовую деятельность; граждане с 65 лет до 80 лет — это, как правило, люди менее активные, многим из которых требуется медицинская помощь и социальные услуги; граждане старше 80 лет — имеющие множественные проблемы со здоровьем и зачастую нуждающиеся в уходе и помощи». Одним из направлений Стратегии представлено формирование уважительного гуманного отношения к представителям старшего возраста.

Нами было опрошено 408 пожилых получателей социальных услуг (далее — ППСУ) в форме социального обслуживания на дому, одиноко проживающих, в возрасте от 60 до 80 лет и старше, среди которых 34% мужчин и 66% женщин. Возрастные границы 52% расположены в интервале от 65 до 80 лет (табл. 1).

⁴ Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства РФ № 164-р от 5.02.2016. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://rosmintrud.ru/docs/government/173> (дата обращения: 30.04.2018).

Таблица 1

Половозрастная характеристика респондентов, %

Table 1

Age and sex characteristics of respondents, %

Возраст	Мужчины (34)	Женщины (66)
60–64 года	5	7
65–80 лет	19	35
Более 80 лет	10	24

Источник: Данные социологического опроса пожилых получателей социальных услуг в форме социального обслуживания на дому в Москве, 2017 г.

Становясь объектами социального обслуживания после выявленной нужды, пожилые люди, прежде всего, испытывают потребности в предоставлении социально-бытовых (89%) и социально-медицинских услуг (34%). Такая востребованность обусловлена гериатрическими аспектами.

Жизненный потенциал пожилых людей различен. 54% респондентов удается реа-

лизировать свои духовные и культурные запросы. Формы поведения, реализация повседневных потребностей ППСУ отличаются определенными ограничениями, поэтому выбор каких-либо активных видов деятельности подразумевает участие в общественно значимых мероприятиях, членство в организациях и тому подобное (табл. 2).

Таблица 2

Предпочтения респондентов в видах деятельности, %

Table 2

Respondents' preferences in types of activities, %

Варианты ответов	Мужчины			Женщины		
	60–64 года	65–80 лет	Более 80 лет	60–64 года	65–80 лет	Более 80 лет
Участие в работе общественных/ветеранских организаций/ТСЖ	1	6	2	3	15	11
Участие в благотворительных акциях, субботниках	2	3	0	2	13	9
Участие в выборных кампаниях	3	3	0	2	24	12
Участие в культурно-познавательных, спортивных мероприятиях	11	10	1	1	18	15
Написание обращений, советов, рекомендаций в различные государственные и общественные организации	0	0	0	0	0	1
Другое	2	3	3	1	1	1

Источник: Данные социологического опроса пожилых получателей социальных услуг в форме социального обслуживания на дому в Москве, 2017 г.

Мужчины отдают предпочтения культурно-познавательным, спортивным мероприятиям и участию в работе ветеранских/общественных организаций/ТСЖ. Женщины возраста 65–80 лет верны своим привычкам — чувство долга и активная жизненная позиция содействуют преодолению социальной исключенности. 67% ППСУ стремятся быть в курсе изменений российского за-

конодательства, 55% не безразлично все, что происходит в стране, 28% отмечают, что государственные органы мало уделяют внимания пожилым людям, 30% в комментариях к современному российскому обществу указывают на неуважительное отношение к старшему поколению, 22% — на необходимость приспосабливаться к рыночным отношениям. Уменьшение количества соци-

альных контактов, завершение профессиональной карьеры, утрата близких, психофизиологические изменения связывают жизненные устремления 83% пожилых людей с сохранением здоровья; с покоем и отдыхом (23%); укреплением семейно-родственных отношений (19%); общением с друзьями, сверстниками (16%) — им отводится важное место на завершающем отрезке жизни в исключении чувства одиночества и беспомощности, смягчения трудной жизненной ситуации. Опрос показал, что 69% респондентов испытывают чаще всего нормальное, ровное настроение, 25% — неспокойное, 6% — отличное.

Пожилые люди, вышедшие из сферы трудовой деятельности, нуждаются в ощущении сопричастности к важным общественным событиям и явлениям, испытывают

внутреннюю потребность поддержания социального статуса. Распространяющаяся активная практика добровольческой деятельности «серебряных волонтеров» мотивирована субъективным чувством полезности, желанием воздействовать на других, потребностью в совместном проведении мероприятий, избавлением от одиночества. Пожилые люди, будучи объектами социальной работы, становятся субъектами, проявляя активность, выходящую за пределы семейно-домашней зоны.

Стремление к нормальному качеству жизни в условиях социального обслуживания не исключает самостоятельное моделирование позитивных жизненных перспектив, ориентацию на собственные возможности в преодолении трудностей, связанных с возрастом (табл. 3).

Таблица 3
Факторы зависимости в реализации жизненных планов респондентов, %

Table 3

Dependency factors in the implementation of respondents' life plans, %

Реализация планов зависит:	Мужчины			Женщины		
	60–64 года	65–80 лет	Более 80 лет	60–64 года	65–80 лет	Более 80 лет
От моих собственных усилий	49	5	47	41	47	43
От обстоятельств	30	31	28	29	31	33
От желания и возможностей других людей (родственников, друзей, соседей и т.д.)	12	15	11	16	15	18
От поддержки организаций социального обслуживания	41	42	43	38	45	41
Другое	1	1	1	2	3	1

Источник: Данные социологического опроса пожилых получателей социальных услуг в форме социального обслуживания на дому в Москве, 2017 г.

Большинство респондентов уверены в собственных силах — позволяют ресурсы. Однако обширный объем проблем, связанных с социально-экономическими, психологическими, медико-социальными, семейно-бытовыми аспектами не дает ощущения стабильности, возможности вести независимый от ближайшего окружения и учреждений социальной защиты образ жизни. 55% респондентов утратили супруга, 30% не имеют детей, 10% — родственни-

ков. Вне зависимости от пола, образования и опыта в семейно-брачных отношениях, бездетные, родившие и воспитавшие, потерявшие детей, при наличии родственников по-разному оценивают взаимоотношения с ними: 74% — хорошие, 22% — есть проблемы, 4% — плохие. Включенность в семейно-родственное взаимодействие придает положительный импульс течению жизни пожилых людей при условии уважительного отношения к возрасту. Роль третьих

лиц может иметь как конструктивный, так и деструктивный характер. Стремление уйти от психологического состояния чувства одиночества зачастую делает пожилых граждан объектом для манипуляций. Организации социального обслуживания пользуются большим доверием, поскольку обеспечены законодательной базой.

Социальная включенность — одно из ус-

ловий успешной социализации. Активность пожилых людей проявляется в сфере досуга. В нашем понимании слово «досуг» подразумевает такое времяпровождение, которое приносит положительные эмоции, дает позитивный настрой. Приведенные данные — выбор 39% ППСУ активных форм проведения досуга (табл. 4).

Таблица 4

Проведение досуга в активной форме, %

Table 4

Spending leisure time in active form, %

Возраст	Мужчины (11)	Женщины (28)
60–64 года	5	6
65–80 лет	5	19
Более 80 лет	1	3

Источник: Данные социологического опроса пожилых получателей социальных услуг в форме социального обслуживания на дому в Москве, 2017 г.

Образование респондентов не является существенным параметром в данных предпочтениях. Оно определяет выбор вида времяпровождения: концерты, выставки, экскурсии, танцы, социальный туризм, скандинавская ходьба, плавание, чтение книг и т.д. В условиях развитости и доступности интернет-технологий возможности расширяются. Пассивный характер проведения свободного времени не снижает уровень полученного удовольствия. Многие открывают в себе новые способности в определенных видах творческой деятельности, достигая новые рубежи в саморазвитии.

Однако не все пожилые граждане име-

ют необходимый доступ к объектам культурного и спортивного назначения в силу финансовых трудностей, ограничений по здоровью. «Индивидуальная программа» старения включает традиционные пункты в поддержании жизненного потенциала не только при условии сохранности физиологических ресурсов, но и при их недостаточности. Выбор активной формы проведения свободного времени как одного из решений проблем медицинского характера присущ всем возрастным категориям вне зависимости от пола. Причины отказа от проведения досуга в активной форме отображены в таблице 5.

Таблица 5

Причины отказа от проведения досуга в активной форме, %

Table 5

Reasons for refusing to spend leisure time in active form, %

Причины отказа от проведения досуга в активной форме	Мужчины			Женщины		
	60–64 года	65–80 лет	Более 80 лет	60–64 года	65–80 лет	Более 80 лет
Нет желания	11	20	10	4	16	10
Нет времени	1	4	1	1	4	4
Нет подходящих мест поблизости	0	6	0	1	3	2
Высокая стоимость занятий	2	4	1	0	4	2
Другое	6	16	16	3	24	21

Источник: Данные социологического опроса пожилых получателей социальных услуг в форме социального обслуживания на дому в Москве, 2017 г.

Главную роль в культурном времяпровождении ППСУ играют организации социального обслуживания. Организованный досуг в отделениях дневного пребывания, массовые мероприятия, связанные с календарными памятными датами, акции по посещению различных культурно-развлекательных мест в свободном доступе на основе договоренностей с соответствующими структурами, очень востребованы. В целях обеспечения успешной реализации программ по поддержанию активного образа жизни работникам этой сферы требуются исследования для определения сущности и объема возникающих потребностей.

Вступление в силу с 2015 г. Федерального закона № 442-ФЗ⁵ в значительной степени способствовало развитию системы социального обслуживания. По состоянию на 1 января 2020 г., в России насчитывается около 4 тыс. государственных организаций социального обслуживания различных профиля для граждан пожилого возраста и инвалидов. В течение 2019 г. ими оказано свыше 420 млн услуг более чем 7 млн нуждающимся в социальной защите гражданам⁶. Расширение правового поля является одним из средств формирования условий, необходимых для обеспечения достойного уровня жизни пожилых людей и успешной социализации. По состоянию на 1 января 2020 г. 802 организациями, осуществляющими социальное обслуживание в форме социального обслуживания на дому, оказаны услуги 1,2 млн граждан. Число оказанных на дому социальных услуг — 227 млн услуг, среди которых наиболее востребованы гражданами пожилого возраста социально-бытовые (156 млн услуг), срочные (1,2 млн услуг), социально-медицинские (52,4 млн услуг), соци-

ально-психологические (11,4 млн услуг)⁷.

В соответствии с Указом Президента РФ № 204 от 07.05.2018 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» Правительство разработало национальный проект «Демография», составной частью которого является федеральный проект «Разработка и реализация программы системной поддержки и повышения качества жизни граждан старшего поколения «Старшее поколение». Проект носит межведомственный характер. В целом на его реализацию предполагается затратить из федерального источника 98,8 млрд, и к 2024 г. планируется создание условий для активного долголетия и качественной жизни граждан пожилого возраста, увеличение ожидаемой средней продолжительности жизни до 78 лет⁸.

В рамках проекта на осуществление мер по созданию системы долговременного ухода за гражданами пожилого возраста и инвалидами в период 2019–2024 гг. предполагается выделение из федерального бюджета 11,9 млрд рублей⁹. Для лиц предпенсионного возраста предусмотрена программа профессионального обучения и дополнительного профессионального образования (к 2024 г. планируется охватить 450 тыс. человек). Распоряжение Правительства России № 742-р распространило действие программы и на граждан старшего поколения¹⁰. Однако с учетом пандемии коронавируса, приведшей к экономическому спаду на 5–8%, нацпроект будет уточняться.

На основе представленных теоретических и методологических точек зрения на проблему социализации пожилых людей можно сделать вывод о том, что социализация подразумевает адекватное усвоение общественно значимых культурных цен-

⁵ Федеральный закон № 442-ФЗ от 28 декабря 2013 г. «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации». [Электронный ресурс]—Режим доступа: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/517850/#ixzz3RKxfAWk> (дата обращения: 10.04.2018).

⁶ Доклад о результатах комплексного мониторинга социально-экономического положения пожилых людей в 2019 году. [Электронный ресурс]—Режим доступа: <https://mintrud.gov.ru/social/270> (дата обращения: 04.08.2020).

⁷ Там же.

⁸ Национальный проект «Демография» [Электронный ресурс]—Режим доступа: <https://cdn.tass.ru/data/files/ru/demografiya.pdf> (дата обращения: 04.08.2020).

⁹ Там же.

¹⁰ Распоряжение Правительства РФ № 742-р от 26 марта 2020 года [Электронный ресурс]—Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/rqZDEPeEA5IISzxDIzF3wjkyZgbcabGk.pdf> (дата обращения: 04.08.2020).

ностей, одобряемых большинством нормативных поведенческих установок в процессе взаимодействия личности с социумом. Результатом становится формирование индивидом стратегии развития, модели поведения и возможностей интеграции в общество. При этом следование нормативным эталонам становится частью его мотивационной структуры. Процесс осуществляется на протяжении всей жизни. Требования социальной среды, психологическое развитие личности предопределяют один из основных факторов социализации — нормативный кризис. Вторым фактором является возраст. Концептуально в обобщенном виде выделяется два взгляда на процесс социализации: приспособление, принятие факторов социальной среды; вхождение с целью самореализации, при этом личность преодолевает негативное влияние объективных факторов внешней среды.

Социализация пожилых людей не предполагает существенных изменений личности. Устоявшееся мировоззрение, моральные качества, сформировавшиеся привычки не подвержены кардинальным изменениям. Однако общественные трансформации, связанные с ускорением темпов жизнедеятельности, технологизацией среды обитания, оказывают определенное влияние на социальное самочувствие этой социально-демографической группы. Прежде всего, характерно ощущение социальной неопределенности места и роли. Физиологические параметры сужают круг взаимодействия, растет зависимость от внешних факторов. Степень включенности носит индивидуальный характер. Амбивалентность усиливается, усложняя взаимодействия. Демографическое старение актуализирует проблему социального статуса пожилых людей, обеспечения достойного уровня жизни, самосохранения.

Формирование новой модели старения предусматривает взаимодействие с социальными службами, которые мотивируют активность ППСУ, направляют на путь исключения иждивенческих настроений, организуют пространство межличностных отношений в лице родственников, детей, друзей с целью обеспечения осуществления

рекреативной функции. Применение инновационных социальных практик и эффективных технологий обслуживания должно охватывать не только малоспособных к самообеспечению клиентов, но и тех, кто сохранил внутренний потенциал и стремится к самореализации. Основным агентом социализации пожилых людей — организации социального обслуживания, реализующие государственную политику, направленную на улучшение благосостояния пожилых людей, качества оказания медицинских услуг в целях расходования энергетических запасов личности не на решение задач по выживанию, а на реализацию стратегий по активному долголетию. Комплекс мер государственной политики в отношении пожилых людей должен обеспечить использование и преемственность опыта, знаний старшего поколения, исключение эйджизма, организацию социализации путем привлечения к участию заинтересованных структур, создания ресурсов для расширения возможностей активного участия в жизни общества.

Литература и Интернет-источники

1. **Луков В. А., Лукова Е. Е.** О теории социализации Франклина Гиддингса // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2014. № 3 (май — июнь). [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2014/3/Lukovs_Theory-Socialization-Giddings. (дата обращения: 08.12.2019).
2. **Ковалева А. И.** Социализация // Энциклопедия гуманитарных наук. — М.: 2004. — 139 с.
3. **Луков А. В.** Культурная социализация // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 3. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22701858> (дата обращения: 24.07.2020).
4. **Луков С. В., Боков В. И.** Проблемы социализации на страницах журнала «Знание. Понимание. Умение» // Аналитика и научное проектирование. 2014. № 1. [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://zpu-journal.ru/zpu/contents/2014/1/Lu-kov_Bokov_Problems-of-Socialization/34_2014_1.pdf (дата обращения: 12.01.2019).
5. **Андреева Г. М.** Социальная психология. — М.: Аспект Пресс, 1996. — С. 2.
6. Социологическая энциклопедия: В 2 т. Т. 2. / Гл. ред. В. Н. Иванов. — М.: Мысль, 2003. — 863 с. — С. 445.
7. **Фрейд З.** Психология бессознательного // З. Фрейд. / Под науч. ред. М. Г. Ярошевского. — Спб.: Питер, 2002. — С. 381–388.
8. **Парсонс Т.** О социальных системах // Т. Парсонс. / Под общ. ред. В. Ф. Чесноковой и С. А. Белановского. — М.: Академический проект, 2002. — С. 305–310.
9. **Солодникова И. В.** Траектории социализации и самореализации человека зрелого (30–60 лет) возраста. — М., 2003. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://refdb.ru/html> (дата обращения: 12.01.2019).
10. **Тощенко, Ж. Т.** Социология: учебник 4-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. — 608 с. С. 244.
11. **Краснова О. В.** Геронтопсихологический словарь. — М.: 2010. — 326 с. — С. 176.
12. **Костин Р. А., Климанова А. Е.** Вторичная социализация: понятие, проблемы и тенденции развития // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. — 2011. — № 3(9). — С. 52–53.
13. **Махиянова А. В.** Интернализация и социализация личности: категории и проблематика изучения. [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.rusnauka.com/25_PNR_2012/Psihologia/13_116036.doc.htm (дата обращения: 05.08.2020).
14. **Махиянова А. В., Фахрутдинова А. Ф.** Специфика применения классических теорий идентификации и социализации к анализу современных тенденций // Вестник Челябинского государственного университета. — 2010. — № 31(212). С. 107. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16354361> (дата обращения: 08.12.2019).

Информация об авторе:

Янцен Марина Анатольевна, аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: yancen.m@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1991-1395.

DOI: 10.19181/population.2020.23.3.7

SOCIALIZATION OF THE ELDERLY: SOCIOLOGICAL ASPECT**Marina A. Yantsen***The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
(82 Vernadsky prospect., Moscow, Russian Federation, 119571)**E-mail: yancen.m@mail.ru.***For citation:**Yantsen M.A. Socialization of the elderly: sociological aspect. *Narodonaselenie* [Population]. 2020. Vol. 23. No. 3. P. 71-82. DOI: 10.19181/population.2020.23.3.7 (in Russ.)

Abstract. *The article is devoted to the actual problem of social services for elderly citizens at home. The whole social service system requires modernization based on the principles of providing social services to form motivation for active longevity and to develop social interaction of the elderly. The article deals with the issues of socialization of older people, its features, objective and subjective factors, the opinions of scientists on the factors, typology of socialization. There are presented the main problems of elderly people receiving services of social service institutions in the Russian Federation, identified on the basis of statistical data. There are outlined directions of the State strategy for development of the system of social services for older generation, improvement of their quality of life and active longevity under the conditions of socio-economic crisis. The author uses the results of own sociological survey of 408 elderly respondents receiving social services in the social service institutions for the elderly. The importance of the services related to maintaining healthy and socially active longevity, organization of life and leisure, constructive interaction with relatives, for successful socialization of elderly people is shown. It is established that the most intensive socialization occurs in the process of providing social and socio-medical services. The dominant setting of elderly people is preservation of health; at the same time, it is the state of health that mostly determines the success of socialization of the elderly. For their active and healthy longevity elderly people prefer primarily cultural, educational, sports activities. However, many rely on the support of social service organizations.*

Keywords: *elderly people, social service, social services, socialization, social protection, quality of social services, social policy.*

References and Internet sources

1. Lukov V.A., Lukova E.E. O teorii sotsializatsii Franklina Giddingsa [On the theory of socialization of Franklin Giddings]. *Informatsionnyy gumanitarnyy portal «Znaniye. Ponimaniye. Umeniye»* [Information humanitarian portal *Knowledge. Understanding. Skill*]. 2014. No. 3 (May-June). Available at: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2014/3/Lukovs_Theory-Socialization-Giddings (Accessed: 8 December 2019). (in Russ.)
2. Kovaleva A.I. Sotsializatsiya [Socialization]. *Entsiklopediya gumanitarnykh nauk* [Encyclopedia of Humanities]. 2004. 139 p. (in Russ.)
3. Lukov A.V. Kul'turnaya sotsializatsiya [Cultural socialization]. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye* [Knowledge. Understanding. Skill]. 2008. № 3. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22701858> (Accessed: 24 July 2020). (in Russ.)
4. Lukov S.V., Bokov V.I. Problemy sotsializatsii na stranitsakh zhurnala «Znaniye. Ponimaniye. Umeniye» [Socialization issues in the journal *Knowledge. Understanding. Skill*]. *Analitika i nauchnoye proyektirovaniye* [Analytics and Scientific Design]. 2014. No. 1. Available at: <http://>

- www.zpu-journal.ru/zpu/contents/2014/1/Lukov_Bokov_Problems-of-Socialization/34_2014_1.pdf (Accessed: 12 January 2019). (in Russ.)
5. Andreeva G.M. *Sotsial'naya psikhologiya [Social Psychology]*. Moscow. Aspect Press, 1996. P. 2. (in Russ.)
 6. *Sotsiologicheskaya entsiklopediya [Sociological Encyclopedia]*. Vol. 2. Ed. V.N. Ivanov. Moscow. Mysl' [Thought]. 2003. P. 445. (in Russ.)
 7. Freud Z. *Psikhologiya bessoznatel'nogo [Psychology of the unconscious]*. In: Z. Freud. Ed. M.G. Yaroshevsky. St. Petersburg. Peter. 2002. P. 381–388. (in Russ.)
 8. Parsons T. O sotsial'nykh sistemakh [On social systems]. In: Parsons. Ed. V. F Chesnokova and S.A. Belanovsky. Moscow. Academic Project. 2002. P. 305–310. (in Russ.)
 9. Solodnikova I.V. Trayektorii sotsializatsii i samorealizatsii cheloveka zrelogo (30–60 let) vozrasta [Trajectories of socialization and self-realization of a person of mature (30–60 years) age]. Moscow. 2003. Available at: <http://refdb.ru/html> (Accessed: 12 January 2019). (in Russ.)
 10. Toshchenko, Zh. T. *Sotsiologiya [Sociology]*. Textbook. 4th ed. Moscow. UNITY-DANA, 2015. P. 244. (in Russ.)
 11. Krasnova O.V. *Gerontopsikhologicheskii slovar' [Gerontopsychological Dictionary]*. Moscow. 2010. P. 176. (in Russ.)
 12. Kostin R.A., Klimanova A.E. Vtorichnaya sotsializatsiya: ponyatiye, problemy i tendentsii razvitiya [Secondary socialization: concept, problems and development trends]. *Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii [Theory and Practice of Service: Economy, Social Sphere, Technologies]*. 2011. No. 3(9). P. 52–53. (in Russ.)
 13. Makhiyanova A.V. Internalizatsiya i sotsializatsiya lichnosti: kategorii i problematika izucheniya [Internalization and socialization of personality: categories and issues of study]. Available at: http://www.rusnauka.com/25_PNR_2012/Psihologia/13_116036.doc.htm (Accessed: 5 August 2020). (in Russ.)
 14. Makhiyanova A.V., Fakhrutdinova A.F. Spetsifika primeneniya klassicheskikh teoriy identifikatsii i sotsializatsii k analizu sovremennykh tendentsiy [Specifics of applying classical theories of identification and socialization to the analysis of modern trends]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Chelyabinsk State University]*. 2010. No. 31(212). P. 107. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16354361> (Accessed: 8 December 2019). (in Russ.)

Information about the author:

Yantsen Marina Anatolievna, post-graduate student, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation.

Contact information: e-mail: yancen.m@mail.ru; ORCID: 0000–0002–1991–1395.

Статья поступила в редакцию 26.02.2020.

DOI: 10.19181/population.2020.23.3.8

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗМЕНЕНИЯ ОПАСНОСТИ РАЗВИТИЯ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА COVID-19: МАТЕМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ И СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Черкашин А. К.

Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН
(664033, Россия, Иркутск, ул. Улан-Баторская, 1)

E-mail: akcherk@irnok.net

Финансирование:

Исследование выполнено за счет средств государственного задания АААА-А17-117041910167-О.

Для цитирования:

Черкашин А. К. Национальные особенности изменения опасности развития пандемии коронавируса COVID-19: математическое моделирование и статистический анализ // Народонаселение. — 2020. — Т. 23. — № 3. — С. 83-95. DOI: 10.19181/population.2020.23.3.8

Аннотация. Исключительные события, связанные с распространением инфекции коронавируса COVID-19 среди населения различных стран, предоставляют информацию для сравнительного анализа и количественной оценки качества принимаемых решений в различных национальных обстоятельствах борьбы с пандемией. С использованием математических моделей теории надежности выявляется общая тенденция изменения эпидемических кривых и проводится оперативный расчет коэффициентов моделей и динамики численности установленных случаев заболеваний по функции отказов (фактов заражений), плотности вероятности отказов (роста доли инфицированных), интегрированной опасности и риска заражения, приемлемого риска, первичной готовности к эпидемии и управляемости текущей эпидемической ситуацией. Россия, в отличие от других стран, вступила в эпидемический процесс с высокой готовностью — малым показателем приемлемого риска, но продемонстрировала низкую управляемость текущей ситуацией. Функции надежности основаны на двойной интерпретации уравнения изменения меры опасности во времени и по факторам развития эпидемического процесса, в частности, по возрасту населения. Базовым для математического и статистического анализа является экспоненциальное уравнение опасности, которое в полугарифмической шкале представлено линейной зависимостью от времени. Ее искажения за счет варьирования управляемой величины приемлемого риска указывает на национальные особенности регулирования эпидемической нагрузки на население. Все показатели надежности имеют ясный смысл и взаимосвязаны. Для прогнозирования необходимо знать моменты начала и пика эпидемии, потенциал заражения в группе риска, приемлемый риск. По данным в фазе экспоненциального роста приемлемый риск линейно снижается со временем до минимального значения, что становится основанием для оценки управляемости эпидемической ситуацией и дальнейшего совершенствования модели.

Ключевые слова: пандемия COVID-19, страновые особенности эпидемических кривых, математические модели опасности заражения, показатель предварительной готовности, управляемость ситуацией.

Введение

Текущие события, связанные с распространением инфекции COVID-19 (SARS-CoV-2), поставили перед глобальным сообществом много новых биомедицинских, хозяйственных, демографических и иных проблем. Ситуация в различных странах быстро меняется в зависимости от особенностей географического положения, культурно-исторических традиций населения и типа национальной организации государственного управления здравоохранением, в соответствии с которыми изменяются характеристики эпидемического процесса и вырабатывается местная тактика и стратегия борьбы с эпидемией, ставшей пандемией. Осуществляется беспрецедентный глобальный мониторинг этого процесса с детальной фиксацией многочисленных статистических показателей по странам, регионам, отдельным районам и городам с разверткой во времени и по возрасту. Такая информация поступает в реальном времени, служит для принятия оперативных решений, позволяет ученым проверить гипотезы, выявить новые закономерности, построить модели и проверить их эффективность.

Предсказание возникновения пандемии — занятие неблагодарное, но готовиться к ней необходимо заранее [1]. В октябре 2019 г. Университет Джона Хопкинса и журнал «The Economist» опубликовали рейтинг безопасности стран с точки зрения их устойчивости к воздействию эпидемий [2], в котором на первых местах находились США и Великобритания. В общемировом и всероссийском масштабах цели санитарно-эпидемиологической

безопасности служит развитие системы здравоохранения, что снижает риски воздействия ведущих причин нездоровья и смертности на индивидуальном или популяционном уровне [3]. Популяционное здоровье и первичная заболеваемость населения зависит от многих факторов — генетических, природно-климатических, социально-экономических, учет которых необходим для решения социально-демографических проблем, повышения качества жизни и развития страны и её регионов [4]. Пандемия COVID-19 еще раз выявила территориальный, национальный, этнический и расовый характер глобальной вирусной эпидемии [5].

Для объяснения закономерностей распространения нового коронавируса были предложены различные математические модели процесса [6]. При этом отмечалось, что из-за ограниченности доступной информации на предварительном этапе используются упрощенные модели, не учитывающие неоднородность популяции, но по мере развертывания процесса качество моделей и основанные на них рекомендации совершенствуются [7]. По мере поступления информации начинают использовать классическую и обобщенную динамическую модель SIR [8; 9]. Отмечается, что расчетные коэффициенты модели сходны по регионам, но в разные периоды наблюдений отличаются, изменяются со временем, что связывается с эффектом регулирования ситуации — усилением мер профилактики и борьбы с эпидемией [10].

Для описания механизма эпидемического процесса используется логистическое уравнение модели SIR [9]:

$$\text{а) } \frac{dS}{dt} = -\alpha IS, \quad \text{б) } \frac{dI}{dt} = \alpha IS - \alpha I(S_0 - I), \quad (1)$$

где S_0 и $S(t)$ — исходное, базовое в группе риска и текущее количество не болевшего населения, восприимчивого к инфекции (тыс. человек) в момент t — (потенциал заражения); $I(t)$ — число подтвержденных случаев заболевания с начала процесса $t = t_0$ (в днях); α — положительная константа (частота контактов в расчете на тыс. человек, 1/тыс. чел × день). Эти уравнения использовались как основа для оценки опасности распространения гриппа птиц, прогноза риска возникновения эпизоотий и эпидемий [11] с учетом возрастного состава и миграции населения [12] в неоднородной географической среде.

В начале процесса, когда $S \approx S_0$, нарастание $I(t)$ идет по экспоненте

$$I(t) = \exp[\alpha S_0(t - t_0)]$$

или в полулогарифмическом масштабе

$$\ln I(t) = \alpha S_0 I(t - t_0) -$$

по прямой зависимости от времени t . Очевидно, что в фазе экспоненциального роста необходимо снижать частоту контактов α и размер группы риска S_0 , что достигается территориальной и личной изоляцией (разобщением) населения, соблюдением гигиенических требований, вакцинацией и в целом наличием коллективного иммунитета.

На размножение вируса COVID-19 в человеческой популяции влияет множество факторов. Процесс разворачивается во времени и пространстве, имеет свои возрастные и региональные особенности, поэтому трудно создать универсальную модель, учитывающую множество показателей и коэффициентов их связей, подлежащие статистической оценке, чтобы получить точные результаты описания эпидемических систем. Необходимы разные модели, полисистемный подход [13], когда для решения поставленной проблемы используются наиболее удобные, простые и адекватные соотношения. Одним из перспективных направлений моделирования является оценка опасности и риска [14–16], в данном случае — риска распространения коронавируса среди населения разных регионов и стран, для разработки стратегии обеспечения безопасности. Показателем

такой оценки служит демографическая реакция на изменение ситуации вследствие естественных причин и действия органов государственной власти [17].

Материалы и методы

При знакомстве с эпидемическими кривыми COVID-19 [18] обращает на себя внимание, что быстрое разворачивание процесса соответствует странам и регионам в основном с высокими уровнем и качеством жизни. По числу установленных на 17 апреля 2020 г. случаев заболевания — это США, Испания, Италия, Германия и Франция, в Италии — Милан (Ломбардия), в США — Нью-Йорк, в России — Москва. Особенностью эпидемических кривых опасности в полулогарифмической шкале является линейный рост в начале процесса и выполаживание в конце (рис. 1).

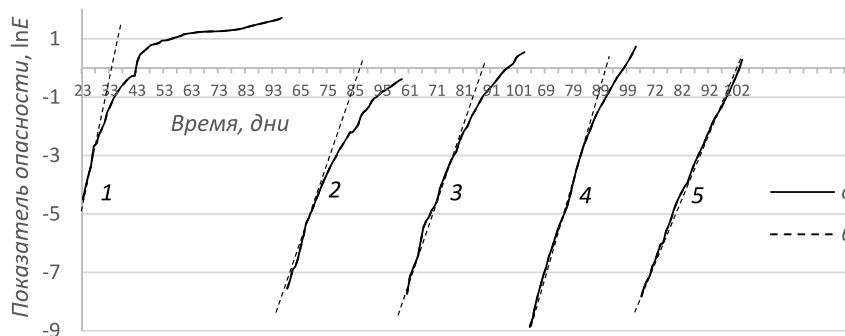

Рис. 1. Изменение опасности $\ln E(t)$ развития эпидемии коронавируса CAVID-19 в разных странах: 1 — Китай, 2 — Франция, 3 — Германия, 4 — США, 5 — Россия. Условные обозначения: а — эпидемические кривые $\ln E(t)$, б — линейная аппроксимация этих кривых в первой фазе процесса — 102 дня 2020 года

Fig. 1. Changes in the hazard index $\ln E(t)$ of the COVID-19 coronavirus epidemic process in different countries: 1 — China, 2 — France, 3 — Germany, 4 — USA, 5 — Russia. Symbols: а — epidemic curves $\ln E(t)$, б — linear approximation of these curves in the first phase of the process — 102 days in 2020.

Источник: Пандемия COVID-19. Материалы Википедии. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/COVID-19> (дата обращения: 17.04.2020).

Время начала процесса, показатели скорости роста, пик заболеваемости и стационарный уровень индивидуальны для населения разных территорий. Эти закономерности здесь формализуются в терминах теории надежности, применяемых в популяционной динамике [19], в том числе для исследования качества жизни [15; 20].

По определению надежность — свойство объекта сохранять во времени в установленных пределах значения всех параметров, обеспечивающих выполнение своих функции в данных условиях [21; 22]. Надёжность связывается с отсутствием отказов (утрат, потерь, жертв, аварий) в работе (деятельности) — свойством объекта сохранять его работоспособность (жизнедеятельность) во времени или в процессе наработки по принятому параметру (возрасту, расстоянию, числу применений). Отказ в эпидемическом процессе связан со случаями инфицирования, потерей здоровья или смертью человека. Надежность характеризует ситуацию без

учета числа объектов в системе, в их ожидаемом осредненном поведении.

Для количественной оценки развития эпидемии используют показатели надежности, например, вероятность безотказной работы до момента t (в днях с начала пандемии, 31 декабря 2019 г. для COVID-19), которая задается убывающей функцией надежности $P^*(t)$ типа вероятности сохранения здоровья к моменту t . Функция кумулятивной вероятности накопления отказов (ненадежности) равна $F^*(t) = 1 - P^*(t)$ так что в эпидемиологической модели (1): $S(t) = S_0 P^*(t)$, $I(t) = S_0 F^*(t)$. В силу относительности показателей надежности $P^*(t) = S(t)/S_0$, $F^*(t) = I(t)/S_0$ на их величину мало влияет принятая в стране методика статистического учета случаев инфицирования, что определяет преимущества аналитических вычислений по формулам надежности.

На основе функции надежности $P^*(t)$ рассчитываются другие показатели:

$$P(t) = -\frac{dP^*(t)}{dt}, E(t) = -\ln P^*(t), p(t) = \frac{dE}{dt} = \frac{P(t)}{P^*(t)}, \quad (2)$$

где $P(t)$ — функция плотности вероятности (распределения) отказов, в частности, доля подтвержденных случаев инфицирования за единицу времени; $E(t)$ — интегрированная опасность, вероятность того, что процесс будет разворачиваться до момента t ; $G(t) = 1 - E(t)$ — мера возможности достижения состояния безопасности; $p(t)$ — интенсивность отказов, дифференцированная опасность, или риск, равный доле заболевших за единицу времени в численности чувствительного населения $S(t)$ (заболеваемость).

Для описания эпидемического процесса удобно принять экспоненциальную функцию опасности, распространенную в биосоциальных, финансово-экономических и страховых приложениях:

$$E(t) = -\ln P^*(t) = \exp(k(t - t_m)), \quad (3)$$

где k — положительный постоянный коэффициент (приемлемый риск — ПР); t_m — момент максимального развития (пика) процесса. Тогда $P^*(t)$ соответствует дважды экспоненциальной функции вероятности Гомпертца [19]:

$$P^*(t) = \exp[-\exp(k(t - t_m))], \quad (4)$$

$$P(t) = eP_m \exp(k(t - t_m)) \exp[-\exp(k(t - t_m))], \quad (5)$$

$$p(t) = \frac{dE(t)}{dt} = k \exp(k(t - t_m)), \quad (6)$$

где $P(t_m) = P_m$ — максимальное значение $P(t)$ (на пике развития эпидемии). Урав-

нение (6) для интенсивностей отказов $p(t)$ соответствует известной модели Кокса, применяемой при изучении зависимости риска наступления события от продолжительности пребывания объекта в группе риска [14]. Приемлемый риск (ПР) $p(t_m) = k$ определяет границы безопасности $G(t_m) = 0$ существования рассматриваемой системы, достигаемые при $t = t_m$. ПН – это уровень риска, с которым общество готово мириться, в данном случае на общегосударственном уровне в конкретных обстоятельствах пандемии.

Функция опасности (3) удовлетворяет дифференциальному уравнению

$$\frac{dE}{dt} = kE(t) \quad (7)$$

Такая модель обеспечивает экспоненциальный рост числа установленных случаев инфицирования населения в первой фазе эпидемии:

$$F^*(t) = 1 - P^*(t) = 1 - \exp(-\exp[k(t - t_m)]) \approx 1 - \{1 - \exp[k(t - t_m)]\} = \exp[k(t - t_m)] \quad (8)$$

Следовательно, показатель ПР

$$k = -(\alpha \Delta t_0 - 1) S_0 / \Delta t_m + 1 / \Delta t_m, \Delta t_m = t_m - t_0, \Delta t_m = t_m - t_0 \quad (9)$$

а при малых k будет $F^*(t) \approx 1 - \exp\{-[1 + k(t - t_m)]\}$ – моноэкспоненциальная функция эпидемической ситуации, реализованной в Китае.

В эпидемическом процессе на первых этапах наблюдается только значение $I(t) = S_0 F^*(t) = S_0 [1 - P^*(t)]$, причем величина потенциала заражения S_0 неизвестна. Для определения коэффициентов перечисленных уравнений теории надежности по данным необходимо рассчитать величину опасности в логарифмическом масштабе по формуле:

$$\ln E(t) = \ln \{-\ln[(S_0 - I(t))/S_0]\} = k(t - t_m) \quad (10)$$

Подбираем значение S_0 так, чтобы обеспечить линейную зависимость $\ln E(t)$ от t (см. рис. 1).

Возможна общая постановка задачи исследования факторной зависимости опасности $E(t, x, y)$ – гладкой функции времени t и показателей наработки (жизнедеятельности) x и y , характеризующей, например, возраст системы x или иной показатель y ее динамического состояния. Эту функцию можно рассматривать как поверхность многообразия связи переменных $E[t, x(t), y(t)]$, касательная к которой в точке (x, y) описывает процессы уравнением полного дифференциала этой функции $E[t, x(t), y(t)]$ по параметру направления изменения t (производная Лагранжа):

$$\frac{dE}{dt} = \frac{\partial E}{\partial t} + v_x \frac{\partial E}{\partial x} + v_y \frac{\partial E}{\partial y} \quad (11)$$

где $v_x = dx/dt$, $v_y = dy/dt$ – скорости изменения состояния системы по характеристикам. В случае $dE/dt = p(t) = 0$ уравнение (11) описывает непрерывный замкнутый поток элементов без потерь (безрисковый процесс). От вида функции потерь зависит решение уравнения (11), в частности, в варианте дифференциальной связи (7), которая описывает изменение функции только от параметра t . Сопоставление (7) и (11) дает дифференциальное уравнение зависимости опасности также от факторных переменных (x, y) :

$$\frac{\partial E}{\partial t} + v_x \frac{\partial E}{\partial x} + v_y \frac{\partial E}{\partial y} = kE(t, x, y). \quad (12)$$

Уравнения такого вида в популяционной динамике называются уравнениями Мак-

Кендрика – Фон Фестера [8, 20]. Оно имеет фундаментальное значение и применимо к любой аналитической функции $E(t, x, y)$, что используется при моделировании. Важно подчеркнуть эквивалентность двух способов описания (7) и (12): первый удобен для анализа временных рядов данных, второй – при учете факторного влияния. Находятся первые интегралы дифференциального уравнения (12) – функции, которые сохраняют постоянное значение вдоль любого его решения, являющегося функциональной комбинацией $\Phi(c_j) = C$ первых интегралов [23]. При постоянных ν_x, ν_y первые интегралы уравнения (12) равны

$$c_1 = x - \nu_x t, c_2 = E / \exp[(k / \nu_x)x], c_3 = E / \exp[(k / \nu_y)y]. \quad (13)$$

Значения инвариантов c_j восстанавливаются по начальным и граничным условиям. В частном случае, скорость $\nu_x = dx/dt$ определяет изменение возраста x человека со временем, скорость $\nu_y = dy/dt$ характеризует варьирование серьезности y его заболевания. Обычно считается, что $\nu_x = 1$ т.е. возраст соответствует течению времени, но полагают также, что существует биологический возраст, когда, например $1 > \nu_x > 0$ т.е. процесс старения замедляется, что характерно для стран с высокой продолжительностью жизни. Тогда, как следует из (13), $E = c_3 \exp[(k / \nu_y)y]$ – опасность инфицирования будет экспоненциально увеличиваться с возрастом x с темпами более высокими в благополучных странах. В случае с COVID-19 данные свидетельствуют [18], что наибольшему риску подвержены пожилые люди с большим различием возрастных тенденций по государствам. При $\nu_x < 0$ зависимость от возраста будет обратная, как это было во время пандемии 1918 г., когда 99% людей, умерших от гриппа и его осложнений, были моложе 65 лет [1]. Судя по инфограммам, преобладают легкие формы $y \rightarrow 0$ COVID-19, что, как следует из (13) $E = c_3 \exp[(k / \nu_x)x]$, соответствует ситуации $\nu_y < 0$. По степени летальности y , где $\nu_y > 0$, новый коронавирус имеет невысокие показатели $p = 0,036$ в день [24].

Результаты исследования

Опираясь на перечисленные формулы, появляется возможность количественно оценить национальные показатели управления пандемией по особенностям реакции населения на распространение нового коронавируса. Использовались данные из различных источников по изменению во времени величины установленных случаев заражения населения $I(t)$ разных стран вирусом COVID-19. Данные обрабатывались численными методами по указанным уравнениям. Суточная скорость изменения характеристик рассчитывалась по формуле $V(t) = E(t) - E(t-1)$. Связи устанавливались методами корреляционного и регрессионного анализа, в ходе которого решалась обратная задача моделирования – определения информативных коэффициентов модели по временным рядам данных [15].

На первом этапе обработки данных по территориям, где население широко охвачено пандемией коронавируса (табл. 1), проверялась гипотеза связи опасности $E(t)$ и риска $p(t)$ по уравнению (7), что соответствует пропорции $p = k_1 E$ с индивидуальным коэффициентом ПР k_1 для каждой страны. Он дает первую оценку k для расчета по модели (3). Коэффициенты определялись с корреляцией $R > 0,95$ зависимости p от E и E от t и в основном подтверждают справедливость экспоненциальной функции опасности (3). Для $p(E)$ худшие результаты аппроксимации имеются по материалам Китая, поскольку здесь данные не обладают необходимой гладкостью: есть сильно «выскакивающие» значения.

В эту формулу не укладываются данные по США, где по вычисленному ПР на середину апреля должно быть не более 104 ты-

сячи зараженных против 10-кратного превышения этой величины в реальности. Зависимость S_0 от упомянутого индекса готовности f положительна ($R=0,63$), т.е.

считавшиеся по расчетам наиболее подготовленные к пандемии страны, оказались реально более уязвимыми.

Для понимания национальных особен-

Таблица 1

Основные показатели эпидемического процесса коронавируса COVID-19 по разным странам на середину апреля 2020 г. (пояснения в тексте)

Table 1

Key indicators of the epidemic process of COVID-19 coronavirus in different countries by mid-April 2020 (explanations in the text)

Страна	k_1	S_0	t_0	t_m	k	k_0	g	f
США	0,159	850	33	99	0,163	0,572	0,00427	83,50
Испания	0,128	190	56	97	0,128	0,641	0,00556	65,90
Италия	0,082	175	50	93	0,094	0,579	0,00552	56,20
Франция	0,113	167	56	95	0,112	0,777	0,00791	68,20
Германия	0,141	141	54	96	0,143	0,642	0,00562	66,00
Великобритания	0,109	120	59	107	0,141	0,527	0,00395	77,90
Китай	0,0164	83	0	38	0,152	0,711	0,01555	48,20
Россия	0,179	95	67	112	0,175	0,439	0,00287	44,30

Источник: Рассчитано автором по данным — Пандемия COVID-19. Материалы Википедии [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/COVID-19>; Global Health Security Index. — [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.ghsindex.org/wp-content/uploads/2019/10/2019-Global-Health-Security-Index.pdf> (дата обращения: 16.03.2020).

ностей управления ситуацией исследуется зависимость $\ln E(t)$ по разным странам (рис. 1). Теоретически она должна быть линейной от t , что идеально проявляется в России, в других странах в начальных фазах процесса, а в КНР — нелинейна с низким значением ПР $k_1 = 0,0164$ /день. При таком значении экспонента $E(t)$ становится линейной функций времени, что характерно для физико-технических систем [21], когда надежность $P^*(t)$ падает по экспоненте.

При расчетах по формулам необходимо знать значения t_0 , t_m и S_0 , которые точно определяются на основе статистических данных по началу, пику и окончанию эпидемического процесса. Время t_0 здесь соответствует моменту, когда в стране выявлены первые 10 инфицированных новым коронавирусом больные. Разница $\Delta t = t_m - t_0$ равна времени развертывания процесса — сумме длительности фазы экспоненциального роста $\Delta t_0 = t - t_0$ и предпикового периода $\Delta t_m = t_m - t$ (начала выполаживания кривой прироста установ-

ленных случаев заражения). Этими параметрами определяется линейная зависимость (9) величины ПР k от максимально возможного по текущим оценкам потенциала заражения S_0 : $k = -0,00052S_0 + 0,207$, $R = -0,80$.

Сравнение k и k_1 , найденных разными способами (табл. 1), сопоставимы: $k = 0,65k_1 + 0,060$ ($R = 0,76$). Получается, что значение k на треть меньше k_1 , что обусловлено большей сложностью функций связей, чем предполагалось. Это определено отклонением от линейной тенденции изменения $\ln E(t)$ (см. рис. 1) по формуле (10) и детерминировано значением $k(t)$, которое зависит от времени и является управляемой величиной. Такое значение вычисляется по статистическим данным глобального мониторинга пандемии $k(t) = p(t)/E(t)$ (рис. 2). Величина $k(t)$ варьирует во времени t , проявляя общую тенденцию снижения с коэффициентом g (табл. 1): $k(t) = k_0 - gt$. Показатель первичной ПР k_0 отражает неготовность системы национального здра-

воохранения к началу пандемического процесса; он понижается при более позднем начале эпидемии t_0 . Соответственно готовность будет противоположной по знаку величиной $\Delta k_0 = k_{0K} - k_0$, вычисляемой, например, относительно китайской ПР k_{0K} . Показатель g характеризует управляемость социально-экономической системой. Самая высокая неготовность $k_{0K} = 0,777/\text{день}$ (готовность $\Delta k_0 = 0$) была в Китае, первым встретившим эпидемию коронавируса, самая низкая $k_0 = 0,439$ (повышенная готовность $\Delta k_0 = 0,339$) — в России, что последняя вошла в пандемический процесс из перечисленных стран. Напротив, самая высокая управляемость $g = 0,0156/\text{день}^2$ характерна для Китая и самая низкая $g = 0,00287$ — для России, медленно снижающей приемлемый риск с одинаковыми темпами g до конца мая. Если такая закономерность понятна с учетом особенностей государственного устройства Китая, власти которого жестко ограничили передвижение населения и обеспечили его изоляцию, то высокие показатели регулируемости (табл. 1) в «свободных» и «открытых» западных странах, например, $g = 0,00791$ во Франции, удивляют. Здесь темпы снижения ПР намного больше российского показателя g управления «непослушным» населением. В связи с этим можно также полагать, что население западноевропейских стран более ответственно отнеслось к ситуации, чем российское общество. Вместе с тем, из-за особенностей поведения населения, политики правительств, их специфической оценки опасности эпидемии относительно низкая государственная управляемость пандемией проявилась в Великобритании $g = 0,00395$ и США $g = 0,00427/\text{день}^2$. По данным табл. 1 прослеживается линейная положительная зависимость $k_0 = 0,793gt_m + 0,204$ ($R = 0,97$). Отсюда требуемый уровень постоянной готовности Δk_0 снижается при увеличении управляемости g и отдалении момента t_m проявления пика эпидемии.

Высокая подготовленность системы здравоохранения России обеспечила сна-

чала оптимистичный сценарий управления социально-экономической и эпидемической ситуацией, позволивший пролонгировать момент начала массового инфицирования и пика заболевания. Для этого с 20.02.2020 г. был введен запрет на въезд на территорию России граждан Китая. С 17.03. прекращено железнодорожное и авиасообщение с зарубежными странами. 25.03. для борьбы с распространением эпидемии период с 30 марта по 3 апреля объявлен нерабочим, который продлен до 30 апреля, а затем — до 11 мая с целью максимального сохранения здоровья и жизни населения. Главы администраций регионов России получили дополнительные права и обязанности, позволяющие принимать во внимание местную специфику коронавирусной ситуации. Вместе с тем в начале апреля стало ясно, что население России не в полной мере осознает опасность и необходимость соблюдения мер противодействия эпидемии — режима самоизоляции и социального дистанцирования, в чем выразилась низкая управляемость ситуацией со стороны руководства страны и регионов и появилась необходимость введения более строгих мер в г. Москве и в других субъектах Российской Федерации. Текущие расчеты по модели начала апреля указывали на 112 день пандемии (21 апреля 2020 г.) как момент достижения пика (плато) развития эпидемии в России. Однако в начале мая наблюдался новый всплеск заражения с ежедневным приростом более 10 тыс. человек. С позиции принятой модели популяционная система постоянно меняется с коррелированным смещением параметров списка таблицы 1, что снижает предсказуемость развития процесса. Необходимо в наблюдаемых отклонениях выявить закономерности, связанные с потерей управляемости, чтобы не только поддерживать ($g = 0$) в стране постоянный уровень ПР $0,08/\text{день}$, но и не допускать ее перехода в отрицательную область $g < 0$ неуправляемости.

Выводы

Разрабатываются модели и методы расчета количественных показателей реакции национального государства и общества на опасность распространения коронавирусной инфекции COVID-19 в начальной фазе эпидемии. Полученные результаты сохраняют свою актуальность в процессе развития пандемии, добавляя новые знания о явлении. Используются понятия, модели и методы теории надежности описания развития эпидемической ситуации функциями (2)–(6) вероятности безотказной работы (выживания, сохранения здоровья), плотности вероятности (распределения) отказов (темпов инфицирования), интегрированной опасности заражения, интенсивности отказов (риска заболеть), приемлемого риска, управляемости эпидемической ситуаций. Управление осуществляется через давление власти на величину приемлемого риска (допустимой заболеваемости). По результатам статистической обработки данных по числу подтвержденных случаев заболевания населения разных стран проведен сравнительный анализ процесса развертывания эпидемии в национальных обстоятельствах борьбы с пандемией.

Функции надежности основаны на двойной интерпретации уравнения (7, 11–12) изменения меры опасности во времени и по факторам развития эпидемического процесса, в частности, учитывается возрастная структура населения. Базовым для математического и статистического анализа является экспоненциальное уравнение опасности (3), в полулогариф-

мической шкале представленное линейной зависимостью от времени, искажения которой за счет варьирования управляемой величины приемлемого риска указывает на национальные особенности регулирования эпидемической нагрузки на население.

В Китае реализован упрощенный вариант регулирования этим процессом с высоким уровнем риска, низкой первичной подготовленностью санитарно-эпидемиологических служб и с жесткой управляемостью изоляцией населения. Западные страны, такие как Италия и Франция, характеризуются средней подготовленностью и управляемостью эпидемиологической обстановкой. Изменчивость ситуации в начальный период эпидемии лучше всего моделируется указанными методами на примере населения России, для которой свойственна высокая подготовленность и низкая управляемость обществом в критической ситуации. Текущие расчеты по данным начала апреля 2020 г. указывают на 21 апреля как момент начала формирования пика развития эпидемии в России, но в начале мая произошло нарушение этой тенденции с потерей управляемости и с отложенным максимумом кривой инфицирования (132 день 11 мая 2020 г.). Полученные результаты подтверждают работоспособность модели в ясных терминах теории надежности и определяют направления ее совершенствования в условиях продолжающейся глобальной пандемии по вновь возникающим данным и обстоятельствам для лучшего понимания особенностей протекающих процессов по странам.

Литература и Интернет-источники

1. **Гендон Ю. З.** Пандемии гриппа: прошлое и будущее // Природа. — 2008. — № 5. — С. 3–9.
2. Global Health Security Index. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.ghsindex.org/wp-content/uploads/2019/10/2019-Global-Health-Security-Index.pdf> (дата обращения: 16 марта 2020).
3. **Каткова И. П.** Российское здравоохранение в контексте задач достижения всеобщей доступности услуг здравоохранения к 2030 году // Народонаселение. — 2020. — Т. 23. — № 1. — С. 135–147. DOI: 10.19181/population.2020.23.1.11
4. **Будилова Е. В., Лагутин М. Б., Мигранова Л. А.** Влияние демографических и социально-экономических факторов на популяционное здоровье населения // Народонаселение. — 2019. — № 3. — С. 80–92. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00028

5. **Aaltola M.** Covid-19—a trigger for global transformation? Political distancing, global decoupling and growing distrust in health governance // FIIA working papers, 2020, N113. P. 4–14.
6. **Denis M., Vandeweerd V., Verbeke R., Van der Vliet D.** Overview of information available to support the development of medical countermeasures and interventions against COVID-19 // Version dd. 30, 2020, Transdisciplinary insights. P. 1–134.
7. **Cohen J.** Scientists are racing to model the next moves of a coronavirus that's still hard to predict // Science, 07 February 2020. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.sciencemag.org/news/2020/02/scientists-are-racing-model-next-moves-coronavirus-thats-still-hard-predict> (дата обращения: 18.04.2020).
8. **Kermack W., McKendrick A.** Contributions to the mathematical theory of epidemics—part III. Further studies of the problem of endemicity // Bulletin of Mathematical Biology, 1991, Vol. 5. No. 3(1–2). P. 89–118.
9. **Бейли Н.** Математика в биологии и медицине. — М.: Мир, 1970. — 326 с.
10. **Zhang G., Pang H., Xue Y., Zhou Y., Wang R.** Forecasting and analysis of time variation of parameters of COVID-19 infection in China using an improved SEIR model. — 2020 // Centre for Mathematical Modelling of Infectious Diseases COVID-19 working group // The lancet, March 11, 2020. [Электронный ресурс] — Режим доступа: www.thelancet.com/infection. (дата обращения: 18.03.2020).
11. **Владимиров И. Н., Мясникова С. И., Черкашин А. К.** Геоинформационное обеспечение оценки заболевания птичьим гриппом в регионе // Известия РАН. Серия географическая. — 2008. — № 2. — С. 122–131.
12. **Huang C. Y., Wen T. H., Tsai Y. S.** A Novel four-layer model for simulating epidemic dynamics and assessing intervention policies // Hindawi Publishing Corporation. Journal of Applied Mathematics. Vol. 2013. P. 1–20.
13. **Черкашин А. К.** Полисистемное моделирование. — Новосибирск: Наука, 2005. — 280 с.
14. **Therneau T. M., Grambsch P. M.** Modeling survival data: extending the Cox model. New York: Springer-Verlag, 2000. 355 p.
15. **Черкашин А. К.** Оценка качества жизни на основе решения обратной задачи моделирования динамики численности населения // Народонаселение. — 2014. — № 1. — С. 54–67.
16. **Черкашин А. К., Красноштанова Н. Е.** Моделирование оценки риска хозяйственной деятельности в районах нового нефтегазового освоения // Проблемы анализа риска. — 2015. — Т. 12, № 6. — С. 44–52.
17. **Склянова И. П., Черкашин А. К.** Количественная оценка демографической реакции на изменения условий жизнедеятельности в моногородах // Регион: экономика и социология. — 2015. — № 4. — С. 179–197.
18. **Roser M., Ritchie H., Ortiz-Ospina E.** Coronavirus disease (COVID-19): Statistics and research // Our World in Data. — 2020. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://ourworldindata.org/coronavirus/> (дата обращения: 01.04.2020).
19. **Gavrilov L. A., Gavrilova N. S.** Reliability theory of aging and longevity // Handbook of the biology of aging, Sixth edition. Academic Press. San Diego, CA, USA, 2006, P. 3–42.
20. **Черкашин А. К., Лещенко Я. А., Боева А. В.** Динамические и квалиметрические модели оценки качества жизни семьи // Народонаселение. — 2015. — № 3. — С. 61–76.
21. **Høyland A., Rausand M.** System Reliability Theory: Models and Statistical Methods. New Jersey: John Wiley & Sons, Inc. 2004. 518 p.
22. **Северцев Н. А., Дедков В. К.** Методологические вопросы надежности и безопасности // Вестник ТвГУ. Серия: Прикладная математика. — 2007. — № 3(6). — С. 123–128.
23. **Камке Э.** Справочник по дифференциальным уравнениям в частных производных первого порядка. — М.: Наука, 1966. — 260 с.
24. **Насколько опасен коронавирус: заразность, летальность и группы риска.** [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://ria.ru/20200319/1568742369.html?in=t> (Дата обращения: 18.04.2020).

Информация об авторе:

Черкашин Александр Константинович, доктор географических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий лабораторией теоретической географии Института географии им. В. Б. Сохавы Сибирского отделения РАН, Иркутск, Россия.

Контактная информация: e-mail: akcherk@irnok.net; ORCID: 0000-0002-7596-7780; Researcher ID Web of Science: K-2418-2017.

DOI: 10.19181/population.2020.23.3.8

NATIONAL CHARACTERISTICS OF CHANGES IN THE HAZARD OF DEVELOPMENT OF THE COVID-19 CORONAVIRUS PANDEMIC: MATHEMATICAL MODELING AND STATISTICAL ANALYSIS

Alexander K. Cherkashin

V.B. Sochava Institute of geography SB RAS
(1 Ulaanbaatar str., Irkutsk, Russian Federation, 664033)

E-mail: akcherk@irnok.net

Funding:

The research was carried out under the State assignment AAAA-A17-117041910167-0.

For citation:

Cherkashin A.K. National characteristics of changes in the hazard of development of the COVID-19 coronavirus pandemic: mathematical modeling and statistical analysis. *Narodonaselenie [Population]*. 2020. Vol. 23. No. 3. P. 83-95. DOI: 10.19181/population.2020.23.3.8 (in Russ.)

Abstract. *The article develops models and methods for calculating quantitative indicators of the response of the national state and society to the hazard of spreading COVID-19 coronavirus infection in different countries. There are used the concepts, models and methods in reliability theory to describe the development of the epidemiological situation with probability functions (possibilities) of no-failure operations (survival, health protection), probability density (distribution) of the failure (infection rates), integrated hazard of infection, failure rate (risk to take ill), acceptable risk, and manageability of the epidemic situation. Government control is carried out through pressure on the acceptable risk. Based on the results of statistical processing of data on the number of confirmed cases of the disease in different countries, a comparative analysis of the epidemic process in different national circumstances of the fight against the world pandemic was conducted. The reliability functions are based on a double interpretation of the equation of changes in the hazard measure over time and on the factors of development of the epidemic process, in particular, the age structure of the population is taken into account. The mathematical and statistical analyses are based on the exponential hazard equation, which is represented in a semi-logarithmic scale by a linear dependence on time. Nonlinear distortions are due to variations in the controlled value of acceptable risk and show national features of regulating the epidemic load on the population. The results obtained confirm the model's efficiency in clear terms of reliability theory and determine the direction of its improvement in the context of an ongoing global pandemic on the basis of newly emerging data and circumstances for a better understanding of the features of current processes across countries and continents.*

Keywords: COVID-19 pandemic, country features of epidemic curves, mathematical models of infection hazard, preparedness indicator, situational manageability.

References and Internet sources

1. Gendon Yu. Z. Pandemii grippa: proshloye i budushcheye [Flu pandemics: past and future]. *Priroda [Nature]*. 2008. No. 5. P. 3–9. (in Russ.)
2. Global Health Security Index. Available at: <https://www.ghsindex.org/wp-content/uploads/2019/10/2019-Global-Health-Security-Index.pdf> (Accessed: 16 March 2020).
3. Katkova I. P. Rossijskoe zdavoohranenie v kontekste zadach dostizheniya vseobshchej dostupnosti uslug zdavoohraneniya k 2030 godu [Russian healthcare in the context of achieving universal access to health services by 2030]. *Narodonaselenie [Population]*. 2020. Vol. 23. No. 1. P. 135–147. DOI: 10.19181/population.2020.23.1.11 (in Russ.)
4. Budilova E. V., Lagutin M. B., Migranova L. A. Vliyaniye demograficheskikh i social'no-ekonomicheskikh faktorov na popul'acionnoye zdorov'e naseleniya [Impact of the demographic and socio-economic factors on the population health]. *Narodonaselenie [Population]*. 2019. No. 3. P. 80–92. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00028 (in Russ.)
5. Aaltola M. Covid-19—a trigger for global transformation? Political distancing, global decoupling and growing distrust in health governance. *FIIA Working Papers*. 2020. No. 113. P. 4–14.
6. Denis M., Vandeweerd V., Verbeke R., Van der Vliet D. Overview of information available to support the development of medical countermeasures and interventions against COVID-19. Version dd. 30, 2020. *Transdisciplinary Insights*. P. 1–134.
7. Cohen J. Scientists are racing to model the next moves of a coronavirus that's still hard to predict. *Science*. 7 February 2020. Available at: <https://www.sciencemag.org/news/2020/02/scientists-are-racing-model-next-moves-coronavirus-thats-still-hard-predict> (Accessed: 18 April 2020).
8. Kermack W, McKendrick A. Contributions to the mathematical theory of epidemics, part III. Further studies of the problem of endemicity. *Bulletin of Mathematical Biology*. 1991. Vol. 5. No. 3(1–2). P. 89–118.
9. Bailey N. Matematika v biologii i meditsine [*Mathematics in Biology and Medicine*]. Moscow. Mir [World]. 1970. 326 p. (in Russ.)
10. Zhang G., Pang H., Xue Y., Zhou Y., Wang R. Forecasting and analysis of time variation of parameters of COVID-19 infection in China using an improved SEIR model. Centre for Mathematical Modelling of Infectious Diseases COVID-19 working group. *The Lancet*. March 11, 2020. Available at: www.thelancet.com/infection. (Accessed: 18 March 2020).
11. Vladimirov I. N., Myasnikova S. I., Cherkashin A. K. Geoinformatsionnoye obespecheniye otsenki zabolevaniya ptich'im grippom v regione [Geoinformation support for avian influenza disease assessment in the region]. *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya [RAS News. Geographical Series]*. 2008. No. 2. P. 122–131. (in Russ.)
12. Huang C. Y., Wen T. H., Tsai Y. S. A Novel four-layer model for simulating epidemic dynamics and assessing intervention policies. Hindawi Publishing Corporation. *Journal of Applied Mathematics*. Vol. 2013. P. 1–20.
13. Cherkashin A. K. Polisistemnoye modelirovaniye [*Polysystem Modeling*]. Novosibirsk. Nauka [Science]. 2005. 280 p. (in Russ.)
14. Therneau T. M., Grambsch P. M. *Modeling Survival Data: Extending the Cox Model*. New York. Springer-Verlag. 2000. 355 p.
15. Cherkashin A. K. Otsenka kachestva zhizni na osnove resheniya obratnoj zadachi modelirovaniya dinamiki chislennosti naseleniya [Quality of life evaluation on the basis of inverse modeling of population dynamics]. *Narodonaselenie [Population]*. No. 1. 2014. P. 54–67. (in Russ.)
16. Cherkashin A. K., Krasnoshtanova N. E. Modelirovaniye otsenki riska hozajstvennoj deyatel'nosti v rajonah novogo neftegazovogo osvoeniya [Modeling of risk assessment of economic activity in areas of new oil and gas development]. *Problemy analiza riska [Issues of Risk Analysis]*. 2015. Vol. 12. No. 6. P. 44–52. (in Russ.)
17. Sklyanova I. P., Cherkashin A. K. Kolichestvennaya otsenka demograficheskoy reaksii na izmeneniya uslovij zhiznedeyatel'nosti v monogorodah [Quantitative assessment of demographic response to

- changes in living conditions in single-industry towns]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology]. 2015. No. 4. P. 179–197.
18. Roser M., Ritchie H., Ortiz-Ospina E. Coronavirus disease (COVID-19): Statistics and research. *Our World in Data*. 2020. Available at: <https://ourworldindata.org/coronavirus/> (Accessed: 1 April 2020).
 19. Gavrilov L. A., Gavrilova N. S. Reliability theory of aging and longevity. *Handbook of the Biology of Aging*. Sixth edition. Academic Press. San Diego, CA. USA. 2006. P. 3–42.
 20. Cherkashin A. K., Leshchenko Ya. A., Boeva A. V. Dinamicheskie i kvalimetricheskiye modeli otsenki kachestva zhizni sem'i [Dynamic and qualimetric models of estimating quality of life of family]. *Narodonaselenie [Population]*. No. 3, 2015. P. 61–76. (in Russ.)
 21. Høyland A., Rausand M. *System Reliability Theory: Models and Statistical Methods*. New Jersey. John Wiley & Sons Inc. 2004. 518 p.
 22. Severtsev N. A., Dedkov V. K. Metodologicheskiye voprosy nadozhnosti i bezopasnosti [Methodological issues of reliability and security]. *Vestnik TvGU. Seriya: Prikladnaya matematika [Bulletin of Tver State University. Series: Applied Mathematics]*. 2007. No. 3(6). P. 123–128. (in Russ.)
 23. Kamke E. *Spravochnik po differentsial'nym uravneniyam v chastnykh proizvodnykh pervogo poryadka [Handbook on First-Order Partial Differential Equations]*. Moscow. Nauka [Science]. 1966. 260 p. (in Russ.)
 24. Naskol'ko opasen koronavirus: zaraznost', letal'nost' i gruppy riska [How dangerous is the coronavirus: infectivity, lethality, and risk groups]. Available at: <https://ria.ru/20200319/1568742369.html?in=t> (Accessed: 18 April 2020). (in Russ.)

Information about the authors:

Alexander Konstantinovich Cherkashin, Dr. Sc. (Geogr.), Professor, Chief Researcher, Head of laboratory, V.B. Sochava Institute of Geography, RAS Siberian Branch, Irkutsk, Russian Federation.

Contact information: e-mail: akcherk@irnok.net; ORCID: 0000–0002–7596–7780; Researcher ID Web of Science: K-2418–2017.

Статья поступила в редакцию 05.05.2020.

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ДЕМОГРАФИЯ

DOI: 10.19181/population.2020.23.3.9

НАСЕЛЕНИЕ И РЕГИОНЫ В СТРАТЕГИИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ СТРАНЫ

Пациорковский В. В.

*Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН
(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)*

E-mail: patsv41@gmail.com

Финансирование:

Исследование выполнено в рамках НИР по Государственному заданию «Анализ деятельности населения регионов России в сферах финансового поведения, распространения информационных технологий, естественного и миграционного движения» № 0165–2018–0005.

Для цитирования:

Пациорковский В. В. Население и регионы в Стратегии пространственного развития страны // Народонаселение. — 2020. — Т. 23. — № 3. — С. 96–108. DOI: 10.19181/population.2020.23.3.9

Аннотация. В статье анализируется методология и содержание Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 года (далее — Стратегия). Особое внимание уделено поставленной в Стратегии задаче совершенствования системы расселения населения и отражения в ней региональной проблематики. Ориентация Стратегии на крупные города находится в противоречии с задачами национального проекта «Демография». Стягивая население в крупные города, трудно достичь целевого показателя «Увеличение суммарного коэффициента рождаемости до 1,7 на одну женщину до 2024 г.». Для стратегии пространственного развития, задачей которой провозглашено совершенствование системы расселения населения проблематика его воспроизводства и размещения далеко не праздный вопрос. И тем не менее в Стратегии этот вопрос не выходит за рамки дежурных обобщений, в которых провозглашается дифференцированный подход к направлениям и мерам государственной поддержки социально-экономического развития территорий с учетом демографической ситуации, особенностей системы расселения, уровня и динамики развития экономики и специфических природных условий. А сформулированный в Стратегии тезис: «Стабилизация численности населения в большинстве субъектов Российской Федерации», фактически не имеет под собой оснований. В 2005–2018 гг. две трети регионов (67,1%) теряли численность населения. Анализ места и роли в Стратегии взятого для примера региона (Республика Коми) показывает, что, в сравнении с большинством других субъектов федерации, этой республике уделено довольно много внимания и места. Она описана в составе Северного макрорегиона, дана экономическая специализация республики, ее столица город Сыктывкар представлен в числе перспективных экономических центров, ряд муниципальных образований республики выделены в составе минерально-сырьевых центров, а город Воркута включен в состав приоритетных геостратегических территорий Арктической зоны. И это вполне понятно. Пространственное развитие страны ориентировано в первую очередь на Север и Восток.

Ключевые слова: Стратегия пространственного развития, города, муниципальные образования, перспективные центры экономического роста, геостратегические территории, население.

Постановка проблемы

В феврале 2019 г. Правительством России утверждена «Стратегия пространственного развития Российской Федерации до 2025 года»¹. Конечно, Стратегия с горизонтом в пять лет сама по себе проблематична. По условию любая стратегия предполагает быть долгосрочной, открывать перспективу и прокладывать дорогу в будущее. В данном случае, как минимум, из расчета до 2035 г., а ещё лучше до 2050 г. Судя по всему, разработчики Стратегии старались избежать какого-либо сходства с возвратом к пятилетнему планированию. В результате реализации такой установки и появилась Стратегия на краткосрочный период. Ясно, что такой подход уязвим, но идти дальше по пути его критики и отторжения не входит в задачи предлагаемой ниже работы. Эта позиция уже нашла достаточно полное отражение в литературе [1].

Цель статьи — анализ содержательных особенностей «Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 г.» и специфики представления в ней отдельных регионов страны. Базовая гипотеза исследования формулируется следующим образом: целеполагание в сфере пространственного развития страны представляет собой ключевую слабость рассматриваемого документа.

Анализ основных положений Стратегии

Стратегия определяет пространственное развитие как «совершенствование системы расселения и территориальной организации экономики, в том числе за счет проведения эффективной государственной политики регионального развития»². Представляется, что это вполне заслу-

живающее внимание определение. Хотя было бы правильнее ввести в него ключевое для данного предмета рассмотрения слово «связность». В таком случае указанное определение могло бы иметь следующий вид: «совершенствование системы расселения и повышение связности территориальной организации экономики, в том числе за счет проведения эффективной государственной политики регионального развития».

Этот нормативный документ переводит в несколько иную плоскость уже много лет идущую дискуссию о судьбах городов, их преимуществах и недостатках, о перспективах малых городов в сравнении с крупными городами и мегаполисами. Обусловлено это тем, что теперь мы находимся в другой парадигме. На локальном уровне это парадигма территориального развития, представляющего собой составную часть пространственного развития. При таком подходе сам город понимается как точка, а формируемое им муниципальное образование (МО) как территориальная единица — городской округ (ГО), о развитии которой в Стратегии собственно и идет речь. В этом русле наука должна была бы вести исследования и разработки уже с 2003 г. — момента принятия законодательства об общих принципах организации местного самоуправления и тем более после 2009 г. — момента завершения муниципальной реформы³.

Обращаясь одновременно к городам и муниципальным образованиям, Стратегия для многих из них акцентирует внимание на доступе к ресурсам, обеспечивающим их развитие. С этой целью в ней выделены два типа территорий:

- «перспективный центр экономического роста» — территория одного или нескольких муниципальных образований и (или) акватория, обладающие потенциалом для обеспечения значительного вклада в экономический рост РФ и (или) ее субъекта;

¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://government.ru/docs/35733/> (дата обращения: 20.04.2020).

² Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Раздел I. Общие положения. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://government.ru/docs/35733/> (дата обращения: 24.04.2020).

³ № 131-ФЗ. от 6 октября 2003 года «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571 (дата обращения: 27.03.2020).

• «геостратегическая территория Российской Федерации» — территория в границах одного или нескольких субъектов РФ, имеющая существенное значение для обеспечения устойчивого социально-экономического развития, территориальной целостности и безопасности Российской Федерации, характеризующаяся специфическими условиями жизни и ведения хозяйственной деятельности⁴.

Исходное введение двух типов территорий порождает вопрос об уместности тесной увязки проблематики пространственного развития, которая задается геостратегическими территориями, с проблематикой экономического роста, задаваемой перспективными центрами. Вполне возможно, что в принятой к реализации Стратегии излишне большое внимание уделено экономическому росту. Это и привело к двойственности, обусловленной выделением особого типа территорий — перспективных центров экономического роста. Скорее всего, этот вопрос было бы правильнее обсуждать в других документах стратегического планирования [2]. Таких, например, как «Стратегия социально-экономического развития РФ» и соответствующих региональных стратегиях. Экономический рост обусловлен огромной совокупностью факторов. Среди них пространственное развитие нужно рассматривать в качестве одного из благоприятных или неблагоприятных условий экономического роста.

В то же время пространственное развитие имеет вполне самостоятельный смысл для поддержания целостности и безопасности страны, сокращения межрегиональных социально-экономических диспропорций, обеспечения связности и повсеместной доступности всех ее территориальных общностей как в настоящее время, так и тем более на перспективу. В этом плане пространственное развитие само по себе имеет исключительно важное значение.

В пространственной организации нашей страны до сих пор имеются регионы, куда нельзя добраться наземным транспортом, в том числе Камчатский край, Магаданская, Сахалинская области и Чукотский АО. Близкое к указанному положение дел характерно для северных районов Республики Саха (Якутия), Красноярского края, Ненецкого АО. Интегрировать такие территории в опорный каркас транспортных сетей — действительно задача стратегического целеполагания огромной государственной важности. Ее решение возможно только в долгосрочной перспективе. Вместе с тем она должна быть сначала поставлена в Стратегии, а затем уже реализоваться в течение многих лет в проектах и мегапроектах [3].

Достижение указанной цели не может быть обусловлено сменой власти и поколений, экономической эффективностью, равно как и выбранными видами и маршрутами транспорта. Будет ли это северный широтный ход, где все еще не пересечена река Обь, или продолжится движение от Якутска на Магадан, где своего часа ждет форсирование реки Лены, или возобновится заход с Хабаровска на Охотск и Магадан, — в любом случае рано или поздно эта задача будет решена. Наша страна уже много веков движется на Восток и Север. Достаточно сказать, что Тобольск — первая столица Сибирской губернии, простиравшейся от Урала до берегов Тихого океана, был основан в 1587 г., Охотск основан в 1647 г., а Семен Дежнев достиг одноименного мыса на Чукотке в 1648 году. И это движение не может остановиться на том, что сегодня мы хорошо знаем географический контур нашей страны. Связность всей этой территории в единое целое может быть достигнута только путем обеспечения ее постоянной миграционной и хозяйственной доступности для всего экономически и социально активного населения.

В Стратегии дано достаточно полное описание всей совокупности перспективных центров экономического роста. В то же время практически полностью отсут-

⁴ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://government.ru/docs/35733/> (дата обращения: 22.04.2020).

ствуется представление о механизмах и мерах, которые могут обеспечить ожидаемый вклад каждого из этих центров в экономический рост страны. Приведенная в Стратегии количественная оценка ожидаемого вклада в экономический рост выполняет роль целевого показателя, но далека от механизмов его достижения. И совсем за рамками рассмотрения остается вопрос о содействии и роли федеральных и региональных органов и властных структур в решении поставленных задач для центров экономического роста — ГО и муниципальных районов (МР). Получается, что, внося свой вклад, они должны опираться главным образом на собственные силы.

Если исходить из того факта, что основным инструментом реализации национальных целей и стратегических задач развития страны до 2024 г. оказались национальные проекты⁵, то в первую очередь должна просматриваться связь между перспективными центрами экономического роста и национальными проектами. В национальных проектах, ориентированных на решение задач экономического роста, таких как: «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», «Цифровая экономика», «Производительность труда и поддержка занятости», «Международная кооперация и экспорт» и «Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры» [4], какая-либо связь с перспективными центрами экономического роста не просматривается.

Напротив, ориентация Стратегии на крупные города находится в противоречии с задачами национального проекта «Демография». Стягивая население в крупные города, трудно достичь целевого показателя «Увеличение суммарного коэффициента рождаемости до 1,7 на

одну женщину до 2024 г.» [4]. На необходимость согласования различных нормативных документов с указанным целевым показателем, как раз и обращено внимание в последнем послании Президента Федеральному Собранию: «Демография — это сфера, где нет какого-то универсального, тем более узковедомственного решения. Каждый наш шаг, новый закон, государственную программу мы должны оценивать прежде всего с точки зрения высшего национального приоритета — сбережения и приумножения народа России» [5].

Для стратегии пространственного развития, задачей которой провозглашено совершенствование системы расселения населения проблематика его воспроизводства и размещения не праздный вопрос. Тем не менее, в Стратегии этот вопрос не выходит за рамки дежурных обобщений, в которых провозглашается: «дифференцированный подход к направлениям и мерам государственной поддержки социально-экономического развития территорий с учетом демографической ситуации, особенностей системы расселения, уровня и динамики развития экономики и специфических природных условий»⁶. А сформулированный в Стратегии тезис: «Стабилизация численности населения в большинстве субъектов Российской Федерации»⁷, фактически не имеет под собой оснований. В 2005–2018 гг. две трети регионов (67,1%) теряли численность населения⁸. В табл. 1 приведено распределение этого явления по макрорегионам, выделенным в Стратегии.

Наконец, еще один общий момент. В Стратегии проявлен огромный федеральный интерес к минерально-сырьевым центрам, специализирующиеся на добыче алмазов, золота и топливно-энергетических ресурсов. Известный, хотя

⁵ Указ Президента Российской Федерации № 204 от 07.05.2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/57425> (дата обращения: 15.04.2020).

⁶ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Раздел V. Принципы пространственного развития РФ. — С. 9. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://government.ru/docs/35733/> (дата обращения: 20.04.2020).

⁷ Там же. Раздел II. Основные тенденции пространственного развития РФ. — С. 4.

⁸ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019. — М.: Росстат, 2019. — С. 43–44.

Таблица 1

Распределение субъектов РФ, нарастивших численность населения в 2005–2018 гг. по макрорегионам

Table 1

Distribution of the Federation subjects that increased their population in 2005–2018 by macroregions

Макрорегион	Общее число регионов	Число регионов с ростом численности населения	Субъекты Российской Федерации
Центральный	13	2	Московская обл., Москва
Центрально-Черноземный	5	1	Белгородская обл.
Северо-Западный	8	3	Калининградская области, Санкт-Петербург
Северный	3	1	Ненецкий АО
Южный	8	5	Республики Адыгея, Крым, Краснодарский край, Астраханская обл., Севастополь
Северо-Кавказский	7	5	Республики Дагестан, Ингушетия, Карачаево-Черкесская, Чеченская, Ставропольский край
Волго-Камский	8	1	Республика Татарстан
Волго-Уральский	6	0	-
Уральско-Сибирский	6	3	Тюменская обл., ХМАО, ЯНАО
Южно-Сибирский	6	3	Республика Алтай, Новосибирская, Томская области
Ангаро-Енисейский	4	2	Республика Тыва, Красноярский край
Дальневосточный	11	2	Республики Бурятия, Саха (Якутия)
Всего	85	28	28

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019. — М.: Росстат, 2019. — С. 43–44. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Приложение 2. Состав макрорегионов Российской Федерации. — С. 1–2. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://government.ru/docs/35733/> (дата обращения: 20.04.2020).

и более ограниченный интерес наблюдается в отношении агропромышленных центров. При этом полностью отсутствует признание на федеральном уровне интереса к другим, кроме земли, возобновляемым природным ресурсам и зеленой экономике в целом. Справедливости ради следует отметить, что в этой части всем заинтересованным сторонам дано обещание «поддержки мероприятий, направленных на сохранение и повышение плодородия сельскохозяйственных земель, восстановление лесов и водных биологических ресурсов»⁹.

Для пространственного и экономического развития лесных регионов и лесной промышленности как отрасли народного

хозяйства, указанное обстоятельство имеет принципиальное значение, поскольку, в соответствии со Стратегией, эта проблематика должна рассматриваться только на региональном уровне. Сходные соображения напрашиваются и в отношении водохозяйственной деятельности, рыболовства, рыболовства и водного транспорта. Между тем, в истории пространственного развития нашей страны водохозяйственной деятельности, водным путям сообщения и водному транспорту всегда, от волоков до Волго-Балтийского и Волго-Донского каналов, уделялось огромное внимание.

В принятой в Стратегии парадигме (макрорегионы, перспективные центры экономического роста и геостратегические территории) многие субъекты федерации оказались представлены либо номинально в составе макрорегионов, либо точеч-

⁹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Раздел VI. Основные направления пространственного развития РФ. — С. 17. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://government.ru/docs/35733/> (дата обращения: 20.04.2020).

но посредством отдельных МО, главным образом региональных центров. Установив, что «принципы и направления совершенствования опорной транспортной сети и ее скоординированного развития с транспортной инфраструктурой регионального и муниципального значения определяются в отраслевых документах стратегического планирования»¹⁰, Стратегия передала на отраслевой и региональный уровень очень большую, жизненно важную для всей страны часть проблематики пространственного развития.

Регионы в Стратегии пространственного развития на примере Республики Коми

Стандартно в Стратегии субъекты Российской Федерации (регионы) представлены в трех разрезах: идентификацией каждого из них в одном из 14 макрорегионов, описанием экономической специализации каждого региона и представлением, как минимум, региональной столицы в качестве перспективного центра экономического роста. Примерами таких регионов могут служить Вологодская и Свердловская области.

За рамками такого общего для всех регионов представления Стратегия выделяет регионы с минерально-сырьевыми (15) и агропромышленными (15) перспективными центрами экономического роста, а также приоритетные (28) и приграничные (37) геостратегические территории. Ниже в качестве примера представления регионов в Стратегии взята Республика Коми (РК). Она достаточно полно отражает историю и современность движения страны в северо-восточном направлении. В отношении РК в Стратегии можно выделить следующие пять основных моментов.

1. В Стратегии республика указана в составе Северного макрорегиона. Он вклю-

чает в себя Республику Коми, Архангельскую область и Ненецкий АО¹¹. С точки зрения совершенствования территориальной организации экономики, в том числе за счет проведения эффективной государственной политики регионального развития, эта новация представляется уместной и своевременной [6]. Реализация основной части инфраструктурных проектов предполагает межрегиональное сотрудничество, кооперацию и взаимодействие. В этом плане укрепление связей Республики Коми с Архангельской областью и Ненецким АО — актуальная задача. Вместе с тем, вряд ли правильно закреплять состав макрорегионов, жестко привязывая их к территориальным образованиям. Кстати сказать, правовое поле¹², в котором введено понятие макрорегиона, не дает в этой части прямых указаний на состав макрорегионов.

Реализация любого проекта требует своей специфики координации и межрегионального сотрудничества. К примеру, для реализации проекта по строительству автомобильной дороги Сыктывкар — Нарьян-Мар предложенная конфигурация Северного макрорегиона уместна. А для строительства железных дорог («Белкомур» или «Баренцкомур»), предполагающих выход промышленного Урала и сибирской нефти к северным морским портам, без межрегионального сотрудничества, как минимум, с Пермским краем в одном и Свердловской областью в другом случае, сделать что-либо невозможно. Между тем Пермский край, как и соседняя Кировская область, отнесены к Волго-Камскому макрорегиону, тогда как Свердловская область входит в состав Уральско-Сибирского макрорегиона, который идентичен Уральскому ФО.

Независимо какой из двух этих проектов будет реализован на конкурентной ос-

¹⁰ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Раздел VI. Основные направления пространственного развития Российской Федерации. — С. 10–11. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://government.ru/docs/35733/> (дата обращения: 26.04.2020).

¹¹ Там же. Приложение 2. Состав макрорегионов РФ. — С. 1–2.

¹² 172-ФЗ от 20.06.2014 «О стратегическом планировании в Российской Федерации». // Российская газета. 03.07.2014, № 146 (6418). [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://rg.ru/2014/07/03/strategia-dok.html> (дата обращения: 13.04.2020).

нове, или оба они будут реализованы на взаимно дополнительной основе, РК находится в центральной их части по линии Архангельск—Сыктывкар—Пермь, или по линии Индига—Сосногорск—Сургут. И в том, и другом случае решения будут приниматься, скорее всего, с учетом затрат и эффектов на входе и выходе. Причем если на входах этих транспортных коридоров (Перми и Сургуте) находятся мощные лоббисты, то на их выходе (в Архангельске и Индиге) уже предполагаются не новые «окна в Европу», а интеграция в мирохозяйственные связи через Северный морской путь (СМП) и Арктику. В то же время для пространственного развития РК оба этих проекта имеют самостоятельное значение. «Белкомур», пересекая республику с северо-запада на юго-восток, а «Баренцкомур», идя с севера на юго-восток, открывают огромные возможности для интеграции и дальнейшего развития опорного каркаса республиканской системы расселения. С учетом сказанного, принятие правительством страны в декабре 2019 г. Плана развития инфраструктуры СМП на период до 2035 года и включение в него указанных проектов делает их реализацию в ближайшие годы реалистичной¹³. Важным пунктом пространственного и одновременно территориального развития может стать поселок Якша на водоразделе рек Камы и Печоры.

2. Перспективная экономическая специализация Республики Коми. Согласно Стратегии, перспективная экономическая специализация республики включает следующие отрасли: 1) добыча полезных ископаемых; 2) лесоводство и лесозаготовки; 3) обработка древесины и производство изделий из дерева, кроме мебели; производство бумаги и бумажных изделий; производство кокса и нефтепродуктов; 4) производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки; производство прочих готовых изделий; транспортировка и хранение; 5) ту-

ризм — деятельность гостиниц и предприятий общественного питания, деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги (деятельность туристических агентств и прочих организаций, предоставляющих услуги в сфере туризма). Неперспективная экономическая специализация, критически важная для экономики РК, включает следующие отрасли: 1) производство пищевых продуктов; 2) производство текстильных изделий; 3) растениеводство и животноводство, предоставление соответствующих услуг в этих областях¹⁴.

Трудно предположить, что перспективная специализация дана разработчиками Стратегии без согласования с регионами. Тем более странно смотрится запрет на производство мебели фактически в лесном регионе. Конечно, в республике нет древесины твердых и ценных пород, таких как акация, бук, вишня, орех, черешня и других. Но есть в большом количестве хвойные и лиственные пиломатериалы, целевое использование которых вряд ли необходимо регламентировать с верхних уровней управления.

Сходные соображения следует высказывать и в отношении производства пищевых продуктов, которое рассматривается в Стратегии в качестве неперспективной специализации для РК. Во-первых, в противовес такого рода позиции в самой республике Фонд «Серебряная тайга» реализует проект «Лесная деревня», направленный на промышленную переработку даров леса и развитие грибного и ягодного бизнеса [7].

Во-вторых, в 2018 г. республика по численности населения занимала 60 место в стране. А по стоимостному объему продукции сельского хозяйства — 72 место¹⁵. В тот год АПК региона произвело сельскохозяйственной продукции на 12 тыс. руб.

¹⁴ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Приложение 1. Перечень перспективных экономических специализаций субъектов Российской Федерации. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://government.ru/docs/35733/> (дата обращения: 02.02.2020).

¹⁵ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019. — М.: Росстат, 2019. — С. 18–19.

¹³ Распоряжение Правительства РФ № 3120-р от 21 декабря 2019 г. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/itR86nOgy9xFvUVAgmZ3XoeruY8Bf9u.pdf> (дата обращения: 20.04.2020).

в год на человека. В то же время, в соответствии с составом потребительских расходов домашних хозяйств в 2018 г., расходы на продукты питания (с алкогольными напитками и табачными изделиями) в среднем по стране на члена домашнего хозяйства составили 69762 руб. в год, а без алкоголя и табака — 63453,6 руб.¹⁶ Понятно, что для РК соответствующая цифра заметно больше. Одновременно это значит, что регион обеспечивает себя продуктами питания меньше, чем на 20%.

В-третьих, с позиций продовольственной безопасности, предполагающей не только доступность, но и качество продуктов питания, их локальное производство необходимо развивать повсеместно [8]. К этому же подталкивает и происходящее у нас на глазах переформатирование процессов глобализации. События развиваются в направлении того, что разделение труда и специализация не освобождают страны и регионы от необходимости повышения уровня самообеспеченности продовольствием. В этом плане признание производства пищевых продуктов в качестве неперспективной экономической специализации смотрится странно. Оно похоже на призыв из далекого от современной жизни прошлого, когда полагали, что можно быть сытым золотом и нефтью.

3. Сыктывкар — перспективный центр экономического роста. Он выделен в составе перспективных центров экономического роста России, которые, согласно Стратегии, обеспечат вклад в экономический рост страны в 2019–2024 гг. от 0,2% до 1% ежегодно. С учетом затяжного тренда на снижение индекса физического объема ВРП республики трудно рассчитывать на бурный рост экономики в предстоящий период. Она начала свое движение вниз в 2013 г. и составила в том году 96,7% (в постоянных ценах) к предыдущему году. В 2018 г. этот индекс составил 98,5%¹⁷, и это был лучший результат в рассматриваемый период. В от-

раслевом разрезе в 2018 г. рост ВРП наблюдался только в добыче полезных ископаемых, обрабатывающей промышленности, деятельности гостиниц и предприятий общественного питания, а также финансово-страховой сфере¹⁸. Вероятно, три последние отрасли и могут обеспечить Сыктывкару сохранение статуса перспективного центра экономического роста. В пользу данного предположения свидетельствует и тот факт, что столица — единственный город в республике, наращивающий численность населения. Причем происходит это уже на протяжении более 30 лет длящегося сокращения численности населения республики.

С учетом устойчивого отрицательного миграционного прироста в республике можно с уверенностью утверждать, что рост численности населения Сыктывкара идет за счет внутри регионального перемещения населения. Возможно, что в случае наличия на юге республики еще одного большого города, отток из нее в наблюдаемый период был бы заметно ниже. И если такой центр не появился ранее, то вполне возможно, что он сформируется на градообразующей основе Якши в случае реализации проектов «Белкомур» и «Баренцкомур».

4. Муниципальные образования Республики Коми, специализирующиеся на добыче нефти и природного газа, рассматриваются в Стратегии как перспективные минерально-сырьевые центры. Они призваны обеспечить вклад в экономический рост страны более 0,2% ежегодно. Как уже отмечалось выше, в последние годы ВРП растет именно в этих добывающих отраслях. К числу основных мест их дислокации относятся следующие МО: ГО Вуктыл, Усинск, Ухта, МР Печора и Сосногорск.

На всей этой территории показатели хозяйственной деятельности растут, система расселения укрепляется, а численность населения сокращается. Указанное

¹⁶ Россия в цифрах 2019. — М.: Росстат, 2019. — С. 128.

¹⁷ Объем и динамика валового регионального продукта (в 2000–2018 гг.). // Территориальный орган Федеральной

службы государственной статистики по Республике Коми. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://komi.gks.ru/gpr> (дата обращения: 09.03.2020).

¹⁸ Там же.

обстоятельство свидетельствует не только о распространении вахтового метода, обеспечивающего минимальный прирост постоянного населения и минимальную вероятность появления новых населенных мест. Оно позволяет предположить, что производство там, где это возможно, развивается в направлении использования малолюдных и безлюдных технологий. Для освоения богатств приполярного Севера и Заполярья подобное развитие событий имеет огромное значение. Вместе с тем для самой республики такой тренд актуализирует проблематику увязки совершенствования системы расселения с тенденциями демографического развития. Другими словами, остается открытым вопрос: какую долю населения республике придется потерять прежде, чем его численность стабилизируется.

5. Городской округ Воркута — еще одна территориальная единица РК, которая нашла отражение непосредственно в Стратегии. Связано это с тем, что она входит в состав приоритетных геостратегических территорий Арктической зоны¹⁹. Воркута — город, который начал формироваться в 1930-е гг. и получил статус города в 1943 году. Сегодня это четвертый по численности населения город за Северным полярным кругом и самый восточный город Европы. Его возникновение связано с добычей углей одного из крупнейших в стране бассейнов. В свое время такая градообразующая база автоматически означала появление перспективного минерально-сырьевого центра. Именно для решения таких задач и связано появление Воркуты в составе ГУЛАГа. Прошло время — изменился характер экономики, а с нею и потребность в угле. Как результат, росший до этого город, с 1992 г. стал резко терять население, сократившись со 117,0 тыс. человек до 52,8 тыс. в 2020 году. Распоряжением Правительства России в 2015 г. ГО Воркута включен в категорию

«Монопрофильные муниципальные образования Российской Федерации (моногорода), в которых имеются риски ухудшения социально-экономического положения»²⁰. При этом расхожие оценки Воркуты как города-лидера по сокращению численности населения в регионе, равно как и самого быстро вымирающего города России [9], далеки от реальности. В относительных величинах с 1992 до начала 2018 г. Воркута потеряла населения меньше, чем соседняя Инта или Певек в Чукотском АО — соответственно 49,7%, 57,0% и 63,6%.

Появление моногородов представляет собой рецидив отраслевого управления в экономике, который обусловлен стремлением к максимуму эффекта при минимуме затрат в данный момент времени. Решая подобные задачи, управленцы одновременно делают свою карьеру и ею же отвечают. При этом долговременные последствия таких решений, как правило, волнуют только тех, кто отстранен от их принятия. Самый общий вывод из этого исторического опыта, в том числе и для Стратегии пространственного развития, — нельзя отраслям и компаниям доверять бесконтрольно формировать города. Отвечать за это всегда приходится государству, а все негативные последствия такой политики ложатся на плечи простых людей, которые попадают в подобные ловушки в поисках самореализации и лучшей жизни.

Указанное обстоятельство обусловлено тем, что градообразующая база, создаваемая производственным предприятием, в действительности является не чем иным как крышей над головой работников, обеспечивающей им доступность мест труда. Между градообразующей базой и запуском механизма, позволяющего городу уходить в далекую перспективу, лежит дистанция огромного размера. И запустить этот механизм могут только сами

¹⁹ Указ Президента Российской Федерации № 296 от 2 мая 2014 г. «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации». [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38377> (дата обращения: 21.04.2020).

²⁰ Распоряжение Правительства РФ № 668-р от 16 апреля 2015 года «Об утверждении перечня моногородов». [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/ANtXeaIbvOQUysulxa7br4h3rjptEYS.pdf> (дата обращения: 15.04.2020).

горожане, объединяющиеся в городские сообщества, которые опираются на местную и центральную власть.

Обсуждаемая проблематика далеко не новая для нашей страны. В качестве показательного примера здесь можно привести судьбу соседнего заполярного города Пустозерска, который был основан по приказу царя Ивана III осенью 1499 г. и развивался более двухсот лет до 1704 года. В тот год был принят указ о закрытии северного пути за Урал. С этого момента и начался упадок города. Тем не менее, потерял он статус города только в 1924 году. За это время возникли и исчезли с лица земли десятки тысяч сел, и о них мало что и кому известно. А обезлюдившее Пустозерское городище в 1974 г. признано памятником культуры федерального значения [10].

Было бы ошибкой рассматривать приведенный пример как эпитафию Воркуте. Напротив, этот пример призван привлечь внимание на тот факт, что Пустозерск, не имевший под собой и малой толики материальных оснований, которые поддерживают Воркуту, уходил с исторической сцены более четырех сотен лет. Между тем Воркуте еще предстоит отмечать вековой юбилей. И будет он проходить в условиях, когда страна вновь развернулась к Северу.

Конечно, можно и нужно сочувствовать людям, попавшим в сложное положение. Нельзя обрекать их на пожизненное ожидание сертификатов по программе переселения в полуразрушенном городе. Но полагать, что Воркута не имеет будущего, ошибочно. Как только в этих местах опять усилится движение на Север, сразу же актуализируется развитие Воркуты

как опорного пункта Арктической зоны, как транспортного узла и важного звена в оборонном комплексе страны. При этом не исключено, что придется восстанавливать, не только саму многострадальную Воркуту, но и совсем и навсегда разрушенный, казалось бы, поселок Хальмер-Ю. Видимо, в стремлении к уничтожению наследия тяжелого прошлого как-то совсем упустили из вида, что это уже освоенная треть пути до Усть-Карты, то есть до Северного Ледовитого океана. Такого рода воспоминания о прошлом могут открыть новые перспективы развития города.

Анализ показывает, что в Стратегии пространственного развития страны Республике Коми отведено довольно много внимания и места. И это вполне понятно. Пространственное развитие страны ориентировано в первую очередь на Север и Восток. И здесь Коми на данный момент служит той территорией, которую нельзя обойти в стремлении к движению в северо-восточном направлении. В этом плане реализация таких инфраструктурных проектов, как «Северный широтный ход», «Белкомур» и «Баренцкомур», позволит интегрировать огромную территорию. Ее важнейшей составной частью является не только Северный макрорегион, к которому и принадлежит Республика Коми, но и север Пермского края и Свердловской области, равно как и вся западная часть Ханты-Мансийского-Югра и Ямало-Ненецкого автономных округов, находящаяся между левым берегом Оби и Уральскими горами. Интеграционное ядро всей этой огромной территории — центральная часть и юго-восток Республики Коми.

Литература и Интернет-источники

1. **Бухвальд Е. М.** Стратегия пространственного развития Российской Федерации и новации в государственной региональной политике. // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Выпуск 14. Часть 1. — М.: ИНИОН РАН, 2019. — 937 с. — С. 48–52.
2. **Смирнова О. О.** Основы стратегического планирования Российской Федерации. — М.: Наука, 2013. — 302 с.
3. **Петров М. Б.** Пространственная парадигма как основа управления развитием транспортной системы. // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Выпуск 14. Часть 1. — М.: ИНИОН РАН, 2019. — 937 с. — С. 187–189.

4. Национальные проекты: целевые показатели и основные результаты. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/p7nn2CS0pVhvQ980OwAt2dzCIAietQih.pdf> (дата обращения: 14.04.2020).
5. Послание Президента Федеральному Собранию 15 января 2020 г. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/62582> (дата обращения: 16.04.2020).
6. **Лаженцев В. Н.** Содержание, системная организация и планирование территориального развития. — Екатеринбург-Сыктывкар: ИСЭПС УО РАН, 2014. — 236 с.
7. Коми. Фонд «Серебряная тайга» реализует проект «Лесная деревня». [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.wood.ru/ru/lonewsid-34171.html> (дата обращения: 21.04.2020).
8. **Пациорковский В. В.** Обеспечение безопасности продовольствия. // Продовольственный рынок регионов России в системе глобальных рисков. / Под общей редакцией академика РАН А. И. Татаркина. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2012. — с. 45–55.
9. **Пациорковский В. В.** Семейные хозяйства — страховое звено продовольственной безопасности, здорового питания и благополучия людей. // Будущее продовольственной системы России (в оценках экспертного сообщества). / Ред. В. Ф. Лищенко. — М.: Экономика, 2014. — С. 130–153.
10. **Чернов В.** Воркута, Ухта, Печора стали лидерами по сокращению численности населения. // Комсомольская правда. Электронная версия. 31.03.2017. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.komi.kp.ru/daily/26660/3681715/> (дата обращения: 19.04.2020).
11. История Пустозерска. // Пустозерск. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://pustozersk-nao.ru/index.php/ru/novosti/19-den-pustozerska> (дата обращения: 22.02.2020).

Сведения об авторе:

Пациорковский Валерий Валентинович, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: patsv41@gmail.com; ORCID: 0000-0002-8847-4598; Researcher ID Web of Science: F-6722-2016.

DOI: 10.19181/population.2020.23.3.9

POPULATION AND REGIONS IN THE STRATEGY FOR THE COUNTRY SPATIAL DEVELOPMENT

Valery V. Patsiorkovsky

*Institute of Socio-Economic Studies of Population, Federal Center
of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences
(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russian Federation, 117218)*

E-mail: patsv41@gmail.com

Funding:

The study was carried out within the framework of research under the State assignment «Analysis of the activities of the population of Russian regions in the sphere of financial behavior, dissemination of information technologies, natural and migration movement» (No. 0165-2018-0005).

For citation:

Patsiorkovsky V.V. Population and regions in the strategy for the country spatial development. *Narodonaselenie [Population]*. 2020. Vol. 23. No. 3. P. 96-108. DOI: 10.19181/population.2020.23.3.9 (in Russ.)

Abstract. *The article focuses on the analysis of the methodology and content of the Strategy for Spatial Development of the Russian Federation until 2025. Particular attention is paid to the task set in the Strategy to improve the population settlement system and to reflection of regional issues in it. The orientation of the Strategy on large cities is in conflict with the objectives of the national project «Demography». Pulling the population into large cities makes it difficult to achieve the target indicator «Increase in the total fertility rate to 1.7 per woman by 2024». For the Strategy of spatial development, whose task was proclaimed to improve the system of population settlement, the problem of its reproduction and placement is far from an idle question. Nevertheless, in the Strategy this issue does not go beyond the framework of duty generalizations, which proclaim a differentiated approach to the directions and measures of the State support for the socio-economic development of territories, taking into account the demographic situation, characteristics of the settlement system, level and dynamics of the economic development and specifics of the environmental conditions. And the thesis formulated in the Strategy: «Stabilization of the population in most constituent entities of the Russian Federation», in fact, has no foundation. In 2005–2018 two thirds of the regions (67.1%) were losing their population. Analysis of the place and role in the Strategy of the region taken as an example (Komi Republic) shows that, in comparison with most other subjects of the Federation, quite a lot of attention and place is given to this republic. It is described as a part of the Northern macroregion, the economic specialization of the republic is indicated there, its capital — the city of Syktyvkar is represented among the promising economic centers, a number of municipal entities of the republic are identified as mineral resource centers, and the city of Vorkuta is presented as a part of the priority geostrategic territories of the Arctic zone. And this is quite understandable. The spatial development of the country is primarily oriented to the North and East.*

Keywords: *Spatial development strategy, cities, municipalities, promising centers of economic growth, population.*

References and Internet sources

1. Buchwald E. M. Strategiya prostranstvennogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii i novatsii v gosudarstvennoy regional'noy politike [The spatial development strategy of the Russian Federation and innovations in the State regional policy]. Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya [Russia: Trends and Development Prospects]. Yearbook. Issue 14. Part 1. Moscow. INION RAS. 2019. 937 p. P. 48–52 (in Russ.)
2. Smirnova O. O. Osnovy strategicheskogo planirovaniya Rossiyskoy Federatsii [Fundamentals of the Strategic Planning of the Russian Federation]. Moscow. Nauka [Science]. 2013. 302 p. (in Russ.)
3. Petrov M. B. Prostranstvennaya paradigma kak osnova upravleniya razvitiyem transportnoy sistemy [The spatial paradigm as the basis for managing the development of the transport system]. Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya [Russia: Trends and Development Prospects]. Yearbook. Issue 14. Part 1. Moscow. INION RAS. 2019. 937 p. P. 187–189 (in Russ.)
4. Natsional'nyye proyekty: tselevyye pokazateli i osnovnyye rezul'taty [National projects: targets and key results]. Available at: <http://static.government.ru/media/files/p7nn2CS0pVhvQ98OowAt2dzCIAietQih.pdf> (Accessed: 14 April 2020). (in Russ.)
5. Poslaniye Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu 15 yanvarya 2020 g [President's message to the Federal Assembly. January 15, 2020]. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/62582> (Accessed: 16 April 2020)/ (in Russ.)
6. Lazhentsev V. N. Soderzhaniye, sistemnaya organizatsiya i planirovaniye territorial'nogo razvitiya [Content, System organization and Planning of Territorial Development]. Yekaterinburg-Syktyvkar. 2014. 236 p. (in Russ.)
7. Komi. Fond «Serebryanaya tayga» realizuyet proyekt «Lesnaya derevnya» [Komi. The Silver Taiga Foundation is implementing the Forest Village project]. Available at: <http://www.wood.ru/ru/lonewsid-34171.html> (Accessed: 21 April 2020). (in Russ.)
8. Patsiorkovsky V. V. Obespecheniye bezopasnosti prodovol'stviya [Ensuring food safety]. Prodovol'stvennyy rynek regionov Rossii v sisteme global'nykh riskov [The Food Market of Russian

- Regions in the Global Risk System*]. Ed. Academician A. I. Tatarkina. Yekaterinburg. Institut ekonomiki UrO RAN [Institute of Economics]. RAS Ural Branch. 2012. P. 45–55.
9. Patsiorkovsky V.V. Semeynyye khozyaystva — strakhovoye zveno prodovol'stvennoy bezopasnosti, zdorovogo pitaniya i blagopoluchiya lyudey [Family farms are the insurance link of food security, healthy nutrition and human well-being]. *Budushcheye prodovol'stvennoy sistemy Rossii (v otsenakh ekspertnogo soobshchestva)* [*The Future of the Food System in Russia (as assessed by the expert community)*]. Ed. V.F. Lishchenko. Moscow. Ekonomika [Economics]. 2014. P. 130–153. (in Russ.)
 10. Chernov V. Vorkuta, Ukhta, Pechora stali liderami po sokrashcheniyu chislennosti naseleniya [Vorkuta, Ukhta, Pechora have become leaders in population reduction]. *Komsomolskaya Pravda*. 31 March 2017. Available at: <https://www.komi.kp.ru/daily/26660/3681715/> (Accessed: 19 April 2020) (in Russ.)
 11. Istoriya Pustozerska [History of Pustozersk]. Pustozersk. Available at: <http://pustozersk-nao.ru/index.php/ru/novosti/19-den-pustozerska> (Accessed 22 February 2020). (in Russ.)

Information about the author:

Patsiorkovsky Valery Valentinovich, Dr. Sc. (Econ.), Professor, Chief Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS, Moscow, Russian Federation.

Contact information: e-mail: patsv41@gmail.com; ORCID: 0000-0002-8847-4598; Researcher ID Web of Science: F-6722-2016.

Статья поступила в редакцию 20.05.2020.

DOI: 10.19181/population.2020.23.3.10

РЕСУРСЫ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО РАССЕЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Шаров С. Ю.

Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН
(117218, Российская Федерация, Москва, Нахимовский проспект, 32)

E-mail: sharov.su@gmail.com

Для цитирования:

Шаров С. Ю. Ресурсы развития сельского расселения в современной России // Народонаселение. – 2020. – Т. 23. – № 3. – С. 109–118. DOI: 10.19181/population.2020.23.3.10

Аннотация. В XXI веке сельское население в целом по России продолжает сокращаться. Однако различный уровень урбанизации и темпы его изменения по регионам свидетельствуют о разнородности процессов и степени влияния многих факторов. Основные тенденции — завершение отмирания традиционного сельского уклада, смешение в пригороде городского и сельского образа жизни с преобладанием первого, тяготение сельской экономической активности к зонам влияния агломераций, развитие экономической базы, не связанной с сельским хозяйством: отходничества, туризма и отдыха, традиционных ремесел, удаленной работы, творческих проектов. Технологический прогресс, развитие средств онлайн-распространения технологий и ноу-хау, вывод промышленных производств из крупных городов и их миниатюризация позволяют говорить о перспективе развития на селе промышленности, удовлетворяющей значительную долю местных потребностей в товарах народного потребления и некоторых видах оборудования. Курс на разумную региональную экономическую автономию позволит увеличить долю местной сельскохозяйственной продукции в региональном рационе питания, для чего также необходимы развитие кооперации мелких сельхозпроизводителей и диверсификация каналов реализации. Для обеспечения конкурентоспособности села как местообитания по отношению к городу требуется обеспечение связности территории с центральными местами, современной инфраструктуры, удобств, доступа к образованию, медицине и высокой культуре. В этом могут помочь современные решения, находящиеся на различной степени реализации в разных странах мира (такие как дистанционно-очные формы образования, медицины, выставок, представлений; краудфандинговые проекты), и решения из недавнего прошлого, не нашедшие достаточного воплощения (например, местная авиация, региональные гастроли художников и артистов).

Ключевые слова: сельское расселение, субурбанизация, дезурбанизация, социология села, пространственная экономика, политика пространственного развития.

Несмотря на то, что в России уже достигнут относительно высокий уровень урбанизации, сельское население продолжает сокращаться. В XXI веке в целом по стране доля сельского населения сократилась на 1,4 процентных пункта (п.п.)

с 26,8% в 2000 г. до 25,4% в 2018 г., однако за общей тенденцией скрывается многообразие процессов по регионам. Основные показатели, характеризующие долю сельского населения по регионам России, показаны в таблице 1.

Таблица 1

Группировка регионов по доле сельского населения и ее динамике

Table 1

Grouping of regions by the share of rural population and its dynamics

Доля сельского населения (2018 г.)	Изменение доли сельского населения за 2000–2018 гг., процентные пункты			
	от –12,9 до –3,5	от –3,5 до –2	от –2 до 0	от 0 до 6,6
от 0% до 20%	Магаданская обл., Респ. Карелия	Московская обл.	Ханты-Мансийский АО – Югра, Ямало-Ненецкий АО, Челябинская обл., Хабаровский край, Ярославская обл.	г. Санкт-Петербург, г. Москва, г. Севастополь, Мурманская обл., Кемеровская обл., Свердловская обл., Сахалинская обл., Ивановская обл.
от 20% до 25%	Новосибирская обл., Кировская обл.	Архангельская обл. без автономного округа, Респ. Коми, Красноярский край, Волгоградская обл., Респ. Татарстан, Тверская обл., Саратовская обл., Ульяновская обл.	Нижегородская обл., Калининградская обл., Калужская обл., Пермский край	Самарская обл., Иркутская обл., Камчатский край, Владимирская обл., Приморский край
от 25% до 35%	Ненецкий а.о., Омская обл., Вологодская обл., Томская обл., Костромская обл., Рязанская обл., Псковская обл., Чукотский а.о., Пензенская обл., Забайкальский край, Курская обл., Воронежская обл., Тюменская обл. без автономных округов, Орловская обл., Респ. Марий Эл	Белгородская обл.	Смоленская обл., Новгородская обл., Брянская обл., Еврейская автономная обл., Ростовская обл., Амурская обл., Респ. Саха (Якутия)	Тульская обл., Респ. Хакасия, Астраханская обл., Удмуртская Респ.
от 35% до 74%	Респ. Мордовия, Курганская обл., Тамбовская обл., Алтайский край, Респ. Ингушетия, Респ. Тыва	Чувашская Респ., Оренбургская обл., Ставропольский край, Респ. Калмыкия, Респ. Дагестан, Чеченская Респ., Респ. Алтай	Липецкая обл., Краснодарский край	Респ. Северная Осетия – Алания, Ленинградская обл., Респ. Башкортостан, Респ. Бурятия, Кабардино-Балкарская Респ., Респ. Крым, Респ. Адыгея, Карачаево-Черкесская Респ.

Источник: Регионы России 2019. Статистический сборник. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.gks.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 05.06.2020).

Обозначим некоторые технические моменты в отношении таблицы 1. Помимо естественного или механического изменения численности населения изменение

доли сельского населения отчасти может объясняться факторами учета: изменением статуса городских поселений, как несоответствующих критериям городских,

на сельские или изменением границ городских поселений (в этом случае сельское население может продолжать так и числиться, как, например, в случае с Новой Москвой). По Республике Крым и Севастополю нет данных за 2000 г., поэтому они попали в последнюю колонку с изменением доли сельского населения 0%. Санкт-Петербург — единственный субъект РФ, где нет сельского населения. В Москве сельское население появилось в связи с включением в нее «Новой Москвы». Внутри каждой ячейки таблицы 1 субъекты Российской Федерации приведены в порядке возрастания доли сельского населения в 2018 году.

Внутри ячеек таблицы 1 прослеживается некоторая общность по географическому, социокультурному признакам и по уровню экономического развития. Некоторые регионы, наоборот, выделяются из окружения, например, Ленинградская область, попавшая в правую нижнюю ячейку: с 2000 по 2018 гг. доля сельского населения увеличилась на 2 п.п. с 33,7% до 35,7% — высокая доля сельского населения объясняется тем, что урбанистическое ядро области Санкт-Петербург — это отдельный субъект Российской Федерации.

Представляют интерес как ячейки таблицы с большим количеством регионов, так и с малым. Например, Московская область демонстрирует активную урбанизацию при том, что доля сельского населения и так уже относительно мала (с 2000 г. по 2018 г. она сократилась на 2 п.п. с 20,5% до 18,5%).

Противоположные, контрурбанистические тенденции, слабо отражаемые в статистике, представляют субурбанизация — расширение города при некотором смешении с селом (проживание в пригороде, дачи, вывод производства в пригород), и дезурбанизация — сознательный уход из городского образа жизни (дауншифтинг, «зеленые», религиозные мотивы, коммуны) [1]. Вторая имеет намного более узкую социальную нишу и масштаб.

В современном академическом дискурсе о факторах развития (деградации) сель-

ского расселения решающее влияние имеет неолиберальная идеология. Утилитаризм, склонность игнорировать немонетизируемые факторы и устремленность в будущее делает неолибералов приверженцами урбанизма. Характерную иллюстрацию того, как неолиберальная парадигма подходит к трактовке и разработке рецептов в отношении пространственной организации хозяйства, дает концепция оптимального размера города [2]. Оптимальный размер города определяется как баланс, с одной стороны, агломерационного эффекта (повышение производительности труда при переезде в город, выливающееся в увеличение дохода) и, с другой стороны, увеличение расходов на жилье, обусловленное более высокой стоимостью земли, и расходов денег и времени на транспорт. Из этой логики возникает тезис об избыточности сельского населения для удовлетворения потребностей экономики в сельскохозяйственной продукции, как следствие — о неспособности села обеспечить конкурентноспособный уровень доходов, инфраструктуры и обслуживания, доступ к образованию и технологиям; о перспективности деревни только в орбите агломераций, то есть с хорошей доступностью экономически жизнеспособных центров агломераций второго порядка. Высокое разнообразие услуг и развлечений требует большой клиентской базы и недоступно для тех, кто живет вне зоны влияния крупных центров. Эти недостатки села как места жительства и образа жизни, характерные в целом для индустриального общества, в СССР исторически усугублялись последовательным выжиманием соков из села в течение волн форсированной индустриализации.

С прагматической точки зрения, нужно изучать реальные современные тенденции и развивать их. Основная общая тенденция изменения сельского расселения — смешение сельского и городского уклада без отрыва от урбанистическо-индустриального образа жизни и с угасанием элементов традиционного сельского уклада. Перспективными являются гибридные формы:

«частный сектор» — индивидуальные дома с участком при основном месте работы в городе и дополнительном занятии сельских хозяйством на приусадебном участке; субурбанизация в форме второго пригородного жилья — дач или их варианта для более обеспеченных — коттеджных поселков (коттеджи отличаются возможностью круглогодичного проживания, их хозяева меньше увлечены приусадебным сельским хозяйством) [3]. Современная популярность второго летнего жилья имеет и историко-климатические основания: на русском севере рядом с основным, летним домом строили тесные теплые зимние. Дачи или коттеджи могут также становиться основным жильем для семьи, а малометражная квартира в городе — как гостиница переночевать вблизи работы.

Индивидуальные дома с участком, помимо выполнения жилищной функции, продолжают оставаться важным производителем сельскохозяйственной продукции. В 2018 г. хозяйства населения (не включая крестьянские (фермерские) хозяйства) произвели в денежном выражении 31% всей сельскохозяйственной продукции, 29% продукции растениеводства и 34% животноводства. Они являются важнейшим производителем картофеля (68%) и овощей (55%)¹. Дачи (и коттеджи), хотя статистики в национальном масштабе по ним нет, очевидно, являются доминирующим фактором формирования пригородного экономического пространства у больших городов. Сезонное «дыхание» города — то, что можно интерпретировать как пульсацию пространства, на которое город распространяет свое влияние. Местные власти осознают, что дачи, благодаря которым наличное население в сезон увеличивается в разы, — источник экономической жизни и налоговых поступлений для территории.

В противоположность дачам, выражающим центробежную тенденцию, отходничество, когда кормилец семьи ездит на долгий срок работать в город, представля-

ет центростремительную тенденцию и является формой сохранения пребывания домохозяйства на селе, дает возможность продолжать использовать существующий сельский жилищный фонд. Новым видом сельских жителей являются работающие удаленно представители творческих профессий. Пока это явление носит редкий характер, поскольку требуется стремление переехать в относительно удаленное место и терпеть некоторые неудобства.

Определенный потенциал развития сельского расселения имеет предоставление земельных участков, обеспеченных инфраструктурой, в том числе бесплатно — для ведения бизнеса: «дальневосточный гектар», для индивидуального жилищного строительства и родовых усадеб — в Белгородской области, при этом может предоставляться помощь в приобретении строительных материалов и финансировании строительства [4]. Сельская местность, как и небольшие города и поселки, — благоприятная и востребованная среда для проведения старости как в собственном жилье, так и в домах престарелых.

В длительной перспективе залогом развития села является способность удержать или привлечь молодежь. Этому препятствует неразвитость внегородской инфраструктуры (дороги, торговля, обслуживание, связь), «немодность» у молодежи, сложность реализации ценностей массового, статусного потребления.

В современных условиях обеспечение связности территории с остальным миром императивно для ее сохранения как части системы расселения. Существенно повышает шансы деревни на выживание улучшение сообщения — действует общее правило, что если в депрессивную территорию построить дорогу, то по ней люди скорее приедут туда, чем уедут оттуда. В целом транспорт должен развиваться исходя из местных условий, например, для мелкоочагового расселения целесообразно восстановление программ местной авиации.

Поддержка территории и финансирование местной транспортной инфра-

¹ Сельское хозяйство в России 2019. Статистический сборник. [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://gks.ru/bgd/regl/b19_38/Main.htm (дата обращения: 05.06.2020).

структуры может осуществляться в том числе за счет индустрии въездного туризма и отдыха. Интересным инструментом, который также может выполнять социальную функцию (например, для пенсионеров), является выделение путевок с полной или частичной компенсацией их стоимости в отдаленные регионы, обладающие уникальным природно-рекреационным потенциалом.

Государственное и корпоративное финансирование инфраструктуры ограничено по объему, направлению или информированности; собственные ресурсы сельских территорий также ограничены. Для решения проблемы недофинансирования через традиционные механизмы в будущем возможно развитие новых механизмов внебюджетного финансирования, в частности через краудфандинг. Успешные краудфандинговые кампании также используются для привлечения внимания к проекту, доказательства его востребованности и дальнейшего привлечения финансирования из других источников.

За рубежом существуют примеры использования краудфандинга для финансирования локальной инфраструктуры. Однако донорами обычно являются местные жители, надеющиеся получить определенную выгоду, например, увеличение стоимости своей недвижимости. Проекты носят подчас экстравагантный характер, например, соседи в поселке собирают средства, чтобы заменить обычную внутреннюю подъездную дорогу на электрогенерирующую с солнечными панелями. В противоположность этому, средства могли бы привлекаться для более насущных нужд, со стороны и безвозмездно. Например, вполне может найти отклик информация о том, в каких тяжелых условиях приходится жить в некоторых местностях, например, когда жители деревни сами сообщают раз в месяц толкают по железной дороге вагон с припасами² или когда единственный способ сообщения — постоянно выходящие из строя узкоколейка

с одним поездом.

«Уравнивание города и деревни» требует конкурентоспособного по отношению к городу обеспечения коммунальными благами. Здесь следует особо отметить важность государственных программ газификации. При том, что проводится курс на обеспечение доступности газа для соседних стран, странно не сделать это для своего населения. Индивидуальные тарифы госмонополий на подключение не всегда социально и даже экономически оправданы. Это подтверждается примерами, когда население в ущерб системе в целом делает выбор в пользу решений, альтернативных подключению к коммунальным сетям, — в городах вместо подключения к централизованной системе отопления устанавливаются котлы в доме. Впрочем, подключение к газу в сельской местности дает такое улучшение уровня жизни, что ему нет альтернативы.

Перед Россией стоит задача заселения и освоения территорий, в том числе тех, что были ранее заселены и освоены, но затем пришли в запустение. Хотя сейчас основными двигателями дезурбанизации и субурбанизации, о чем говорилось выше, являются факторы производственного характера, представляется, что в долгосрочной перспективе экономической основой развития малых городов и села должно стать устойчивое использование местных природных ресурсов, приспособление хозяйства к местности и развитие локальных экономических систем.

От отраслевой науки требуется создание и распространение набора сельскохозяйственных и перерабатывающих технологий современного уровня, сочетающих автоматизацию, доступность, простоту, небольшой размер предприятий или передвижные комплексы, которые могут быть приближены к местам производства ресурсов и пригодны для размещения в сельской местности, например технологий минипроизводств машин, оборудования и потребительских товаров по типу 3D-печати, использующие проекты и чертежи, распространяемые через интернет.

² Документальный фильм «Хлебный день», реж. С. Дворцевой, 1998.

Государство должно поддерживать использование местного продовольствия. Одна из главных проблем мелких сельхозпроизводителей — недостаточная их кооперация и отсутствие частной или государственной системы закупок их продукции, поэтому государство на первых порах должно участвовать в формировании и развитии этих институтов. По возможности следует приоритизировать поставки в местные торговые сети местных продуктов, развивать альтернативные каналы сбыта, такие как зарекомендовавшие себя в Европе фермерские рынки и «фермерские ящики» («farm boxes» — доставка наборов продуктов непосредственно от местных фермеров). По возможности следует также приоритизировать производство и использование местных строительных материалов, развитие малой энергетики, восстановление традиционных производств и ремесел с адаптацией современных технологий.

Социальная основа жизни на селе — обеспечение доступности образования, медицины и культуры. Для воспроизводства территории необходима доступность образования для детей с сохранением их основного места проживания с родителями. Для этого на местах должны быть хотя бы начальные школы. Проблема недостаточного числа учеников в классах может быть отчасти решена при помощи гибридного очно-дистанционного обучения. Интересен японский опыт: в малонаселенных сельских районах в одной аудитории занимаются дети разного возраста, при этом одна группа занимается с учителем очно, ученики второй группы сидят спиной к первым и видят дистанционного учителя на экране (который может транслировать объяснения для нескольких подобных классов в разных школах); через какое-то время за спиной очного учителя в аудитории включается экран для дистанционной части занятия первой группы, он переходит напротив, ко второй группе для очной части занятия с ними. Для старших классов возможны более длительные циклы чередования очного и заочного обуче-

ния: скажем, с полугодовым выездом для очного обучения с проживанием в пансионе. Решением также может быть подготовка учителей из местных жителей, работающих преподавателями по совместительству. Помимо всеобщего образования следует поддерживать программы образования и переподготовки для взрослых.

С точки зрения географической доступности медицинских услуг отметим, что приоритетом является возможность получить помощь в ближайшем медучреждении независимо от того, в каком административно-территориальном образовании (АТО) оно находится: ближайший нужный специалист может быть в соседнем АТО. Перспективным решением может быть «демократия» при выборе поликлиники каждым человеком (как уже сделано, например, в Москве). Это может потребовать межмуниципальной координации, в том числе и между муниципалитетами соседних субъектов РФ, а значит и межбюджетных отношений для компенсации затрат на лечение жителей соседних АТО. Большое значение имеет развитие дистанционного консультирования, когда специалист высокой квалификации, находясь, например, в одной из столиц, или даже за рубежом, может диагностировать и давать рекомендации по лечению сложных случаев на обширной территории. Для этого требуется сплошное оснащение местных клиник оборудованием для онлайн-передачи видеозаписи высокого разрешения в обе стороны, результатов обследования и анализов с подключением напрямую к интернету соответствующего диагностического оборудования. Все оборудованные таким образом клиники должны быть обеспечены подключением к высокоскоростному интернету.

Отчасти компенсировать высокие транспортные издержки для населения и бизнеса там, где физическое перемещение людей и товаров не является незаменимым, помогают современные средства связи. Полное покрытие заселенной территории страны возможностью подключения к широкополосному интернету по-

зволит получить доступ к последним технологиям и ноу-хау, дистанционному образованию, социальным сетям, электронным книгам, кинофильмам, онлайн-выставкам, концертам, спектаклям.

В то же время мультимедиа не передает эффекта живого присутствия на концерте, спектакле или лекции. Ощущение жизни на периферии сохраняется без возможности хотя бы эпизодического доступа к живым культурным мероприятиям, возникает задача поиска баланса между онлайн- и живыми мероприятиями. Для территории страны с постоянным населением должна быть обеспечена либо транспортная доступность к культурным центрам, либо выездные мероприятия на места (с точки зрения опыта организации интересна историческая практика гастролей артистов по провинции в СССР).

Доступ к занятию самодеятельным искусством и спортом должен быть и у самого местного населения, для чего — обеспечено общение с профессиональными педагогами и деятелями искусства как дистанционно, так и с выездом на место с целью воспитания местных мастеров и педагогов. Для занятий спортом не всегда требуется создание грандиозных спортивных сооружений и большие финансовые затраты. Важнее развитие движения с учетом местных условий для занятий конкретными видами спорта, проведение местных турниров с выходом на региональные, методическая поддержка.

Научная география говорит о необходимости дополнения концепции каркаса, под которым обычно понимают транспортно-промышленный каркас, природным и историко-культурным каркасами. Это сеть экосистем и историко-культурных объектов — природоресурсная, ландшафтно-эстетическая основа территории, которая дополняется людьми системой символ-смысловой интерпретации, в частности материализованной в религиозных и светских архитектурных памятниках, местной культуре производства и ремесел. Системы этих объектов поддерживают идентичность места, гордость

им и чувство малой родины. Природный и историко-культурный каркасы — основа для туризма, значимость которого намного превосходит непосредственно приносимый им доход, если о данной местности начинают узнавать люди из других мест, о ней снимаются документальные фильмы, она находит отражение в искусстве, что говорит о востребованности территории в национальном или мировом масштабе.

Создание благоприятной среды для людей творческих профессий различных специальностей — от художников до специалистов по информационным технологиям — может привести к тому, что они, при наличии склонности, переедут туда даже со своей семьей и внесут вклад в трансформацию духовного пространства. Перспективными следует признать исследования факторов, которые влияют на выбор места пребывания людей такого склада, в частности, как они учитывают баланс, с одной стороны, удаленности места и, с другой стороны, доступности крупных культурных центров, где находится их круг общения и где они могут выставляться или посещать чужие мероприятия, а также доступности аэропортов для дальних поездок. При оценке потенциала развития данного направления на территории может быть полезно рассмотреть исторический опыт дореволюционной России, такой как художественные содружества в Абрамцево и Талашкино.

Интересный проект из сферы искусства, которому удалось преобразить территорию, — арт-парк «Никола-Ленивец» в Калужской области³. В какой-то момент уже состоявшийся московский художник из арт-группы «Митьки» почувствовал, что его миссия — раскрытие эстетического потенциала среднерусской природы посредством создания арт-объектов, вписанных в местную природу, из природных или сельскохозяйственных материалов — дерева, сена, снега («ленд-арт»). Художник

³ Документальный фильм «Арт-колхоз художника Полискового» телеканала Russia Today, 2016. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://doc.rt.com/filmy/art-kolhoz-hudozhnika-polisskogo/> (дата обращения: 05.06.2020).

бросил устоявшуюся жизнь и переехал в деревню, вовлек в создание инсталляций местное население. Их отношение хорошо описывает случай, когда художник за свой счет обработал поле, собрал урожай картофеля и раздал его местным жителям, на следующий год они спрашивали, будет ли картофель в этом году. Проект вылился в проведение фестиваля современного искусства, получившего даже международную известность, и приобрел масштабное развитие благодаря спонсорству некоторых крупных российских бизнесменов. Подобные эксперименты носят индивидуальный характер и относительно скромны по сравнению с устоявшимися отраслями в финансовом отношении, но влияние, которое они могут оказать на развитие территории, трудно переоценить.

Какие устойчивые формы примет новое сельское расселение и какие функции оно будет выполнять, ещё не ясно. Это зависит от эволюции технологий и предпочтений. Можно с осторожностью утверждать, что его роль будет постепенно увеличиваться: большие города исчерпали свои возможности предлагать что-то принципиально новое, кардинального решения проблем перенаселенности, транспорта не предвидится. Совершенствование техно-

логий связи, транспорта, строительства, локального обеспечения удобствами, создания инфраструктуры позволяют в перспективе приблизить уровень жизни на селе к городскому не только для богатых, но и для среднего класса. Развитие сельской экономики, по началу хотя бы территориальными очагами в местах с наиболее благоприятным экономико-географическим положением, подъем информационных, творческих отраслей, расширение возможностей дистанционной занятости, создание сельских кампусов предприятий креативного направления, образовательных учреждений, консалтинговых, финансовых фирм, возможно штаб-квартир корпораций — призваны обеспечить новые источники занятости. Оживление сельской местности будет способствовать и развитию городов как центров территории. В задачи науки входит выявление, оценка перспективности и масштаба этих явлений на основе массового анализа кейсов, определение условий успеха проектов развития села. Государственная политика должна в пределах своих компетенций обеспечить такие условия, в том числе создание рациональных для каждой территории форм инфраструктуры.

Литература и Интернет-источники

1. **Нефедова Т. Г., Покровский Н. Е., Трейвиш А. И.** Урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества в условиях роста горизонтальной мобильности // Социологические исследования. — 2015. — № 12. — С. 60–69.
2. **Malcolm Getz** Optimum City Size: Fact or Fancy? // Law and Contemporary Problems. Special issue: Growth Policy in the Eighties. 1979 (Spring). Vol. 43. No. 2. P. 197–210.
3. **Нефедова Т. Г., Трейвиш А. И.** Города и сельская местность: состояние и соотношение в пространстве России // Региональные исследования. — 2010. — № 2(28). — С. 42–57.
4. **Шаров С. Ю.** Опыт индивидуального жилищного строительства в Белгородской области. Народонаселение. — 2017. — № 4 (78). — С. 135–148.

Сведения об авторе:

Шаров Сергей Юрьевич, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: sharov.su@gmail.com; ORCID: 0000–0001–6911–5576.

DOI: 10.19181/population.2020.23.3.10

RESOURCES FOR RURAL SETTLEMENT DEVELOPMENT IN MODERN RUSSIA

Sergey Yu. Sharov

*1Institute of Socio-Economic Studies of Population, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences
(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russian Federation, 117218)*

E-mail: sharov.su@gmail.com

For citation:

Sharov S. Yu. Resources for rural settlement development in modern Russia. *Narodonaselenie [Population]*. 2020. Vol. 23. No. 3. P. 109-118. DOI: 10.19181/population.2020.23.3.10 (in Russ.)

Abstract. *In the 21st century, rural population in Russia as a whole continues to decline. However, different levels of urbanization and different rates of its change across regions indicate the heterogeneity of processes and the influence of many factors. The main trends are completion of the withering away of the traditional rural lifestyle, mixing urban and rural lifestyles in the suburbs with predominance of the former (summer cottages, cottages), gravitation of rural economic activity towards the zones of influence of agglomerations, development of an economic base not related to agriculture: seasonal work, tourism and recreation, traditional crafts, remote work, creative projects. Technological progress, development of means of online dissemination of technologies and know-how, withdrawal of industrial production from large cities and their miniaturization allow us to discuss the prospects for development of industries in rural areas that satisfy a significant part of the local demand for consumer goods and the need for certain types of equipment. The course towards a reasonable regional economic autonomy will allow increasing the proportion of local agricultural products in the regional diet, which also requires development of cooperation of small agricultural producers and diversification of sales channels. To ensure competitiveness of rural areas as a habitat in relation to cities, it is necessary to ensure connectivity of those areas with central localities and provision of modern infrastructure, amenities, access to education, healthcare and high culture. This can be facilitated by modern solutions that are currently at varying degrees of implementation in different countries of the world (such as distance forms of education, healthcare, exhibitions, performances; crowdfunding projects) and by the solutions from the recent past that have not found sufficient implementation (for example, local aviation, regional tours of artists and performers).*

Keywords: *rural settlement, suburbanization, deurbanization, rural sociology, spatial economics, spatial development policy.*

References and Internet sources

5. 1. Nefedova T.G., Pokrovsky N. Ye., Treyvish A.I. Urbanizatsiya, dezurbanizatsiya i sel'sko-gorodskiyе soobshchestva v usloviyakh rosta gorizonta'l'noy mobil'nosti [Urbanization, de-urbanization and rural-urban communities under the conditions of the increasing horizontal mobility]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. 2015. No. 12. P. 60–69. (in Russ.)
6. 2. Malcolm Getz. Optimum city size: Fact or fancy? *Law and Contemporary Problems*. Special issue: Growth Policy in the Eighties. 1979 (spring). Vol. 43. No. 2. P. 197–210.
7. 3. Nefedova T.G., Treyvish A.I. Goroda i sel'skaya mestnost': sostoyaniye i sootnosheniye v prostranstve Rossii [Cities and rural areas: State and relationship in the space of Russia]. *Regional'nyye issledovaniya* [Regional Studies]. No. 2 (28), 2010. P. 42–57. (in Russ.)
8. 4. Sharov S. Yu. Opyt individual'nogo zhilishchnogo stroitel'stva v Belgorodskoy oblasti. [Experience of individual housing construction in Belgorod oblast]. *Narodonaselenie* [Population] 2017. No. 4 (78). P. 135–148. (in Russ.)

Information about the authors:

Sharov Sergey Yurievich, Cand. Sc. (Econ.), Leading Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS, Moscow, Russian Federation.

Contact information: e-mail: sharov.su@gmail.com; ORCID: 0000–0001–6911–5576.

Статья поступила в редакцию 08.07.2020.

DOI: 10.19181/population.2020.23.3.11

ДЕПОПУЛЯЦИЯ В РЕГИОНАХ РОССИИ К НАЧАЛУ 2020 ГОДА

Рыбаковский О.Л.^{1,2*}, Фадеева Т.А.¹

¹Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН
(117218, Москва, Нахимовский проспект, 32)

²Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН
(119333, Москва, ул. Фотиевой, 6, к. 1)

*E-mail: 1246185@mail.ru

Финансирование:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20–510–00004 Бел_а.

Для цитирования:

Рыбаковский О.Л., Фадеева Т.А. Депопуляция в регионах России к началу 2020 года // Народонаселение. – 2020. – Т. 23. – № 3. – С. 119–129. DOI: 10.19181/population.2020.23.3.11

Аннотация. В статье подводятся итоги естественного прироста/убыли населения регионов России за 1992–2019 годы. Депопуляция — естественная убыль населения — свойственна большинству европейских территорий (стран или их частей), чьё население в значительной степени пострадало во Второй мировой войне. Это касается обеих сторон конфликта — и фашистской Германии (а также милитаристской азиатской Японии), с одной стороны; и территорий современных Польши, Белоруссии, Украины, Европейской части Российской Федерации, отдельных частей бывшей Югославии, с другой стороны. Вследствие чего население этих территорий с 1970-х гг. начало вступать в период депопуляции, превышения смертности над рождаемостью. Это произошло в результате нисходящий демографической волны, так называемого «первого эха Второй мировой войны», а также вследствие общемировых тенденций снижения рождаемости во всём развитом и развивающемся мире. В целом за 28 лет постсоветского периода с начала 1992 до начала 2020 г. депопуляцией были охвачены все европейские регионы России за исключением 5 республик Северного Кавказа и Республики Калмыкия. Несколько иная картина наблюдалась за Уральским хребтом. Здесь депопуляция в большинстве крупных промышленных регионов явилась следствием в первую очередь постсоветского миграционного оттока населения в Европейскую часть страны в столичные регионы и равнинные территории юга России с благоприятным климатом. Положительный естественный прирост населения был лишь в нефтегазоносной Тюменской области, Республике Саха (Якутия), Чукотском автономном округе, а также в республиках юга Сибири, коренное население которых исповедует буддизм. В статье представлен анализ по каждой из типичных групп регионов России, приводится статистика демографического (воспроизводственного) развития территорий, обосновываются выводы, среди которых основной — снижение объёмов текущих и предстоящих демографических людских потерь России зависит от последовательности, научной обоснованности, результативности и избирательности мер демографической политики страны.

Ключевые слова: регионы и макрорегионы России, естественный прирост/убыль населения, депопуляция, рождаемость и смертность населения, возрастная структура населения, демографическая политика.

Депопуляция — устойчивая естественная убыль населения, превышение числа смертей над числом рождений за длительный период. Для демографии постсоветской России это главная проблема. Депопуляция ведёт к вымиранию местного населения, а в условиях интенсивной постоянной иммиграции — к его замещению пришлым. Для относительно слабо и неравномерно заселенной территории страны это означает ослабление её экономической мощи, повышение геополитической уязвимости.

Для более детального изучения депопуляции в России необходим её анализ как минимум на региональном уровне, так как по демографическим признакам территории России достаточно сильно различаются. Если в некоторых из них депопуляция продолжается уже более полувека, то в других — в неё даже ещё и не входили¹. В последние советские десятилетия депопуляция была лишь в наиболее пострадавших от Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Псковской и Тверской областях, а также в Рязанской, Тамбовской и Тульской областях. Эти регионы были миграционными донорами Москвы, Ленинграда и, одновременно, активными участниками переселений в «тыловую Россию» — на Дальний Восток и в Сибирь.

Депопуляция в России на региональном уровне массово началась с запада страны в 1990–1991 годах. К пяти наиболее пострадавшим от войны и переселений областям добавились две столицы, прочие окружающие их области, большая часть соседних территорий Центрального федерального округа (ЦФО)², крупные про-

мышленные регионы Приволжья и Урала, Ростовская область и Краснодарский край на юге Европейской части России. Европейский Север, Сибирь, Дальний Восток, все в будущем отдельные республики и автономии в составе Российской Федерации в начале 1991 г. имели положительный естественный прирост населения.

В 1992 г. депопуляция началась по России в целом. Естественная убыль составила 220 тыс. человек. При этом в ЦФО естественная убыль была во всех 18-ти регионах (206 тыс. человек), в Северо-Западном федеральном округе (СЗФО) — также во всех регионах кроме Мурманской области и Республики Коми. На Юге Европейской части к Краснодарскому краю и Ростовской области добавились Волгоградская область и Республика Адыгея. Остальные регионы Юга Европейской части России (без Крыма): Южный федеральный округ (ЮФО), Северо-Кавказский федеральный округ (СКФО) — имели естественный прирост. В Приволжье (современная территория Приволжского федерального округа (ПФО)) 8 регионов из 14 имели естественную убыль — Республика Мордовия, Пермский край и 6 областей: Кировская, Нижегородская, Пензенская, Самарская, Саратовская и Ульяновская. Остальные — 5 республик (Башкортостан, Татарстан, Удмуртская, Чувашская и Марий Эл), а также Оренбургская область — имели естественный прирост населения. В итоге по Приволжью была естественная убыль. В Уральском федеральном округе (УФО) лишь в Тюменской области (как и в каждой из её трех частей) был в 1992 г. естественный прирост населения. Остальные три области УФО, как и округ в целом, были в депопуляции. В Сибири в 1992 г. лишь Алтайский край и три области (Кемеровская, Новосибирская и Томская) вошли в депопуляцию. На Дальнем Востоке в 1992 г. ни один регион не имел естественную убыль. В 17 регионах Сибири и Дальнего Востока (из 21) был в 1992 г. естественный прирост. В итоге на территории современных Сибирского и Дальневосточного федеральных округов (СФО

¹ Все показатели без сносок в данном тексте рассчитаны по базе данных Росстата. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.gks.ru/bgd/regl/b03_13/IssWWW.exe/Stg/d010/i010700r.htm (дата обращения: 20.03.2020). Также использованы материалы Всесоюзных переписей населения СССР 1979 и 1989 гг. и сборник «Народное хозяйство СССР за 70 лет». — М.: Финансы и статистика, 1987. Указанные факты и выводы основаны на анализе данных показателей.

² Федеральные округа в России появились в 2000 г. и позже. Поэтому в тексте, где речь идет о событиях до 2000 г., имеются в виду не сами федеральные округа, а территории в границах таких современных административных единиц России.

и ДФО) также был естественный прирост. Таким образом, в 1992 г. в половине территорий преимущественно старо-обжитой России естественная убыль населения составляла минус 370 тыс. человек, а естественный прирост (плюс 150 тыс. человек) шёл «в итог» за счёт Сибири, Дальнего Востока и Северного Кавказа, а также Тюменской области и большинства остальных республик и автономий страны.

Если из областей старо-обжитой европейской части России в поздний советский период население уезжало осваивать новые регионы Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока, то в целом естественный прирост населения России от этого не уменьшался. Он, напротив, рос, поскольку восточные регионы, прежде всего Дальнего Востока, в 1980-е гг. имели первоочередную предпочтительную помощь государства в сфере демографии. И из-за переселений с запада России (а также из Белоруссии и Украины) принимавшие население восточные регионы страны имели более молодое население, и поэтому медленнее входили в депопуляцию в 1990-х годах. Другое дело, когда население из центральных областей переезжало в Москву и Ленинград (Санкт-Петербург). Тут население начинало учиться, работать, старалось закрепиться и остаться в столицах. И в целом эта в масштабах России точечная ультра-урбанизация приносила и продолжает приносить негативный для страны результат в области воспроизводства населения.

В первый период депопуляции 1992–2011 гг. Россия в целом имела 13,2 млн человек потерь от естественной убыли. В 2013–2015 гг. естественный прирост составил менее 0,1 млн человек, в 2012 и 2016 гг. естественный прирост России был около нуля. В 2017–2019 гг. страна повторно «окунулась» в депопуляцию: –0,7 млн человек за три года³. В 2017–2020 гг. естественная убыль составит более одного млн человек⁴. С 1992 по 2019 гг.

население России сократилось естественным путём на 13,8 млн человек.

ЦФО «обеспечил» 47% естественной убыли России в 1992–2019 гг. при средней за период доле в населении страны 26%. Интенсивность естественной убыли ЦФО была выше, чем в остальной России, в 2,5 раза. В 1992–2019 гг. население территории ЦФО в целом имело естественную убыль 6,6 млн человек, в том числе в 1992–2011 гг. — 5,8 млн, в 2012–2016 гг. — 0,4 млн, в 2017–2019 гг. — 0,4 млн человек. ЦФО не однороден и состоит как минимум из двух кардинально отличающихся по демографическим характеристикам частей — Москвы и остальной части (17 областей). В годы кратковременного выхода из депопуляции 2012–2016 гг. вторая часть ЦФО продолжала терять население. Лишь Москва была единственной территорией ЦФО, где в 2011–2019 гг. имел место естественный прирост, что по уточненным данным Росстата объясняется опережающими темпами снижения смертности населения столицы и (опосредованно) интенсивным миграционным приростом молодого населения в город.

Как весь мир начал вымирать со старой Европы, так и Россия начала вымирать естественным путём с центра ее Европейской части. Но факторы этих двух внешне схожих процессов — различны [1]. Факторы вымирания старой Европы не обсуждаем, хотя и понимаем, что нынешнее её лицо складывается из «Грет Тумберг», «Кончит Вурст» и супружеских пар типа премьер-министра Люксембурга и его жены-гея. Снижение рождаемости в современной Европе имеет тот же неприятный оттенок, что и в последние годы Римской Империи. Факторы вымирания центра Европейской части России — это последствия Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. на территориях, наиболее сильно от неё пострадавших; урбанизация и отток населения в Москву и Ленинград/Санкт-Петербург, объясняемые высоким уровнем региональных различий доходов населения постсоветской России; до распада СССР — организованные пере-

³ Расчеты с 2015 г. — с учётом Республики Крым и Севастополя.

⁴ По оперативным данным Росстата за январь–июнь 2020 г.

селения в восточные «тыловые территории», прежде всего, на Дальний Восток.

Северо-Западный федеральный округ (СЗФО) демографически неоднороден в большей степени, чем ЦФО. В 1992 г. Из 11 субъектов РФ, входящих в СЗФО, лишь Республика Коми и Мурманская область еще не имели депопуляции (тот же фактор, что и с Дальним Востоком). Но с 1993 г. и они начали терять население естественным путем. Оба региона, несмотря на миграционные потери 1990–2000-х гг., выходили, как и страна в целом, из депопуляции в 2011–2016 годы. Кроме них в СЗФО этот выход был лишь у Санкт-Петербурга. Последний, аналогично Москве, и, по всей видимости, вследствие действия тех же факторов, с 2012 по 2019 гг. имел положительный естественный прирост (40 тыс. человек за 8 лет).

В целом за 1992–2019 гг. естественная убыль в СЗФО составила 2,1 млн человек, или 15% от общероссийской при доле в численности населения страны на начало 2019 г. 9,5%. В 2012–2016 гг. естественная убыль в СЗФО была равна 74 тыс. чел, в 2017–2019 гг. — 93 тыс. человек. Псковская область, входящая в пятерку самых демографически неблагополучных регионов страны, с переписи населения СССР 1979 г. до начала 2020 г. потеряла естественной убылью почти 260 тыс. человек, или 1/3 численности населения 1979 года. Можно констатировать, что естественная убыль в данном округе существенно сократилась к 2011–2012 гг. и последующий её рост до 2020 г. был незначительным.

Максимальный вклад в естественную убыль населения СЗФО в 1992–2019 гг. внесли: Санкт-Петербург (652 тыс. человек); Ленинградская область (414 тыс.); Псковская область (237 тыс.); Вологодская и Новгородская области (по 185 тыс. человек). Калининградская область и Республика Карелия потеряли в форме естественной убыли в 1992–2019 гг. по 110 тыс. человек. Мурманская область, Архангельская область с входящим в её состав Ненецким автономным округом, Республика Коми за 1992–2019 гг. потеряли депопуля-

цией в сумме лишь 200 тыс. человек. Вторая столичная пара обеспечила более половины естественной убыли СЗФО.

Юг Европейской части России включает регионы Южного федерального округа (ЮФО) и Северо-Кавказского федерального округа (СКФО). Республика Крым и Севастополь, присоединённые к России в 2014 г., имели естественную убыль населения в 2015–2019 гг. в размере 32 и 5 тыс. человек соответственно. По характеру воспроизводственных процессов на Юге Европейской части России можно выделить две группы территорий. Первая — семь республик из восьми (кроме Республики Адыгея), имевшие положительный естественный прирост всё время, по которому есть послевоенная статистика. Лишь Карачаево-Черкесская Республика в 1999–2003 гг. (–1 тыс. человек) и Республика Северная Осетия — Алания в 1996–2005 гг. (–9 тыс. человек) ненадолго и неглубоко погружались в депопуляцию.

Раздельная текущая статистика по Чеченской Республике и Республике Ингушетия отсутствовала до 1995 г., а в 1995–2003 г. не было части текущей статистики. В этой связи по переписям населения 2002 и 2010 гг. в численность их населения и некоторых смежных с ними территорий были внесены ощутимые поправки, по всей видимости, не только миграционного происхождения (в отличие от поправок в других регионах России). Вследствие чего итоги по шести северокавказским республикам и Республике Калмыкия представлены в двух вариантах — с переписными поправками и без них (табл. 1).

Без переписных поправок пять республик из семи имели в целом за 1992–2019 гг. положительный естественный прирост населения. Семь республик в 2012–2016 гг. прибавили естественным путём 417 тыс. человек, в 2017–2019 гг. — ещё 210 тыс. человек. Несмотря на высокую продолжительность жизни и «молодую» возрастную структуру населения, естественный прирост в данных республиках России после 2014 г. начал снижаться.

Таблица 1

Естественный прирост населения в республиках Юга России, тыс. человек

Table 1

Natural growth in republics of the South of Russia, thousand people

Регион	1992–2019 гг. с поправками переписей 2002 и 2010 годов	Поправки обеих переписей (2002, 2010 гг.) в сумме	1992–2019 гг. без поправок
Республика Дагестан	855	562	293
Республика Ингушетия	172	- 127	299
Чеченская Республика	633	425	208
В сумме 3 республики (Дагестан, Ингушетия, Чеченская)	1660	860	800
Кабардино-Балкарская Республика	83	79	4
Карачаево-Черкесская Республика	25	66	-41
Республика Северная Осетия – Алания	27	45	-18
Республика Калмыкия	25	5	20
В сумме 7 республик	1820	1055	765

Источник: Данные Росстата. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://gks.ru/> (дата обращения: 20.03.2020).

Вторая группа территорий Юга европейской части России — равнинные регионы. В целом за 1992–2019 гг. они теряли население естественным путём. Также как в ЦФО и СЗФО, третий (южный) столичный регион Краснодарский край первым начал терять население в 1990–1991годы. В1991 г. к нему присоединилась Ростовская область. Крас-

нодарский край имел естественный прирост в 2012–2017 гг. (9 тыс. человек), Астраханская область в 2008 г. вышла из депопуляции (за 2008–2019 гг. плюс 15 тыс. человек). Ставропольский край в 2012–2017 гг. также имел естественный прирост населения 16 тыс. человек (табл. 2).

Таким образом, в 1992–2019 гг. Юг Евро-

Таблица 2

Естественный прирост населения отдельных регионов Юга России, тыс. человек

Table 2

Natural growth in certain regions of the South of Russia, thousand people

Регион	1992–2019 гг.	2012–2016 гг.	2017–2019 гг.
Республика Адыгея	-38	-1	-3
Краснодарский край	-449	8	-14
Астраханская область	-33	12	0
Волгоградская область	-336	-27	-30
Ростовская область	-592	-44	-47
Ставропольский край	-145	15	-3
В сумме 6 регионов	-1593	-36	-97

Источник: Данные Росстата. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://gks.ru/> (дата обращения: 20.03.2020).

пейской части России за счет равнинных территорий имел 1,6 млн человек естественной убыли (11% от общероссийской). В тот же период в северокавказских республиках (без Республики Адыгея) и в Республике Калмыкия суммарно был естествен-

ный прирост 0,8 млн человек (с поправками переписей населения 2002 и 2010 гг. этот прирост составил плюс 1,7 млн человек). В целом по ЮФО и СКФО естественный прирост в 1992–2019 гг. с учетом переписных поправок был близок к нулю.

Приволжский федеральный округ (ПФО) включает 14 территорий, — 6 республик, 1 край и 7 областей. Нижегородская область столкнулась с депопуляцией в 1990 г., Самарская и Кировская области —

в 1991 г., Саратовская область, Пензенская область, Ульяновская область и Республика Мордовия — в 1992 году. Эти 7 регионов ПФО из депопуляции в 1992–2019 гг. не выходили (табл. 3).

Таблица 3

Естественный прирост населения отдельных регионов ПФО, тыс. человек

Table 3

Natural growth in certain regions of the Volga Federal District, thousand people

Регион	1992–2019 гг.	2012–2016 гг.	2017–2019 гг.
Нижегородская область	-735	-63	-48
Самарская область	-421	-27	-32
Саратовская область	-394	-35	-35
Пензенская область	-268	-28	-23
Кировская область	-255	-16	-18
Ульяновская область	-194	-18	-17
Республика Мордовия	-148	-18	-13
В сумме 7 регионов	-2416	- 205	- 185

Источник: Данные Росстата. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://gks.ru/> (дата обращения 20.03.2020).

Пермский край также с 1992 г. был в депопуляции, но в 2012–2016 гг. имел естественный прирост населения 7 тыс. человек. Прочие регионы ПФО вошли в депопуляцию в 1993 г. и выходили из неё республики Башкортостан и Удмуртская — с 2009 по 2016 гг. (33 и 17 тыс. человек соответственно); Республика Татарстан — с 2011 по 2019 гг. (+59 тыс. человек); Республика Марий Эл и Оренбургская область — в 2012–2016 гг. (+3 и +4 тыс. человек соответственно). ПФО в целом за 1992–2019 гг. имел естественную убыль населения 3,25 млн человек (23% потерь страны при доле в численности населения России 20% в 2019 г.). В 2012–2016 гг. естественная убыль населения ПФО составила 98 тыс. человек, в 2017–2019 гг. — 234 тыс. человек. Меньше всех пострадали от депопуляции республики Башкортостан и Татарстан, больше — промышленные области: Нижегородская, Самарская и Саратовская.

В Уральском федеральном округе (УФО) «Тюменский треугольник» — Ханты-Мансийский автономный округ — Югра (ХМАО), Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО) и южная часть (Юг) Тюменской области, в 1992–2019 гг. в це-

лом были в плюсе, их естественный прирост населения за 28 лет составил 301, 124 и 9 (в сумме 433) тыс. человек соответственно. При этом обе автономии в минус ни разу не входили, и только Юг Тюмени в 1993–2006 гг. имел естественную убыль населения 57 тыс. человек. Тюменская область в целом имела в 2012–2016 гг. естественный прирост населения 150 тыс. человек, в 2017–2019 гг. — плюс 63 тыс. человек. В трёх других регионах УФО ситуация была хуже (табл. 4).

УФО за 1992–2019 гг. в целом имел естественную убыль населения 0,53 млн человек (4% потерь страны при доле в численности населения РФ 8% в 2019 г.). В 2012–2016 гг. в округе в целом был естественный прирост населения 147 тыс. человек, в 2017–2019 гг. — плюс 2 тыс. человек.

Сибирский федеральный округ (СФО) и Дальневосточный федеральный округ (ДВО) включают 21 регион. Периодически отдельные регионы СФО передаются в состав ДФО, дабы (помимо прочего) улучшить демографическую картину в последнем. Вследствие данных обстоятельств эти округа удобнее анализировать совместно. Республики Алтай, Тыва и Саха

Таблица 4

Естественный прирост населения отдельных регионов УФО, тыс. человек

Table 4

Natural increase in certain regions of the Urals Federal District, thousand people

Регион	1992–2019 гг.	2012–2016 гг.	2017–2019 гг.
Свердловская область	-492	7	-24
Челябинская область	-336	2	-25
Курганская область	-131	-11	-13
В сумме 3 региона	-960	-3	-61

Источник: Данные Росстата. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://gks.ru/> (дата обращения 20.03.2020).

(Якутия), а также Чукотский автономный по естественному приросту населения не
округ весь постсоветский период в минусе были (табл. 5).

Таблица 5

Естественный прирост населения отдельных регионов СФО и ДФО РФ, тыс. человек

Table 5

Natural increase in certain regions of the Siberian Federal District
and the Far East Federal District, thousand people

Регион	1992–2019 гг.	2012–2016 гг.	2017–2019 гг.
Республика Алтай	27	10	3
Республика Тыва	82	23	11
Республика Саха (Якутия)	166	41	17
Чукотский автономный округ	5	1	0
В сумме 4 региона	279	74	32

Источник: Данные Росстата. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://gks.ru/> (дата обращения 20.03.2020).

Все остальные регионы СФО и ДФО рейская автономная область и Примор-
в 1992–1993 гг. вошли в депопуляцию. Ал-
тайский край, Кемеровская область, Ев-
ский край из депопуляции до 2020 г. не
выходили (табл. 6.)

Таблица 6

Естественный прирост населения отдельных регионов СФО и ДФО РФ, тыс. человек.

Table 6

Natural increase in certain regions of the Siberian Federal District
and the Far East Federal District, thousand people

Регион	1992–2019 гг.	2012–2016 гг.	2017–2019 гг.
Кемеровская область	-412	-22	-36
Алтайский край	-273	-15	-29
Еврейская автономная область	-13	-1	-1
Приморский край	-187	-9	-18
В сумме 4 региона	-885	-47	-84

Источник: Данные Росстата. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://gks.ru/> (дата обращения 20.03.2020).

Забайкальский край был в депопуляции в 1993–2006 гг. (минус 32 тыс. человек). В целом же за 1992–2019 гг. естественный прирост населения в нём был близок к нулю (2012–2016 гг. плюс 16 тыс. человек, в 2017–2019 гг. плюс 2 тыс. человек). Республика Бурятия была в депопуляции в 1993–2005 гг. (минус 14 тыс. человек). В целом за 1992–2019 гг. естественный прирост на-

селения в ней составил 44 тыс. человек, в том числе 27 тыс. человек в 2012–2016 гг. и 9 тыс. человек в 2017–2019 годах. Оба этих региона в конце 2018 г. из Восточной Сибири были переданы в ДФО. Остальные 6 регионов СФО и 5 регионов ДФО с 1993 по 2019 гг. имели естественную убыль населения и выходили из депопуляции на 4–10 лет в 2007–2017 годах (табл. 7).

Таблица 7
Естественный прирост населения регионов Сибири и Дальнего Востока, тыс. человек

Table 7

Natural increase in the regions of Siberia and the Far East of Russia, thousand people

Регион	1992–2019 гг.	2012–2016 гг.	2017–2019 гг.
Республика Хакасия	-30	5	-2
Красноярский край	-167	23	-7
Иркутская область	-111	21	-3
Новосибирская область	-227	10	-10
Омская область	-115	11	-12
Томская область	-44	10	-1
Камчатский край	-3	2	0
Хабаровский край	-109	3	-6
Амурская область	-56	-1	-6
Магаданская область	-7	0	-1
Сахалинская область	-44	0	0
В сумме 11 регионов	-912	85	-48

Источник: Данные Росстата. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://gks.ru/> (дата обращения 20.03.2020).

Вследствие позитивных изменений в возрастной структуре и в демографическом поведении населения территорий СФО и ДВО, заложенных еще в советский период, эти регионы достаточно поздно входили в депопуляцию, рано из неё выходили. Но в целом ситуация с естественным приростом в регионах Сибири и Дальнего Востока остается неудовлетворительной. А без её исправления опережающего демографического развития данных территорий России, по нашему мнению, не произойдёт. В целом по двум округам картина с депопуляцией следующая (табл. 8)

К общим факторам депопуляции, вымирания населения России в 1992–2019 гг. можно отнести следующие. Во-первых, общемировые тенденции: урбанизация, эмансипация, сокращение размеров домохозяйств; сокращение потребности в детях, как следствие — снижение рождаемости [1]. Во-вторых, в 1990-е гг. — как таклизмы переходного периода к капитализму, как итог: скачок смертности и снижение рождаемости [2]; плюс свёртывание демографической политики 1980-х гг. и последовавший за этим анти-тайминг рождений. В-третьих, послевоенные вол-

Таблица 8

Естественный прирост населения макрорегионов Сибири и Дальнего Востока (ДВ), тыс. человек

Table 8

Natural growth in macroregions of Siberia and Far East, thousand people

Регион	1992–2019 гг.	2012–2016 гг.	2017–2019 гг.
СФО-2019 (10 регионов)	-1270	76	-85
ДФО-2019 минус ДВ (3 региона*)	210	84	28
ДВ (8 регионов)	-413	-4	-32
ДФО-2019 (11 регионов)	-203	80	-4
СФО+ДФО (21 регион)	-1473	156	-90

*Республика Бурятия, Забайкальский край и Республика Саха (Якутия).

Источник: Данные Росстата. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://gks.ru/> (дата обращения 20.03.2020).

нообразные изменения возрастной структуры населения и связанных с ней объемов рождений. На конец 1990-х — начало 2000-х гг. пришлась «демографическая структурная яма» второго «эха войны» [3].

В настоящее время в России вновь идет спад демографической структурной волны, приближается структурная яма третьего «эха войны», усугубленная событиями 1990-х гг. Углубляется начавшаяся в 2017 г. депопуляция, размер которой превысит 1 млн человек в сумме за 2017–2020 годы. С 2016 г. численность женщин наиболее активного детородного возраста (25–39 лет) сокращается стремительными темпами. В 2015 г. их было в России максимальное число (почти 18 млн человек), но по среднему варианту прогноза Росстата от 26.12.2019 в 2024 г. будет сокращение до 15 млн человек, к 2030 г. — до 12 млн человек [4].

И ещё об одном обстоятельстве. Как и во второй половине 1980-х гг., весной 2020 г. США вместе с Саудовской Аравией спровоцировали резкое падение цен на нефть и газ. А последние как в 1980-х гг. в СССР, так и в современной России, давали более половины выручки от экспорта. И тогда, и сейчас время было выбрано самое неподходящее для СССР/России — начало демографического структурного спада, и без того ухудшавшего социально-экономическое положение в стра-

не. В конце восьмидесятых это закончилось развалом СССР. Возможно, и сегодня США надеются если не на развал, то на ослабление России, исключение её из конкурентной борьбы за рынки сбыта углеводородов. А COVID-19 в этой истории был катализатором.

Вследствие этих объективных факторов России вновь придется пережить период депопуляции. Он будет не такой глубокий, как в 1990-х гг., так как резкого роста смертности пока не предвидится, даже в условиях пандемии COVID-19. Выход из депопуляции, а также снижение объёмов людских потерь, зависит от системности, научной обоснованности, эффективности, результативности, своевременности, региональной и социальной избирательности проводимых с 2007 г. в России мер демографической политики. О последствиях COVID-19 пока говорить рано, но эти последствия также негативно скажутся на демографии России, причём потери будут не только прямые, но и косвенные, связанные с ухудшением здоровья и ростом смертности населения от «режима самоизоляции» и других побочных последствий пандемии.

Литература и Интернет-источники

1. Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный статистический сборник.— М.: Финансы и статистика, 1987.— 180 с.
2. Демографическая ситуация в России: новые вызовы и пути оптимизации. Национальный демографический доклад. / Под ред. С. В. Рязанцева.— М.: Экон-Информ, 2019.— 79 с.
3. **Рыбаковский Л. Л.** 20 лет депопуляции в России.— М.: Экон-информ, 2014.— 228 с.
4. **Рыбаковский О. Л., Таянова О. А.** Рождаемость населения России и демографические волны // Народонаселение.— 2017.— № 4.— С. 56–66.

Сведения об авторах:

Рыбаковский Олег Леонидович, доктор экономических наук, заведующий отделом демографии Института социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН; главный научный сотрудник Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e- mail: 1246185@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8937-3166.

Фадеева Тамара Андреевна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e- mail: fadeevatoma@gmail.com; ORCID: 0000-0001-9866-5913.

DOI: 10.19181/population.2020.23.3.11

DEPOPULATION IN THE REGIONS OF RUSSIA BY THE BEGINNING OF 2020

Oleg L. Rybakovsky^{1,2*}, Tamara A. Fadeeva¹

¹ *Institute of Socio-Economic Studies of Population, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences
(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russian Federation, 117218)*

² *Institute of Social and Political Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences
(6/1, Fotievoy str., Moscow, Russian Federation, 119333)*

*E-mail: 1246185@mail.ru

Funding:

The study was carried out with the financial support of RFBR, project No. 20-510-00004 Бел_a.

For citation:

Rybakovsky O. L., Fadeeva T. A. Depopulation in the regions of Russia by the beginning of 2020. *Narodonaselenie [Population]*. 2020. Vol. 23. No. 3. P. 119-129. DOI: 10.19181/population.2020.23.3.11

Abstract. *The article summarizes the natural increase / decrease in the population of the regions and macroregions of the Russian Federation for 1992–2019. Depopulation is a steady natural population decline, it's characteristic of most European territories (countries or parts thereof), whose population was heavily affected in World War II. This applies to both sides of the conflict — and fascist Germany (as well as militaristic Asian Japan), on the one hand; and the territories of modern Poland, the Republic of Belarus, Ukraine, the European part of the Russian Federation, parts of the former Yugoslavia, on the other hand. As a result, since the 1970s the population of these territories began to enter a period of depopulation, the excess of mortality over fertility. This*

happened as a result of a downward demographic wave, the so-called «first echo of the Second World War», as well as due to global trends of declining birth rates in the entire developed and rapidly developing world. In general, over the 28 years of the post-Soviet period from the beginning of 1992 to the beginning of 2020, depopulation covered all European regions of Russia with the exception of 5 republics of the North Caucasus and the Republic of Kalmykia. A somewhat different picture was observed beyond the Ural Range. Here, the depopulation in most large industrial regions was primarily due to the post-Soviet migration outflow of the population to the European part of the country—to the capital regions and plains of Southern Russia with a favorable climate. Positive natural growth was only in the oil and gas bearing Tyumen oblast, the Republic of Yakutia (Sakha), Chukotka Autonomous Okrug, as well as in the republics of Southern Siberia, whose indigenous population professes Buddhism. The article presents an analysis for each of the typical groups of Russian regions, provides statistics for 28 years of the demographic (reproductive) development of territories, substantiates conclusions, among which the main one is the following. The decrease in the volume of current and upcoming demographic human losses in Russia depends on the consistency, scientific justification, efficiency, effectiveness and selectivity of the country's demographic policy.

Keywords: regions and macro-regions of Russia, natural increase/decrease, depopulation, fertility and mortality, age structure of the population, demographic policy.

References and Internet sources

1. Narodnoye hozyajstvo SSSR za 70 let. Yubilejnyj statisticheskij sbornik. [National Economy of the USSR for 70 years. Jubilee statistical handbook]. Moscow. Finansy i statistika. [Finances and Statistics]. 1987. 180 p. (in Russ.)
2. Demograficheskaya situatsiya v Rossii: novyye vyzovy i puti optimizatsii. Natsional'nyy demograficheskij doklad. / Pod red. S.V. Ryazantseva [Demographic Situation in Russia: New Challenges and Ways of Optimization. National demographic report]. Ed. S.V. Ryazantsev. Moscow. Econ-Inform. 2019. 79 p. (in Russ.)
3. Rybakovsky L.L. 20 let depopulyatsii v Rossii. [20 Years of Depopulation in Russia]. Moscow. Econ-Inform. 2014. 228 p. (in Russ.)
4. Rybakovsky O.L., Tayunova O.A. Rozhdaemost' naseleniya Rossii i demograficheskiye volny [Fertility in Russia and demographic waves]. *Narodonaselenie* [Population]. 2017. No. 4. P. 56–66. (in Russ.)

Information about the authors:

Rybakovsky Oleg Leonidovich, Dr. Sc. (Econ.), Head of Department, Institute of Socio-Economic Studies of Population, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS; Chief Researcher, Institute of Social and Political Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS, Moscow, Russian Federation.

Contact information: e-mail: 1246185@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8937-3166.

Fadeeva Tamara Andreyevna, Cand. Sc. (Econ.), Senior Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS, Moscow, Russian Federation.

Contact information: e-mail: fadeevatoma@gmail.com; ORCID: 0000-0001-9866-5913.

Статья поступила в редакцию 29.05.2020.

DOI: 10.19181/population.2020.23.3.12

ТЕНДЕНЦИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В РАЙОНАХ РОССИЙСКОЙ ВОСТОЧНОЙ АРКТИКИ

Авдеев Ю.А.*, Сидоркина З.И., Ушакова В.Л.

Тихоокеанский институт географии Дальневосточного отделения РАН
(690041, Россия, Владивосток, ул. Радио, 7)

*E-mail: avdyural@mail.ru

Финансирование:

Статья подготовлена в рамках Государственного задания (регистрационный номер AAA-A16-116110810013-5) и при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-05-60103).

Для цитирования:

Авдеев Ю.А., Сидоркина З.И., Ушакова В.Л. Тенденции демографического развития в районах российской восточной Арктики // Народонаселение. – 2020. – Т. 23. – № 3. – С. 130-144. DOI: 10.19181/population.2020.23.3.12

Аннотация. В работе рассмотрены особенности демографических процессов российской арктической зоны на примере Чукотского автономного округа за период с 1939 по 2019 год. Будущее Арктики во многом зависит от ее демографического потенциала. Рассмотрены вопросы, какой должна быть численность населения территории, как организовано пространство, нужна ли оседлость пришлого населения, или достаточно вахтовой организации производства: что нужно сделать или чего не делать, чтобы образ жизни пришлого и коренного населения оставался в гармонии с окружающей средой, и вместе с тем решались масштабные задачи в интересах страны. В процессе исследования был использован метод построения демографических пирамид для разных временных отрезков, для различающихся между собой по репродуктивному поведению демографических групп населения. Выделены этапы разнокачественных демографических процессов, что позволило установить связь между характером этих процессов и структурой населения. Выявлены особенности формирования демографического потенциала за счет естественного воспроизводства и миграционного движения у коренного и пришлого населения. Оценены изменения в структуре населения на этапе интенсивного притока населения извне до 1990 г., и обвальной убыли в период с 1991 по 2002 год. Данный подход к анализу демографических показателей может быть востребован при разработке стратегических планов социально-экономического развития региона, позволит точнее определить круг проблем, сформулировать цели демографической политики с шагом на два-три поколения вперед, расставить приоритеты и нацелить бюджетные расходы на эффективное достижение результатов.

Ключевые слова: демографический потенциал, миграция, естественный прирост населения, демографические пирамиды, Чукотский автономный округ, Арктическая зона России.

Постановка проблемы

Социально-экономическое развитие северных территорий России в «Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года» отражается в таких характеристиках, как «отрицательные демографические процессы», «отток трудовых ресурсов», «несоответствие сетей социального обслуживания характеру и динамике расселения», «дисбаланс между спросом и предложением трудовых ресурсов», «низкое качество жизни коренных малочисленных народов». Подобные проблемы можно адресовать многим территориям страны от Кавказа до Приморья. В этом один из недостатков подхода к решению проблем регионов с экстремальными природно-климатическими условиями, куда входит более 60% территории страны, и где проживает около 10 млн человек [1].

Арктическая зона существенно отличается от всех других регионов не только по природно-климатическим условиям, но и по структуре населения, территориальной организации производства и расселения. Анализ демографических процессов для таких территорий, если не различать показатели для коренного и пришлого населения, смазывает реальную картину происходящего, и не позволяет объективно оценить остроту проблем. В одних случаях, демографическая ситуация характеризуется особенностями национальных традиций, в других — способностью адаптироваться к местным условиям, спецификой производственной деятельности, и, что немало важно, меняющимся соотношением численности коренного и пришлого населения. Дисбаланс между мужским и женским населением характерен чаще для пришлого населения, являясь следствием структуры производства, занятости, миграционной подвижности, тогда как у коренного населения за весь период наблюдений сохранялась пропорция между полами.

Чукотский автономный округ (ЧАО), как объект исследования демографиче-

ских процессов, наиболее удобен для анализа. Это самостоятельный субъект Российской Федерации, который полностью входит в Арктическую зону; здесь самая низкая плотность населения, где на жителя приходится 15 км² территории, и тем не менее нередки конфликты именно по поводу земли, пастбищ, строительства промышленных объектов; здесь сохранилась наибольшая численность коренных народов, за счет «волн миграции» менявшаяся соотношение с пришлым населением, что сказывалось на структуре населения и демографических показателях. Наконец, успех освоения Арктики во многом будет зависеть от того, каким будет демографический потенциал данной территории. Какой должна быть численность населения этой огромной территории, как должно быть организовано пространство, нужна ли оседлость пришлого населения, или достаточно вахтовой организации производства: что нужно сделать (или чего не делать), чтобы образ жизни пришлого и коренного населения оставался в гармонии с окружающей средой, и вместе с тем решались масштабные задачи в интересах страны? На эти и многие другие вопросы пока ответить не удастся.

Вместе с тем тематика демографических и миграционных процессов населения в районах восточной Арктики в настоящее время не обделена вниманием исследователей [2–9]. Влияние трансформации ресурсопользования на динамику численности населения ЧАО, особенности расселения в округе в советский и постсоветский периоды рассмотрены в работах [10–12]. Изменения в жизни населения на Чукотке в XX веке показано в трудах НИЦ «Чукотка» [13]. В ряде зарубежных изданий освещаются социальные и социально-экологические проблемы развития северных регионов России [14–16].

В качестве информационной базы анализа использовались данные Росстата, в том числе официальная статистическая информация, издаваемая Территориальным органом федеральной службы государственной статистики по Чукотскому

АО. Построение возрастно-половых пирамид для разных временных отрезков позволяет не только оценить текущую демографическую ситуацию, но и увидеть перспективу на два-три поколения вперед. Привлекать разные информационные источники в процессе анализа потребовалось из-за того, что как замечено, «занимаясь демографией народов Севера несколько десятилетий, автор с сожалением должен признать, что база для таких исследований сократилась, если не исчезла прямо на его глазах» [17].

Анализ демографических пирамид, отражающих связь между поколениями, позволяет в более строгой форме оценить будущую динамику населения. Было принято допущение: в городской местности преобладает тип демографического поведения, присущий пришлому населению, тогда как в сельской местности сохраняются традиции коренного населения. Правда, города Чукотки по численности населения заметно отличаются от «материковых» (в оборот даже вошло понятие «северный город» [18]. Самый большой из них Анадырь насчитывал на начало 2019 г. 15,8 тыс. жителей. Но численность в данном случае не столь существенна, сколько важны различия в образе жизни, характере занятости, демографическом поведении городского населения, и тех, кто живет в сельской местности, сохраняя традиционный образ жизни.

В 1939 г. в Чукотском АО преобладало сельское население (82,2%)¹, плюс существовала гендерная диспропорция в структуре городского населения (на 1 тыс. мужчин приходилось 587 женщин), что на то время было определяющим характера демографических процессов. К 1959 г. произошел заметный рост численности за счет пришлого населения, этот процесс продолжался вплоть до 1989 г., когда удельный вес городского населения достиг 72,6%². Изменилась

структура населения, произошло заметное выравнивание соотношения между мужским и женским населением в городе (на 1 тыс. мужчин — 893 женщины). Демографические процессы по своим результатам отличались от предыдущего этапа. Но с 1990 г. начинается резкий отток пришлого населения, который продолжается до 2002 года. Сокращается численность городского населения, вновь изменилось соотношение между пришедшим и коренным населением. После 2003 г. наступает период относительной стабильности, убыль населения минимальна, численность коренного населения даже несколько возросла, а в среде пришлого населения колебания в численности незначительны. Миграция выполняет роль стабилизатора, поддерживая численность населения на одном уровне. Динамика соотношения пришлого и коренного населения Чукотки, изменения в демографической структуре населения, их влияние на процессы воспроизводства и являются предметом рассмотрения в настоящей статье.

Чукотка — плацдарм освоения Арктики

В Чукотском автономном округе (ЧАО) на площади в 3/4 миллиона квадратных километров живет всего 49,7 тыс. человек (на 1 января 2019 г.). На пике своего демографического развития (1989 г.) численность населения ЧАО достигала 163,9 тыс. человек. Уезжало преимущественно население, корни которого находились в других регионах России. Их демографическое поведение отличалось от поведения коренного населения, и результаты воспроизводства для пришлого и местного населения разные. Пока различия в демографических процессах у коренного и пришлого населения сохраняются, важно понять, что способствует устойчивости процессов воспроизводства коренного населения, можно ли использовать этот опыт для адаптации детей пришлого населения, или «дешевле» их растить в менее экстремальных условиях.

¹ Всесоюзная перепись населения 1939 года. Таблица ф. 11. Возрастной состав населения. РГАСЗ. Ф.1562 Оп. 336 Д.607

² Всесоюзная перепись населения 1989 г. Распределение населения СССР и регионов России по полу и возрасту. Чукотский автономный округ.

Горожане, преимущественно занятые в добывающей промышленности, энергетике, сфере обслуживания, управления, отличаются от занятых в традиционных видах деятельности, и идентифицируются как пришлое население. Демографическое поведение коренных жителей, ставших горожанами, ближе к нормам пришлого населения. По данным ВПН-2010 г. численность населения по месту рождения и месту проживания в ЧАО составляла 17830 человек (сельское население — 17794), тогда как численность приехавших

коррективы в их образ жизни, демографическое поведение, что со временем может отразиться на показателях рождаемости и смертности.

В 1939 г. коренное население, составляя более 70%, преимущественно проживало в селе (84,8%). Мужчин было 54,8%, главным образом за счет почти двукратного превышения мужчин в возрасте 25–29 и 30–34 года (1,8 и 1,7 соответственно). Особенно очевидны различия при сопоставлении городского и сельского населения³ (рис. 1).

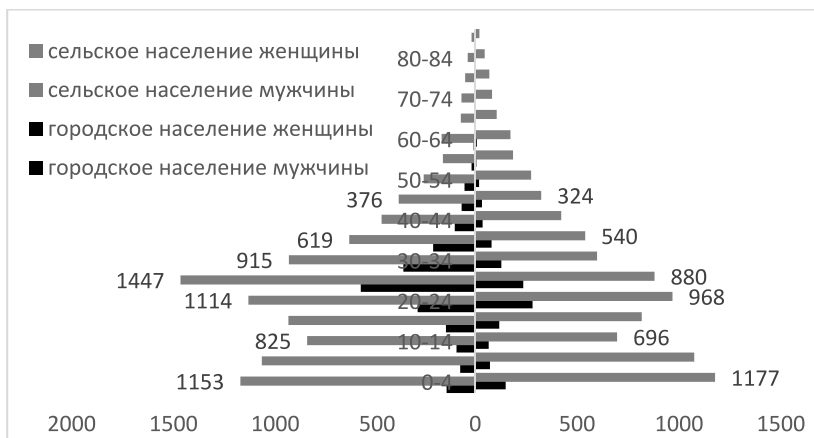

Рис. 1. Соотношение городского и сельского населения в демографической структуре Чукотского автономного округа в 1939 году

Fig. 1. Ratio of urban to rural population in the demographic structure of Chukotka Autonomous Okrug in 1939

Источник: Официальные данные переписи населения СССР 1939 года.

из других регионов страны составляла 28796 человек. При этом все городское население составляло 32734 человек, то есть в это число входит все пришлое плюс около 4 тыс. коренного населения. За последнее десятилетие происходили следующие изменения: к началу 2019 г. сельское население сократилось на 3,3 тыс. человек, тогда как городское возросло на 2,5 тыс. человек. Имея в виду, что численность коренного населения незначительно возросла, значит за эти годы возрос переток сельской молодежи в город, сократилось число тех, кто занимался традиционными видами деятельности. Это внесло свои

Эти различия видны во всех возрастных группах: в младших (до 14 лет) превышение детей в селе по сравнению с городом — десятикратное (5974 человек к 594), в трудоспособном возрасте это превышение составляло 4,1 раза (11083 человек к 2719), тогда как количество жителей пенсионного возраста на селе в 37,5 раз больше чем в городе (1089 человек к 29). В городе минимальное количество детей, преобладание мужского населения в наиболее активных возрастах и минимальное количество пенсионеров, тогда как сельская

³ На данном рисунке и всех последующих, где демонстрируются демографические пирамиды, мужское население — слева от вертикальной оси, женское — справа.

местность характеризуется значительным количеством детей и сохраняющимися гендерными пропорциями во всех возрастных группах.

В следующие двадцать лет население увеличилось на 217%, изменив соотношение между коренным и пришлым населением. Теперь пришлое население составило 69,5%. Численность мужчин в возрастах 20–24, 30–34, 40–49 лет и женщин в возрасте 30–39 лет возросло более чем в три раза, при том, что в возрастах старше 60 лет наблюдалось сокращение как мужского, так и женского населения. Втрое возросшее население в активных возрастах сопровождалось и увеличением числа родившихся. К 1959 г. за десять лет ро-

ние численности наблюдается в этой возрастной группе и на ступеньку выше. Объясняется это тем, что дети, окончив школу, покидают территорию для получения высшего образования в других регионах. Если в 1959 г. таковых было 108 человек, то к 1989 г. их численность возросла до 6 тысяч. Изменение экономической ситуации в 2002 г. привело к сдерживанию отъезда выпускников, мало кто из них стал покидать регион.

За тридцать лет активного прироста численности населения Чукотки увеличилась с 47,2 в 1959 г. до 163,9 в 1989 году. В то же время следует иметь в виду, что скорость прироста падала, что наглядно демонстрирует следующий график (рис. 2).

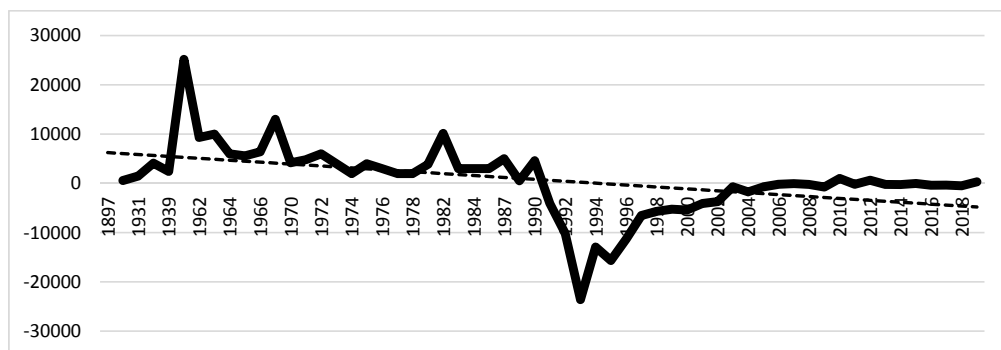

Рис. 2. Прирост численности населения Чукотского автономного округа (1897–2018 годы, человек)

Fig. 2. Population growth in Chukotka Autonomous Okrug (1897–2018), persons

Источник: составлено авторами по данным Росстата и ТО ФГГС Чукотского автономного округа.

дилось столько, сколько на предыдущую дату переписи родилось за 20 лет.

Группа 15–19 лет по сравнению с предыдущей (10–14 лет) и более старшей (20–24 года) демонстрирует заметно меньшую, но возраставшую численность с 1959 по 1989 год. С одной стороны, сюда докатилось эхо Великой Отечественной войны: возрастные группы от 15 до 24 лет по численности меньше более молодых и старших на 40–60%. На следующем этапе (с 2002 г.) эта тенденция прерывается, и численность молодых людей увеличивается, но дальше (2010, 2017 гг.) возвращается в прежнее русло, правда теперь сниже-

тем не менее, за три десятилетия шло последовательное формирование относительно устойчивой демографической структуры, в которой население в экономически (и демографически) активных возрастах (мужчины—20–59 лет, а женщины—20–54 года) возросло в 3,2 раза, диспропорция полового состава сократилась со 154 мужчин на 100 женщин до 117. Население в возрасте до 19 лет с 1959 г. по 1970 г. возросло на 247%, а далее по убывающей 1970 г. к 1979 г.—на 147%, 1979 г. к 1989 г.—на 116%. По соотношению полов до 19-летнего возраста преобладание мужского населения не превышало 6–7%

(за исключением 1970 г., когда оно составило 17%).

Важным этапом в развитии демографических процессов ЧАО является период с 1989 по 2002 г., когда регион терял население (рис. 3).

демографическая структура населения, что можно увидеть, сравнивая примерно равную по общей численности населения ситуацию в 1959 и 2017 гг. (разница в численности составляет 2,1 тыс. человек). За сопоставимой демографической ситуации

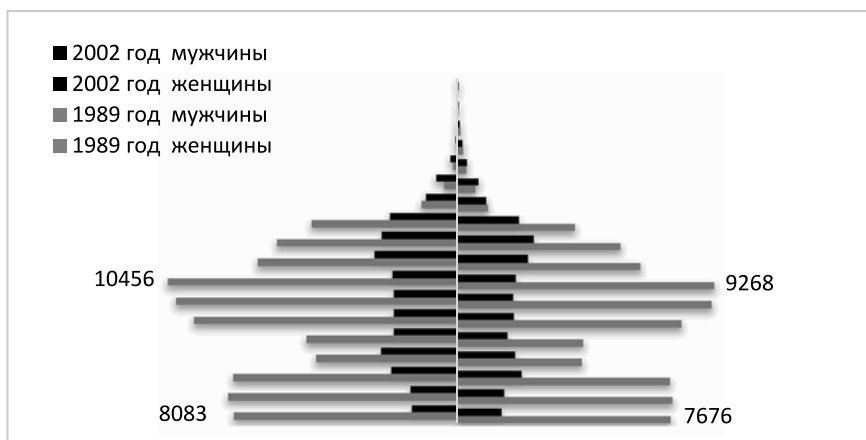

Рис. 3. Демографическая структура населения Чукотского автономного округа в 1989 и 2002 годах, человек

Fig. 3. Demographic structure of the population of Chukotka Autonomous Okrug in 1989 and 2002, persons

Источник: составлено авторами по данным территориального органа Росстата в Чукотского автономном округе.

Уезжали семьи: численность детей в возрасте до 10 лет сократилась на 80%, на 70% уменьшилась группа 10–14 лет. Существенными потери были и в возрастах 15–19 и 20–24 года: от 46 до 58% численности этих групп. Наиболее ощутимые потери происходили в самой активной части населения: в возрастных группах от 25 до 39 лет от прежней численности осталось меньше четверти. В группах 40–54 года, т.е. предпенсионного возраста, число уехавших меньше: женщин 50–54-летнего возраста осталось 53%, мужчин от 55 до 59 лет — 87,4%. А людям за пределами трудоспособного возраста, просто и уезжать некуда — их численность даже возросла у женщин на 10%, а у мужчин — на 54%.

Затем волна миграционного оттока спала, и уже второе десятилетие численность населения ЧАО сохраняется на уровне около 50 тыс. человек (рис. 4). Но при этом важно понять, как изменилась

ей скрываются серьезные качественные различия: количество детей в возрасте до 9 лет увеличилось с 3 до 9%, сократилась численность молодежи 14–29 лет на 25–36%. В возрастных группах 30–39 лет сохранилась почти прежняя численность, только 30–34-летних мужчин стало больше на 7%. Численность 40–54-летних сократилась с 16 до 30%, а пенсионеров — возросла в 2–2,5 раза. Усилился дефицит трудовых ресурсов, при самой высокой занятости по стране.

К 2030–2035 гг. в трудоспособный возраст вступит малочисленное население последних лет рождения, а выбытие старших возрастов ускорится, что неизбежно приведет к сокращению численности на 25–30%. Для региона это может оказаться более острой проблемой, чем та, с которой региону пришлось столкнуться в 90-х гг., когда он потерял две трети своего населения.

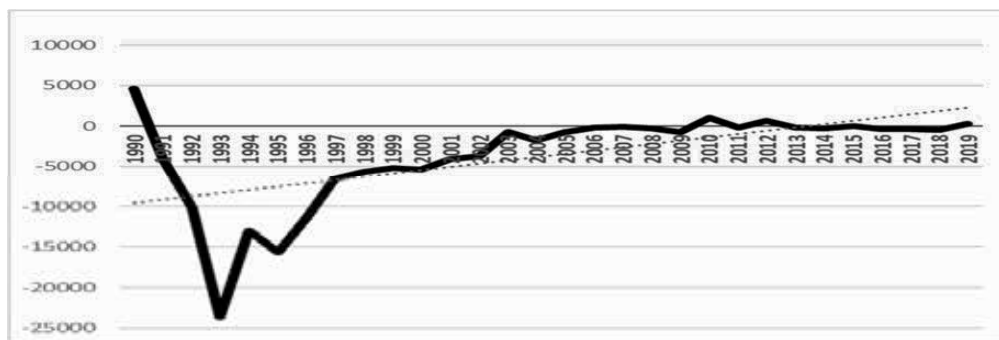

Рис. 4. Динамика прироста населения Чукотского автономного округа, человек

Fig. 4. Population growth dynamics in Chukotka Autonomous Okrug, persons

Источник: составлено авторами по данным Росстата.

Деформация демографической структуры характерна для городского и сельского населения. За 20 лет (1939–1959 гг.), с учетом мобилизации мужского населения в годы войны (потери коренного населения к 1959 г. составили 3,2 тыс. человек), а далее и до настоящего времени наблюдался небольшой рост численность коренного населения. В городах, переживших интенсивный приток, затем резкий отток, и возврат к исходной численности, заметно сократилась активная часть мужского населения 20–35-лет, и возросла численность людей предпенсионного возраста и пенсионеров. Сокращение активной части мужчин в сельской местности, как и уменьшившееся население младших возрастов привело к сокращению рождаемости.

Таким образом, динамика численности населения Чукотки характеризуется относительно интенсивным приростом в советское время, обвальным оттоком населения в результате смены экономической парадигмы развития страны в 1990-е гг., и устойчивым состоянием демографического потенциала на протяжении двух последних десятилетий. Регион по численности населения вернулся в начало 1960-х гг. прошлого века. Является ли нынешняя ситуация оптимальной, необходимо ли поддерживать ее дальше, или малочисленное население для такой территории является серьезной проблемой?

Тенденции естественного воспроизводства

В Концепции демографической политики для Дальнего Востока на период до 2025 г. (утверждена распоряжением Правительства России № 1298-р от 20 июня 2017 г.) приоритет традиционно отдан естественному воспроизводству населения. Чукотский автономный округ и Республика Саха (Якутия), у которых общий коэффициент рождаемости в 2017 г. составлял соответственно 13,1 и 14,5‰ (для сельской местности он выше: 17,6 и 16,0‰). При относительно низком уровне смертности (9,4 и 8,1‰) это обеспечивало небольшой естественный прирост (3,7‰). Тенденция естественного воспроизводства населения последних лет на Чукотке положительная: общий коэффициент рождаемости (ОКР) в 2017 г. достиг 13,1‰ (рис. 5). Это второй результат по ДФО и четырнадцатый — по Российской Федерации. Суммарный коэффициент рождаемости за 2011–2017 гг. возрос с 1,812 до 2,079, что заметно выше, чем по стране в среднем (с 1,582 до 1,621 ребенка на одну женщину).

При сохранении уровня рождаемости 2017 г. в среднем одна женщина в ЧАО в течение репродуктивного периода (15–49 лет) родила бы более 2 детей. Но прогноз дает снижение как абсолютного числа родившихся, так и общего ко-

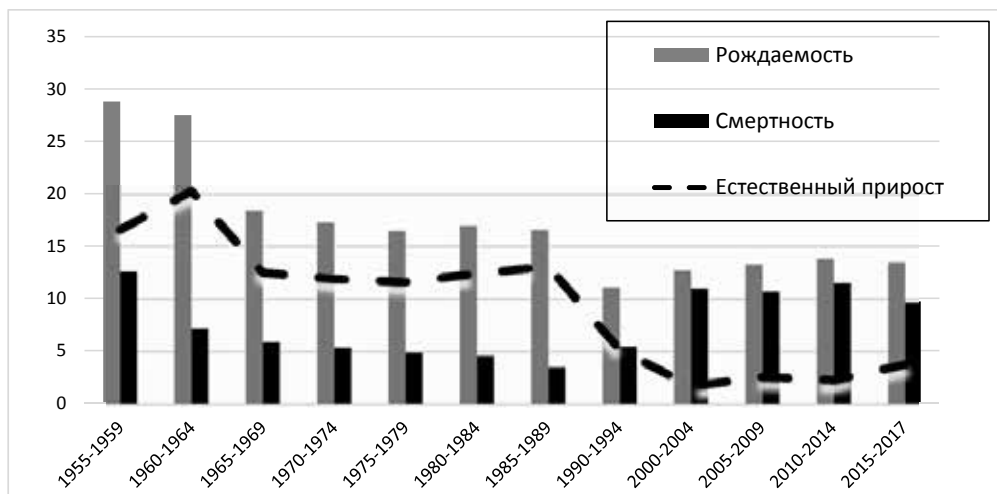

Рис. 5. Динамика естественного прироста населения Чукотского автономного округа, %

Fig. 5. Dynamics of the population natural increase in Chukotka Autonomous Okrug, %

Источник: составлено авторами по данным Росстата.

эффицента рождаемости: в 2025 г. — до 1,932, а к 2035 г. — до 1,854⁴, что объясняется структурой поколения 1990-х годов. У городского населения СКР значительно ниже простого воспроизводства и сегодня: повышенный уровень рождаемости обеспечивает сельское население, где наблюдается расширенное воспроизводство: в 2017 г. на женщину репродуктивного возраста пришлось более 6,081 детей⁵. Пик рождаемости на селе приходится на возраст 20–24 года (780 рождений на 1000 женщин данной возрастной группы), тогда как в городе максимальное число рождений приходится на следующую возрастную группу 25–29 лет, но с более скромным результатом (127 на 1000 населения). Средний возраст матерей для городских поселений (28,8 лет) и для сельской местности (24,2) дополнительно подтверждает различие в процессах воспроизводства населения в регионе. Региональной осо-

бенностью процесса рождаемости в Чукотском автономном округе является высокая доля внебрачных рождений. По этому показателю округ занимает первое место среди дальневосточных субъектов — 40,2% от общего числа родившихся, и второе место по Российской Федерации.

В динамике смертности населения Чукотки отмечается три периода: первый (1954–1960 гг.) — резкий рост общего коэффициента смертности до 12%, когда население значительно увеличилось за счет приезжих, не адаптированных к местным условиям. Второй период (1961–1990 гг.), когда коэффициент смертности в округе удалось сократить до 3,9% [12. С. 226]; с одной стороны, благодаря улучшению медицинского обслуживания, а с другой — в результате сокращения удельного веса населения пенсионного возраста. И третий период — с 1991 г. и до настоящего времени — увеличение общего коэффициента смертности, который в 2010–2017 гг. достигал уровня 13,8–9,4%⁶. При этом, самые высокие показатели коэффициента смертности отмечаются в районах преимуще-

⁴ Демографический ежегодник России, 2010. Стат. сб. / Росстат. — М., 2010 — 525 с.

⁵ Предположительная численность населения Российской Федерации до 2035 года. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1 (дата обращения: 30.07.2019).

⁶ Демографический ежегодник России, 2010. Стат. сб. / Росстат. — М., 2010 — 525 с.

ственного проживания коренного населения (Чукотский, Providенский, Анадырский районы), а низкие — в районах проживания пришлого (преимущественно городского) населения (Билибинский и Чаунский районы).

ЧАО характеризуется более высоким уровнем смертности населения в трудоспособном возрасте, повышенной смертностью от внешних причин, а также «сверхсмертностью» мужчин в трудоспособном возрасте (в 2013–2016 гг. этот показатель в 1,8 раза превышал аналогичный показатель для женщин). Длительное время сохраняется относительно высокая доля умерших от несчастных случаев, отравлений и травм, то есть от внешних причин.

В 2013–2017 гг. в округе произошло значительное снижение младенческой смертности (в 2,2 раза) по сравнению с РФ (1,5 раза) и ДФО (1,9 раза). И все же уровень младенческой смертности в ЧАО остается высоким (10,7%). По этому показателю он занимает второе место после Еврейской автономной области (10,8%). Об уровне неблагополучия для детей в первые годы жизни на Чукотке свидетельствует статистика вероятности смерти с момента рождения до 5 лет, причем обращает на себя внимание тот факт, что для города этот показатель мало чем отличается от других территорий (9,4%), тогда как для коренного населения этот показатель самый высокий (39,6%) среди субъектов федерации ДФО (84 место среди субъектов РФ).

По показателю ожидаемой продолжительности жизни Чукотка существенно отстает даже от аутсайдеров. Особенно, когда речь идет о мужском населении сельской местности, где ожидаемая продолжительность жизни при рождении в 2018 г. составляла 46,85 лет⁷! Такого нет ни на одной территории Российской Федерации.

⁷ Управление Федеральной службы государственной статистики по Хабаровскому краю, Магаданской области, Еврейской автономной области и Чукотскому автономному округу. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://habstat.gks.ru/folder/27977> (дата обращения: 30.07.2019).

Влияние миграции на демографическую ситуацию

В первой половине 1990-х гг. население Чукотского автономного округа сократилось на 39,5%, при этом миграционный пик пришелся на 1992 г., когда округ потерял 23,3 тыс. человек, или 14,5% от общей численности округа. Во второй половине 1990-х гг. миграционный отток замедлился, но все же оставался высокими (рис. 6).

Для Чукотки характерна межрегиональная миграция, здесь самый высокий показатель среди дальневосточных субъектов (82,2% — по прибытию, 84,6% — по выбытию в 2017 г.). По коэффициенту миграционной убыли округ (–13,2 на 10000 населения) занимает последнее место среди 85 субъектов Российской Федерации. Для отдельных территорий ЧАО потери существенно различаются по итогам 1990-х гг. и десятилетиями нынешнего столетия. Так, в Иультинском и Чаунском районах, где преобладало пришлое население, в результате миграционного оттока в период с 1990–2002 гг. население сократилось более чем на 77% [11], а за 2002–2017 гг. — на 29%. С 2000-х гг. отмечается заметное сокращение убыли населения ЧАО из-за миграций, но с 1989 по 2017 г. численность населения сократилась на 114,6 тыс. человек, или на 69,9% (наибольшие потери населения в России).

Наименьшее сокращение численности населения из-за миграций отмечалось в Анадыре, как административном центре округа (37%), и Чукотском — исключительно сельском — районе (34,7%). Более того, с 2002 г. в Анадыре и по настоящее время наблюдается прирост населения, который за пятнадцать лет составил 4,6 тыс. человек. Поток внутрирегиональных мигрантов ориентирован на окружной центр, где имеются возможности трудоустройства, образования. Вместе с тем, отток населения за пределы ЧАО не компенсируется естественным приростом, который в 2017 г. составил 3,7%⁸.

⁸ Демографический ежегодник России, 2017. Стат. сб. / Росстат. — М., 2017 — 263 с.

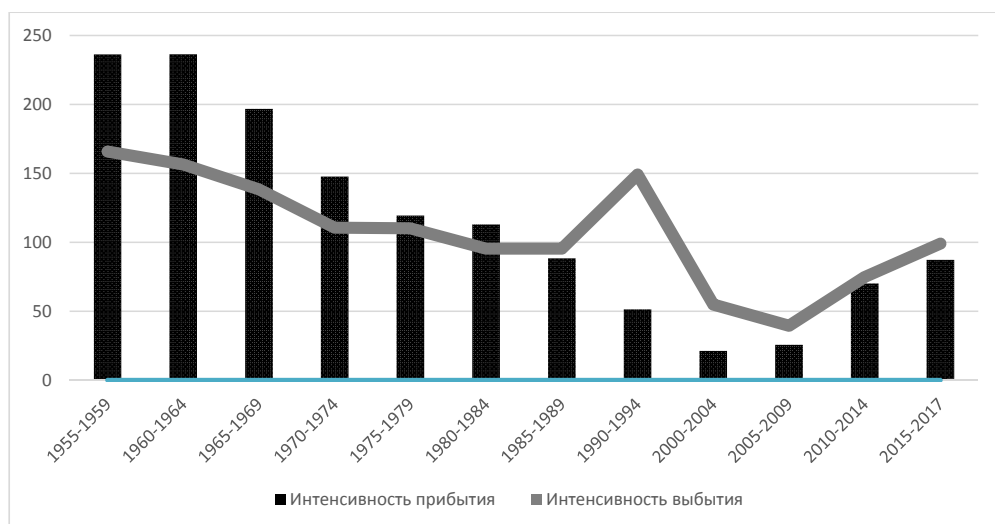

Рис. 6 Динамика интенсивности прибытий и выбытий на территории Чукотского автономного округа, на 10000 населения

Fig. 6. Dynamics in the intensity of arrivals and departures in the territory of Chukotka Autonomous Okrug, per 10000 population

Источник: составлено авторами по: Регионы России, 2018. Стат. сб. / Росстат. — М., 2018. — 1162 с. и данные НИЦ «Чукотка».

Выводы

Какие изменения демографических процессов в Чукотском автономном округе можно ожидать в ближайшие 15 лет, и чем отличаются наши расчеты от официальных прогнозов Росстата? Из анализа структуры женского населения следует, что в городской местности численность возрастной группы 15–29 лет практически сохранится (было — 3223, станет 3209 человек), тогда как группа 30–44 года сократится на 29,5% (было 4552, станет 3209 человек). То есть, основной потенциал воспроизводства городского населения уменьшится примерно на 1/3. В сельской местности численность женского населения в возрастной группе 15–29 лет увеличится более чем в 2 раза, но на 60% сократится группа 30–44 лет. Ожидаемый прирост численности женщин в фертильных возрастах на селе вряд ли существенно повлияет на динамику численности населения региона в целом, поскольку их доля не превышает 30%.

Анализ показал, что наиболее устойчивой была структура населения, в которой преобладало пришлое население, когда диспропорция между мужским и женским населением была минимальной, численность детского населения росла, а количество пенсионеров сокращалось. Тенденция роста численности городского населения также является дополнительным фактором сокращения рождаемости. Численность возрастных групп населения 30–44 лет через 15 лет уменьшится более чем на 60%, тогда как людей старше 60 лет возрастет почти в 3 раза, что неизбежно приведет к росту показателей смертности. Поэтому, даже такой незначительный рост численности населения Чукотки к 2025 г. в 6,0 тыс. человек, который был зафиксирован в Концепции демографической политики для Дальнего Востока⁹, вряд ли будет достижим.

Росстат в прогнозах на 2036 г. по трем

⁹ Концепция демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://government.ru/docs/28228/> (дата обращения: 30.07.2019).

вариантам дает снижение численности населения Чукотки в пределах 5–10%, но по нашим данным сокращение может составить 20–25%, что не может не вызывать тревогу, и требует принципиального пересмотра подхода к демографической политике региона. При всей важности решения проблем воспроизводства населения в части сохранения, увеличения численности населения региона, для реализации программы освоения Арктики дополнительные рабочие руки здесь требуются уже сегодня. А это возможно только за счет притока населения извне, за счет активной миграционной политики. И это не вопрос выбора альтернативы: стимулировать рождаемость, снижать смертность, бороться за продолжительность жизни или привлекать мигрантов? Это вопрос разделения зон ответственности между субъектами разного уровня, и концентрации ресурсов на решении определенных задач. Все, что связано с воспроизводством насе-

ления — задача субъекта федерации, подкрепляемая ресурсами соответствующих Национальных проектов.

А наращивание производственного потенциала, создания новых рабочих мест, и соответствующей социальной инфраструктуры — это предмет заботы прежде всего государственных корпораций, ориентированных на освоение Арктики, и их участия в организации набора специалистов (через повышение эффективности механизмов миграционной политики) для реализации своих замыслов. Для тех и других, разумеется, определяющими будут собственная стратегия и выбор приоритетов, но принципиально важно, чтобы они при этом совпадали с интересами государственного и регионального развития, и исходили из понимания закономерностей фундаментальных процессов, включая и демографические.

Литература и Интернет-источники

1. Население северных регионов: от количественных показателей к качественному измерению / отв. ред. В.В. Фаузер. — Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2016. — 240 с.
2. **Рыбаковский Л.Л., Кожевникова Н.И.** Восточный вектор демографического развития России // Народонаселение. — 2015. — № 1. — С. 4–16.
3. **Рыбаковский Л.Л., Савинков В.И., Кожевникова Н.И.** Демографическое развитие азиатской России в XX—XXI вв.: оценка результатов // Социологические исследования. — 2018. — № 11. — С. 64–74. DOI: 10.31857/S013216250002786-7
4. **Рыбаковский О.Л., Таюнова О.А.** Миграционная ситуация на Дальнем Востоке России в начале XXI века // Народонаселение. — 2019. — № 3. — С. 4–14. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00023
5. **Сукнева С.А.** Арктическая зона Северо-Востока России: проблемы демографического развития // Региональная экономика: теория и практика. — 2013. — Т. 11 — № 25. — С. 13–16.
6. **Мостахова Т.С.** Региональная специфика воспроизводства населения северного региона и приоритеты демографической политики // Региональная экономика: теория и практика. — 2017. — Т. 15. — № 4. — С. 784–798. DOI:10.24891/re.15/4/784
7. **Мотрич Е.Л.** Население Дальнего Востока России / отв. ред. П.А. Минакир. — Владивосток-Хабаровск: ДВО РАН, 2006. — 224 с.
8. **Пилясов А.Н.** Закономерности и особенности освоения Северо-Востока России (ретроспектива и прогноз). — Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1996. — 145с.

9. Российская Арктика: коренные народы и промышленное освоение. / Под редакцией В. А. Тишкова. Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. — М.; СПб.: Нестор-История, 2016. — 272 с.
10. **Литвиненко Т. В.** Социально-экологические последствия трансформации использования природных ресурсов в восточной части России в постсоветский период // Известия РАН. Сер. Географическая. — 2012. — № 3. — С. 40–53.
11. **Литвиненко Т. В.** Постсоветская трансформация ресурсопользования и ее влияние на динамику населения в Чукотском автономном округе // Известия РАН. Сер. Географическая. — 2013. — № 2. — С. 30–42.
12. **Кумо К., Литвиненко Т. В.** Население Чукотки в пространстве и времени // Российские регионы: взгляд в будущее. — 2016. — № 3(8). — С. 50–66.
13. Природа и ресурсы Чукотки // Труды НИЦ «Чукотка». Вып. 5. — Магадан: СВНЦ ДВО РАН, 1997. — 130 с.
14. **Khantashkeeva T., Murota T.** Post-Soviet Transition of Russian Far East: Its Economic/ Environmental Diversity in International Perspectives. Doshisha University World Wide Business Review. Vol. 5. Special Issue, Kyoto, Japan. 127 p.
15. **Litvinenko T. V., Murota T.** The Spatial Transformation of Natural Resource Utilization and Associated Social and Ecological Problems: A Field Study on Eastern Siberia and the Russian Far East. Siberia: Interdisciplinary Journal of Siberian Studies. 2009. Vol. 8. No. 3. P. 22–52.
16. **Litvinenko T. V., Murota T.** Natural Resources Development in East Siberia and Far East of Russia: A Field Study from Social and Ecological Viewpoint. Doshisha University World Wide Business Review. V. 10. Special Issue, Kyoto, Japan. 118 p.
17. **Богоявленский Д. Д.** Демография народов Севера России в начале XXI столетия. Опубликовано 02.09.2018. Институт демографии НИУ-ВШЭ. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://csipn.ru/glavnaya/actual/4117#.XmUBZm5uJN4> (дата обращения: 12.01.2019).
18. **Волосникова Е. А.** Северный город: новая трактовка понятия // Социум и власть. — 2011. — № 2(30). — С. 19–23.

Сведения об авторах:

Авдеев Юрий Алексеевич, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории социальной и медицинской географии, Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, Владивосток, Россия.

Контактная информация: e-mail: avdyural@mail.ru; ORCID: 0000-0003-0379-9914; Researcher ID Web of Science: K-5937-2018.

Сидоркина Зинаида Ивановна, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории социальной и медицинской географии, Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, Владивосток, Россия.

Контактная информация: e-mail: sidorkina@tigdvo.ru; ORCID: 0000-0003-4115-464X;; Researcher ID Web of Science: K-4996-2018.

Ушакова Валентина Леонидовна, научный сотрудник лаборатории социальной и медицинской географии, ФГБУН Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, Владивосток, Россия.

Контактная информация: e-mail: ushakova@tigdvo.ru; ORCID: 0000-002-4916-3973; Researcher ID Web of Science: G-2338-2015.

DOI: 10.19181/population.2020.23.3.12

DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT TRENDS IN THE RUSSIAN EASTERN ARCTIC

Yury A. Avdeev*, Zinaida I. Sidorkina, Valentina L. Ushakova

*Pacific Geographical Institute of the Far Eastern Branch RAS
(7 Radio str., Vladivostok, Russian Federation, 690041)*

*E-mail: avdyural@mail.ru

Funding:

The article was prepared within the framework of the State task (registration number AAAA-A16-116110810013-5) and with financial support of the RFFI (project No. 18-05-60103).

For citation:

Avdeev Yu. A., Sidorkina Z.I., Ushakova V.L. Demographic development trends in the Russian Eastern Arctic. *Narodonaselenie [Population]*. 2020. Vol. 23. No. 3. P. 130-144. DOI: 10.19181/population.2020.23.3.12 (in Russ.)

Abstract. *The paper considers the features of the demographic processes in the Russian Arctic zone by the example of Chukotka Autonomous Okrug in the period from 1939 to 2017. The future of the Arctic depends in large part on its demographic potential. What should be the population of the territory, how the space is organized, whether the population is needed, or enough of the watch organization of production: what should be done (or what not to do) so that the way of life of the native and the indigenous population remained in harmony with the environment, and at the same time solved large-scale tasks in the interests of the country. The study uses the method of constructing and comparing demographic pyramids for different time periods. There are specified demographic groups that differ in their reproductive behavior. On this basis, time periods were identified, within which demographic processes were going in different ways that allows us to assess the relationship between the nature and outcome of these processes and the structure of population at different stages of history. Based on the prospective analysis of the demographic processes in the territory of development of this part of the country, there was revealed the specific in the dynamics and features of the formation of the demographic potential through natural reproduction and migration movement of the indigenous people and newcomers. The authors examined the changes in the population structure at the time of population growth due to intensive arrivals before 1990 and the dramatic decrease as a result of the outflow in the 1990 s, which significantly changed the structure of the population, the ratio between different groups. This approach to analysis of demographic indicators may be used in elaboration of strategic plans for socio-economic development of the region. It gives an adequate assessment of the current situation, helps to formulate in strategic documents the goals and objectives of socio-economic development, to determine the priorities in the regional demographic policy.*

Keywords: *demographic potential, migration, natural population growth, demographic pyramids, Chukotka Autonomous Okrug, Russian Arctic zone.*

References and Internet sources

1. Naseleniye severnykh regionov: ot kolichestvennykh pokazateley k kachestvennomu izmereniyu [*Population of the Northern Regions: from Quantitative Indicators to Qualitative Measurement*]. Ed. W. W. Fauzer. Syktyvkar. [SGU im. Pitirima Sorokina] Pitirim Sorokin Syktyvkar State University. 2016. 240 p. (in Russ.)
2. Rybakovsky L. L., Kozhevnikova N. I. Vostochnyy vektor demograficheskogo razvitiya Rossii [Eastward vector of the demographic development of Russia]. *Narodonaselenie [Population]*. 2015. No. 1. P. 4–16. (in Russ.)
3. Rybakovsky L. L., Savinkov V. I., Kozhevnikova N. I. Demograficheskoye razvitiye Aziatskoy Rossii v XX–XXI vekah: otsenka rezul'tatov [Demographic development of Asian Russia in the 20–21st. centuries: assessment of the results]. *Sotsiologicheskiye Issledovaniya [Sociological Studies]*. 2018. No. 11. P. 64–74. (in Russ.) DOI: 10.31857/S013216250002786–7
4. Rybakovsky O. L., Tayunova O. A. Migratsionnaya situatsiya na Dalnem Vostoke Rossii v nachale XXI veka [Migration situation in the Far East of Russia at the beginning of the 21st century]. *Narodonaselenie [Population]*. 2019. No. 3. P. 4–14. (in Russ.) DOI: 10.24411/1561–7785–2019–00023
5. Sukneva S. A. Arkticheskaya zona Severo-Vostoka Rossii: problemy demograficheskogo razvitiya [Arctic zone of the North-East of Russia: problems of the demographic development]. *Regionalnaya ekonomika: teoriya i praktika. [Regional Economics: Theory and Practice]*. 2013. Vol. 11. No. 25. P. 13–16. (in Russ.)
6. Mostakhova T. S. Regional'naya spetsifika vosproizvodstva naseleniya severnogo regiona i priority demograficheskoy politiki [Regional characteristics of population reproduction in the Northern region and priorities of the demographic policy]. *Regionalnaya ekonomika: teoriya i praktika [Regional Economics: Theory and Practice]*. 2017. Vol. 15. No. 4. P. 784–798. (in Russ.) DOI:10.24891/re.15/4/784
7. Motrich E. L. Naselenie Dalnego Vostoka [*Population of the Russian Far East*]. Ed. P. A. Minakir. Ed. P. A. Minakir. Vladivostok-Khabarovsk. DVO RAN [Far Eastern Branch RAS]: 2006. 224 p. (in Russ.)
8. Pilyasov A. N. Zakonomernosti i osobennosti osvoeniya Severo-Vostoka Rossii [*Regularities and Specifics of Development of the North-East of Russia (retrospect and forecast)*]. Magadan. DVO RAN [Far Eastern Branch RAS]. 1996. 145 p. (in Russ.)
9. Rossiiskaya Arktika: korennyye narody i promyshlennoe osvoeniye [*Russian Arctic: Indigenous Peoples and Industrial Development*]. Ed. V. A. Tishkov. Institut etnologii i antropologii im. N. N. Miklukho-Maklaya RAN [Mikluho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology RAS]. Moscow, St. Petersburg. Nestor-Istoriya [Nestor History]. 2016. 272 p. (in Russ.)
10. Litvinenko T. V. Sotsialno-ekologicheskiye posledstviya transformatsii ispol'zovaniya prirodnih resursov v vostochnoy chasti Rossii v postsovet'skii period [Socio-ecological consequences of the transformation of natural resources utilization in the Eastern part of Russia in the post-soviet period]. *Izvestiya Rossiiskoy Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya [RAS News. Series: Geography]*. 2012. No. 3. P. 40–53. (in Russ.)
11. Litvinenko T. V. Postsovet'skaya transformatsiya resursopol'zovaniya i yeyo vliyaniye na dinamiku naseleniya v Chukotskom Avtonomnom Okruge [Post-Soviet transformation of the natural resources utilization and its impact on the population dynamics in Chukotka Autonomous Okrug]. *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya [RAS News. Series: Geography]*. 2013. No. 2. P. 30–42. (in Russ.)
12. Kymo K., Litvinenko T. V. Naseleniye Chukotki v prostranstve i vremeni [The population of Chukotka in space and time]. *Rossiyskiye regiony: vzglyad v budushcheye [Russian Regions: a Look into the Future]*. 2016. No. 3. P. 50–66. (in Russ.)
13. Priroda i resursy Chukotki [*Nature and Resources of Chukotka*]. Trudy NITS «Chukotka» [Proceeding of the Research Center Chukotka]. Issue 5. Magadan. DVO RAN [Far Eastern Branch RAS]. 1997. 130 p. (in Russ.)
14. Khantashkeeva T., Murota T. Post-Soviet transition of Russian Far East: Its economic/environmental diversity in international perspectives. *Doshisha University World Wide Business Review*. Vol. 5. Special Issue. Kyoto. Japan. 2008. 127 p.

15. Litvinenko T. V., Murota T. The Spatial transformation of natural resource utilization and associated social and ecological problems: A field study on Eastern Siberia and the Russian Far East. *Siberia: Interdisciplinary Journal of Siberian Studies*. 2009. Vol. 8. No. 3. P. 22–52.
16. Litvinenko T. V., Murota T. Natural resources development in East Siberia and Far East of Russia: A field study from social and ecological viewpoint. *Doshisha University World Wide Business Review*. Vol. 10. Special Issue. Kyoto. Japan. 2008. 118 p.
17. Bogoyavlensky D. D. Demographics of the peoples of the North of Russia at the beginning of the 21st century. Published 02.09.2018 Institute of Demography. Higher School of Economics. Available at: <http://csipn.ru/glavnaya/actual/4117#.XmUBZm5uJN4> (Accessed: 12 January 2019). (in Russ.)
18. Volosnikova E. A. Severnyy gorod: novaya traktovka ponyatiya [Northern city: a new interpretation of the concept]. *Sotsium i vlast' [Society and Power]*. 2011. No. 2(30). P. 19–23. (in Russ.)

Information about the authors:

Avdeev Yury Alekseevich, Cand. Sc. (Econ.), Leading Researcher, Pacific Geographical Institute, Far Eastern Branch RAS, Vladivostok, Russian Federation.

Contact information: e-mail: avdyural@mail.ru; ORCID: 0000-0003-0379-9914; Researcher ID Web of Science: K-5937-2018.

Sidorkina Zinaida Ivanovna, Cand. Sc. (Geogr.), Leading Researcher, Pacific Geographical Institute, Far Eastern Branch RAS, Vladivostok, Russian Federation.

Contact information: e-mail: sidorkina@tigdvo.ru; ORCID: 0000-0003-4115-464X; Researcher ID Web of Science: K-4996-2018.

Ushakova Valentina Leonidovna, Researcher, Pacific Geographical Institute, Far Eastern Branch RAS, Vladivostok, Russian Federation.

Contact information: e-mail: ushakova@tigdvo.ru; ORCID: 0000-002-4916-3973; Researcher ID Web of Science: G-2338-2015.

Статья поступила в редакцию 31.01.2020.

DOI: 10.19181/population.2020.23.3.13

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕСПУБЛИКИ КАРАКАЛПАКСТАН

Джумабаева Ш. Х.

Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека
(100174, Узбекистан, Ташкент, ул. Университетская, 4)

E-mail: djumabaeva.shoira@gmail.com

Для цитирования:

Джумабаева Ш. Х. Демографический потенциал Республики Каракалпакстан // Народонаселение. — 2020. — Т. 23. — № 3. — С. 145-154. DOI: 10.19181/population.2020.23.3.13

Аннотация: В статье анализируются динамика численности и состава населения, естественный прирост, рождаемость и смертность, брачность и разводимость, миграции населения в одном из регионов Узбекистана — Республике Каракалпакстан. В последние десятилетия в Каракалпакстане наблюдается снижение естественного прироста населения, хотя его уровень все еще относительно высок. Анализ динамики рождаемости показывает, что в Каракалпакстане на протяжении более четверти века общий коэффициент рождаемости снизился очень значительно. Изменяющееся отношение женщин к количеству детей сильно связано с изменением их роли в обществе и в семье — расширением участия женщин в общественном производстве, повышением осведомленности и использованием современных методов предотвращения нежелательной беременности. Это является основными факторами перехода молодых семей от многодетности к среднететности и малодетности. Уровень смертности отражает состояние здоровья населения. В течение последней четверти века система здравоохранения развивалась, но заболеваемость многими болезнями выросла. Коэффициенты младенческой, детской и материнской смертности остаются относительно высокими. По показателю младенческой смертности Каракалпакстан занимает одно из ведущих мест в Узбекистане. Частично это может быть объяснено плохой экологической ситуацией. Также влияет на демографические процессы количество зарегистрированных браков и разводов: с начала 1990-х гг. брачность снизилась, а разводимость — почти не изменилась. Также в статье анализируется динамика миграционных процессов с момента обретения независимости Узбекистана. В частности, выявлены высокая доля выезжающих мигрантов, отрицательное сальдо миграции, интенсивность внешних миграций. Среди важнейших причин, побуждающих население переехать с одного места на другое, выделены социально-экономические причины.

Ключевые слова: численность населения, возрастной и половой состав, рождаемость, смертность, брак, развод, внутренняя и внешняя миграция.

Постановка проблемы

Цель предлагаемой работы: анализ демографических процессов в одном из регионов Узбекистана — Республике Каракалпакстан. По географическому расположению Каракалпакстан находится на северо-западе Узбекистана, к югу от Аральского моря, к западу от пустыни Кызылкум и к востоку от плато Устюрт. Его площадь составляет 166,6 тыс. км², что составляет 38% от общей площади Узбекистана — это самый обширный регион страны. При этом в Каракалпакстане проживает только 5,6% населения Узбекистана [1. С. 115]. Будущее Каракалпакстана зависит главным образом от водной проблемы, особенно от Аральского моря, так как регион расположен в отступающей части моря, где нарастает антропогенное опустынивание. В результате природно-географические условия создают значительные неудобства для населения.

Увеличение или уменьшение численности населения вызывает определенные проблемы в развитии общества [2. С. 14]. Поэтому необходимо проводить регулярный анализ демографической ситуации, чтобы добиться оптимального прироста населения. Анализ демографического потенциала обычно начинается с изучения численности населения. Количество и качество населения постоянно меняются под влиянием смены поколений. Смена поколений, определяющая демографические характеристики населения, обеспечивает преемственность общества [3. С. 17]. В последние десятилетия в Узбекистане, включая Каракалпакстан, наблюдается снижение естественного прироста населения. В настоящее время эта цифра все еще относительно высока.

Численность населения

В 2019 г. в Каракалпакстане проживало свыше 1890 тыс. человек. Преобладает сельское население: 49% проживает в городах, 51% — в сельской местности. За 1991–2019 гг. население региона увеличилось на

47% (601 тыс. человек). Около половины населения (48,7%) проживает в южной части региона в долине реки Амударьи. В последние годы произошел «сдвиг» населения на юг. Это в основном связано с неблагоприятной экологической ситуацией в районе Аральского моря. Например, в Муйнакском районе у Аральского моря население составляло 27,4 тыс. человек в 1989 г., но к 2019 г. оно уменьшилось до 3,9 тыс. человек. В Кунградском и Ходжайлинском районах с 1991 по 2019 гг. население уменьшилось на 46% и 27,7% соответственно. В этот период демографический рост был значительно выше в южной части региона, а именно, в районах Беруни, Турткуле, Амударье, Элликалае.

Возрастная структура населения Каракалпакстана имеет свои особенности — 30,7% населения составляют дети и подростки до 16 лет. Однако в последние годы доля детей и подростков в общей численности населения снижается. Эту ситуацию можно объяснить снижением естественного прироста населения. В настоящее время 60,3% населения республики в трудоспособном возрасте и 9,0% — люди старше трудоспособного возраста. Средний возраст населения составляет 28,2 года. Доля мужчин и женщин в населении создает благоприятные условия для воспроизводства населения. В последние годы гендерный дисбаланс в населении был устранен, и сложился естественный баланс: мужчины составляют 50,2%, женщины — 49,8% населения [4. С. 36].

Национальный состав Каракалпакстана также имеет свои особенности. Основными национальностями республики являются каракалпаки и узбеки. В Узбекистане насчитывается около 500 тыс. каракалпаков, большинство из которых (95%) проживают в Республике Каракалпакстан. 38,3% населения региона — узбеки, 34,1% — каракалпаки, 18,4% — казахи, 5,3% — туркмены, 1,2% — русские, 0,7% — татары, 0,2% — корейцы, остальные 1,7% являются представителями других национальностей. Поскольку Каракалпакстан граничит с республиками Казахстан

и Туркменистан, казахи и туркмены жили на этой территории с древних времен.

Естественный прирост населения

Рождаемость всегда была важным демографическим процессом, который обеспечивал воспроизводство населения. Изменение рождаемости в Каракалпакстане

можно показать, используя его общий коэффициент. Анализ динамики рождаемости говорит о том, что в Каракалпакстане за 1991–2018 гг. общий коэффициент рождаемости снизился на 15,3‰ (табл. 1).

Рождаемость быстро снижалась в 1990-е гг. — за период с 1991 по 2000 гг. общий коэффициент рождаемости снизился на 12,9‰, в 2000–2018 гг. еще на 2,4‰. Кара-

Таблица 1
Динамика естественного прироста населения в Республике Каракалпакстан

Table 1

Dynamics of natural growth in the Republic of Karakalpakstan

Год	Рождаемость		Смертность		Естественный прирост	
	Человек	‰	Человек	‰	Человек	‰
1991	47732	36,9	8818	6,8	38914	30,1
1995	36039	25,7	9197	6,5	26842	19,2
2000	36408	24,0	8496	5,0	27912	19,0
2005	32456	20,6	9199	5,8	23257	14,8
2010	37942	22,6	8335	5,0	29607	17,6
2015	41343	23,3	8094	4,6	33249	18,7
2016	39427	21,9	8396	4,7	31031	17,2
2017	37754	20,1	8661	4,7	29093	15,4
2018	40108	21,6	8602	4,6	31506	17,0

Источник: данные Управления статистики Республики Каракалпакстан. [Электронный ресурс] — Режим доступа: www.stat.uz (дата обращения: 10.02.2020).

калпакстан является одним из 14 регионов Республики Узбекистан с относительно низким уровнем рождаемости. По уровню рождаемости отстают от Каракалпакстана только город Ташкент, Ташкентская и Бухарская области. За последние 10 лет рождаемость в Узбекистане снизилась на 0,1‰, а в Каракалпакстане — на 3,1‰.

В 2018 г. 3,8% всех новорожденных были у матерей в возрасте 15–19 лет, 30,1% — в возрасте 20–24 лет, 35,4% — в возрасте 25–29 лет, 21,7% — в возрасте 30–34 лет и 7,8% — в возрасте 35–39 лет, 1,2% детей родились у матерей 40 лет и старше. По сравнению с 2000 г. доля рождений среди матерей в возрасте 15–19 и 20–24 лет снизилась. Однако доля рождений среди матерей в возрастных группах 25 лет и старше увеличилась. На сегодняшний день большинство родов происходит у матерей в возрасте 20–24 и 25–29 лет. В 2018 г. сред-

ний возраст матери при первых родах составил в Каракалпакстане 23,9 года [5]. Сокращение рождаемости в младших возрастных группах матерей связано с возросшей возможностью девочек продолжать учебу в старших классах, устроиться на работу и позднее вступать в брак, снижение рождаемости в старших возрастных группах обусловлено здоровьем женщин, планированием семьи, использованием противозачаточных средств и с усилиями по повышению уровня жизни.

Произошли также изменения в распределении по последовательности детей, рожденных в Каракалпакстане. В 2018 г. 31,1% всех новорожденных по последовательности были первым ребенком, 35,2% — вторым, 25,2% — третьим, 7,4% — четвертым ребенком и 1,1% — пятым и более поздними детьми [5]. В период с 2000 по 2018 гг. число рождений у матерей с 4 и бо-

лее детьми уменьшилось. Например, если в 2000 г. 16,4% всех новорожденных были четвертыми и последующими детьми, то к 2018 г. это число сократилось вдвое. Такая ситуация наблюдается во всех городах и сельских районах Каракалпакстана.

Уровень смертности отражает состояние здоровья населения за определенный период времени. Хотя за годы независимости Узбекистана система здравоохранения укрепилась, заболеваемость некоторыми болезнями выросла. В результате коэффициенты младенческой, детской и материнской смертности остаются относительно высокими. Каракалпакстан имеет один из самых высоких показателей материнской, младенческой и детской смертности в Узбекистане. В частности, в Каракалпакстане материнская смертность в 2018 г. на 100 тыс. женщин 27,4‰, то есть на 7,2‰ выше, чем в среднем по Узбекистану (20,2‰). Аналогично, младенческая смертность на 4,0‰ выше, чем в среднем по Узбекистану (9,9‰), а детская смертность (до 5 лет) выше на 4,2‰, чем в среднем по Узбекистану (13,1‰) [4. С. 92]. В значительной мере высокая смертность в регионе связана с высыханием Аральского моря, нехваткой чистой питьевой воды, ухудшением качества атмосферного воздуха и почв.

Анализ младенческой смертности также важен при измерении показателей смертности, так как младенческая смертность является важным показателем уровня социально-экономического развития в каждом государстве. За период с 1991 по 2018 г. в Каракалпакстане уровень смертности среди младенцев до 1 года сократился на 37,3‰. В частности, младенческая смертность в 1991 г. составляла 51,2‰, в 2000 г. этот показатель снизился до 20,3‰, а к 2018 г. этот показатель сократился до 13,9‰ [4. С. 90]. Тем не менее, по показателям младенческой смертности Каракалпакстан занимает одно из лидирующих мест в Узбекистане.

В 2018 г. общий уровень смертности в регионе составил 4,6‰, абсолютное число умерших—8602 человека (табл. 1). По

сравнению с 1991 г. общий коэффициент смертности снизился на 2,2‰. С точки зрения пола, среди умерших доля мужчин составила 55,1%, женщин—44,9% [4. С. 92]. Доля мужчин всегда была более высокой в общем количестве смертей. Низкий уровень смертности в Каракалпакстане объясняется высокой долей детей и подростков в структуре населения. В северной части Каракалпакстана (у Аральского моря)—Муйнакском, Тахтакупырском, Кегейлинском, Канлыкульском, Чимбайском районах, показатели смертности выше, чем в среднем по Каракалпакстану и Узбекистану, потому что эти районы являются местами, наиболее пострадавшими от экологического кризиса, который негативно сказался на здоровье населения.

Из общего числа умерших в регионе 56,9% умерли от болезней системы кровообращения, 11,8%—от новообразований, 8,1%—от несчастных случаев, отравлений и травм, 4,2%—от болезней органов пищеварения, 3,7%—от болезней органов дыхания, 1,1%—от инфекционных и паразитарных заболеваний и 14,2%—от других болезней [5]. Анализ распространенности отдельных видов заболеваний показывает, что они часто связаны с факторами окружающей среды (химическое загрязнение воды и атмосферного воздуха). В северной части Каракалпакстана чаще встречаются респираторные и пневмонические (легочные) заболевания. На юге преобладают заболевания, связанные с отравлением окружающей среды пестицидами (болезни эндокринной и нервной системы). В последние годы выросла доля респираторных заболеваний. Эксперты говорят, что респираторные заболевания вызваны в первую очередь загрязнением воздуха. Каракалпакстан имеет также самый высокий уровень заболеваемости туберкулезом в Узбекистане.

Основным показателем здоровья населения является ожидаемая продолжительность жизни населения. Средняя ожидаемая продолжительность жизни в Каракалпакстане в 2018 г. составила 73,2 года (70,9 года для мужчин и 75,6 года

для женщин) [4. С. 189]. Средняя ожидаемая продолжительность жизни населения на 1,4 года меньше, чем по стране в целом. В последние годы показатель продолжительности жизни для мужчин значительно вырос. Это может быть объяснено такими факторами, как развитие предпринимательства в Узбекистане, возможность вести активный образ жизни, что оказывает положительное влияние на продолжительность жизни мужчин.

Снижение смертности, особенно младенческой, связано с улучшением качества услуг общественного здравоохранения. Обеспечение высокого уровня медицинского образования, гигиены и санитарии среди населения, борьба с алкоголизмом и наркоманией, превращение спорта в насущную необходимость также могут стать реальным средством для снижения показателей заболеваемости и смертности населения.

Анализ рождаемости и смертности показывает, что они в Каракалпакстане меняются довольно динамично. Высокий уровень рождаемости и низкий уровень общей смертности обеспечивают высокие темпы естественного прироста населения. При

этом высокие темпы естественного воспроизводства отчасти усугубляют социально-экономические проблемы. Во всех регионах Узбекистана, в том числе в Каракалпакстане, существует проблема избыточного предложения на рынке труда. В Каракалпакстане на 1 работающего приходится 1,5 безработных. Более 30% населения составляют дети и подростки моложе трудоспособного возраста. Всего нетрудоспособных 40%, включая пенсионеров, что создает значительную нагрузку на трудоспособное население. Высокий уровень рождаемости и естественного прироста могут еще более осложнить эту ситуацию.

Количество зарегистрированных браков оказывает значительное влияние на естественный прирост населения. Согласно статистике, в Каракалпакстане в 2018 г. было зарегистрировано 14450 браков (табл. 2). Из этих браков 54% было заключено сельскими, 46% — городскими жителями. В период 1991–2018 гг. число браков в регионе снизилось с 13,7‰ до 7,8‰, то есть почти в 2 раза. Снижение уровня брачности во многом произошло из-за изменений в демографической структуре населения.

Таблица 2

Динамика зарегистрированных браков и разводов в Каракалпакстане

Table 2

Dynamics of marriage and divorce in the Republic of Karakalpakstan

Год	Количество браков		Количество разводов	
	Абсолютное число	‰	Абсолютное число	‰
1991	17648	13,7	1042	0,8
1995	8900	6,3	500	0,4
2000	11367	7,5	600	0,5
2005	9643	6,1	539	0,3
2010	17300	10,6	870	0,5
2015	13791	7,8	1134	0,6
2016	12760	7,1	1075	0,6
2017	14109	7,7	1309	0,7
2018	14450	7,8	1344	0,7

Источник: данные Управления статистики Республики Каракалпакстан. [Электронный ресурс] — Режим доступа: www.stat.uz (дата обращения: 10.02.2020).

Свобода брака предусматривает свободу развода. Согласно статистике, в Каракалпакстане в период с 1991 по 2018 гг. количество разводов увеличилось на 29%.

При этом количество разводов на 1000 человек снизилось с 0,8 до 0,7, то есть практически не изменилось. Разводы среди городские жителей составили 61,5%, а сре-

ди сельских жителей — 38,5%. Таким образом, в соотношении с количеством заключенных браков видно, что городские пары разводятся значительно чаще, чем сельские.

Миграция населения

Среди причин, побуждающих население переехать с одного места на другое важнейшими считаются социально-экономические причины, в том числе нехватка рабочих мест, безработица, невозможность найти соответствующую работу, неразвитость рынка труда, получение высшего и среднего специального образования в других регионах. Среди важных причин для Каракалпакстана можно назвать также негативное воздействие кризисной экологической ситуации, неудовлетворенность материальными и культурно-бытовыми условиями жизни.

Поскольку, изменения в миграционной интенсивности населения определяются уровнем развития территорий, наблюдается перемещение населения с территории, имеющей сравнительно низкий уровень социально-экономического развития в сторону территории, имеющей более высокий уровень развития. В процессе анализа миграционного движения важным

считается оценка количества мигрантов, приходящихся на 1000 человек населения (миграционный коэффициент).

В миграционном процессе население перераспределяется и наблюдается либо уменьшение, либо увеличение его численности [3. С. 10]. Формирование рыночных отношений, а также структурные преобразования в экономике активизировали миграции населения. В 2018 г. из всего объема мигрирующего населения Узбекистана 85% приходилось на внутреннюю миграцию [7. С. 92]. На социально-экономическое развитие регионов страны большое влияние оказывает внутрирегиональная и межрегиональная миграция населения.

Анализ динамики миграции населения Каракалпакстана показывает активизацию миграционных процессов в начальные годы государственной независимости. Так в 1991 г. общая численность мигрантов составила 63017 человек (прибывшие — 31446 человек, выбывшие — 31571 человек). Если сравнить эти данные с 2018 г., то видно, что общая численность мигрантов за 1991–2018 гг. сократилась в 2,5 раза (прибывших — в 2,9 раза, выбывших — в 2,1 раза) (табл. 3). Весь период миграционное сальдо сохраняло отрицательные значения.

Таблица 3
Динамика миграций населения Республики Каракалпакстан (человек)

Table 3

Dynamics of population migration in the Republic of Karakalpakstan (persons)

Год	Прибывшие	Выбывшие	Миграционный оборот	Сальдо миграций	Миграционный коэффициент
1991	31446	31571	63017	-125	48,9
1995	13229	18758	31987	-5529	22,8
2000	12927	16846	29773	-3919	19,7
2005	12783	34106	46889	-21323	29,8
2010	14275	26971	41246	-12696	25,3
2015	10850	16181	27031	-5331	15,3
2016	9860	14449	24309	-4589	13,6
2017	10746	15009	25755	-4263	14,2
2018	10816	14861	25677	-4045	13,9

Источник: данные Управления статистики Республики Каракалпакстан. [Электронный ресурс] — Режим доступа: www.stat.uz (дата обращения: 10.02.2020).

Анализ статистических данных показывает, что в Каракалпакстане за период с 1991 по 2018 гг. коэффициент миграции (оборот на 1000 жителей) существенно менялся. Если в 1991 г. на 1000 человек населения 48,9 сменили место жительства, то данный показатель в 1995 г. снизился до 22,8. В следующие десятилетия сокращения продолжалось и в 2018 г. коэффициент достиг 13,9. Миграционная активность населения региона за 1991–2018 гг. снизилась в 3,5 раза. Данному сокращению способствовали демографические процессы и стабилизация социально-экономической ситуации в регионе.

В первые годы независимости высокий коэффициент миграции был обусловлен распадом Советского Союза. Объем ми-

грации был обеспечен в основном за счет выбытия представителей различных национальностей в свои страны, а в настоящее время этот процесс обеспечивается за счет желающих работать за рубежом [7. С. 55]. Основные причины подобного положения связаны с большой долей среди населения представителей пришлых национальностей и стремлением их уехать на историческую родину, а также ухудшением в регионе природно-экологической ситуации, вызванном высыханием Аральского моря и образованием на его месте засоленной пустыни. Внешняя миграция Каракалпакстана в миграционных процессах занимает особое положение (табл. 4).

Таблица 4

Динамика внешних миграций населения Каракалпакстана (человек)

Table 4

Dynamics of external migration in the Republic of Karakalpakstan (persons)

Год	Прибывшие	Выбывшие	Миграционный оборот	Сальдо миграции	Миграционный коэффициент
1991	9870	9977	19847	-107	15,4
1995	1681	6919	8600	-5238	6,1
2000	776	3894	4670	-3118	3,1
2005	824	21275	22099	-20451	14,1
2010	645	12918	13563	-12273	8,3
2015	515	6354	6869	-5839	4,0
2018	211	3689	3900	-3478	2,1

Источник: данные Управления статистики Республики Каракалпакстан. [Электронный ресурс] — Режим доступа: www.stat.uz (дата обращения: 10.02.2020).

В регионе доля выбывших на много превышает долю прибывших — в 2018 г. это превышение составило 17,5 раз, тогда как в 1991 г. разницы почти не было. Количество выбывших за рубеж в 1991–2018 гг. сократилось в 2,7 раза, а количество прибывших уменьшилось в 46,8 раза. Интенсивность внешней миграции за период 1991–2018 гг. уменьшилась в 7,3 раза.

Анализ возрастной структуры мигрантов показал, что в 2018 г. среди выбывших мигрантов доля мигрантов, в возрасте 15–29 лет составила 47,6%, 30–39 лет — 23%, 40–49 лет — 9,3%, 50–59 лет — 5,3% и в возрасте 60 лет и старше — 4,3%, а доля детей в возрасте 0–14 лет составила 10,5%. Сре-

ди прибывших эти группы имеют следующие показатели: в возрасте 15–29 лет — 51,2%, 30–39 лет — 24,3%, 40–49 лет — 9,4%, 50–59 лет — 4,8%, в группе 60 лет и старше — 3,0%, а в возрасте 0–14 лет — 7,3% [10]. Таким образом, среди молодежи 15–29 лет доля прибывших выше доли выбывших. Доля мигрантов-пенсионеров, наоборот, выше среди выбывших. Это говорит о том, что миграция все более приобретает семейный характер.

Внутренняя миграция играет важную роль в эффективном распределении трудовых ресурсов между регионами. Неэффективное использование существующих внутренних возможностей в регионе приводит

к значительно более низкому уровню занятости, чем в среднем по стране. Каракалпакстан является одним из регионов с самым высоким уровнем безработицы в Узбекистане. В 2018 г. уровень безработицы составлял 9,5%. Высокий уровень миграционной активности в регионе по сравнению с другими регионами означает, что социально-экономическая ситуация в регионе улучшается очень низкими темпами. В частности, низкий уровень ВРП на душу населения (в 1,6 раза ниже, чем в среднем по Узбекистану) является одной из основных причин низкого уровня жизни населения и тенденции к выезду, включая межрегиональную и внешнюю миграцию.

Активным направлением внутрирегиональной миграции в Каракалпакстане является село-городская миграция. Нехватка рабочих мест в сельской местности заставляет трудоспособное население ездить из своих домов в районные центры или столицу на работу. В последние годы в результате внедрения государственных программ, направленных на повышение благосостояния населения в сельской местности, усиливается перемещение населения из села в село.

Правильная организации миграционных процессов населения считается одним из важных факторов экономического развития. Неравномерное развитие регионов является причиной повышения миграционной активности населения. В настоящее время оптимизировать миграции могут меры по решению проблем занятости, повышение материального благосостояния населения в регионах. Меры, предпринимаемые в Каракалпакстане, направлены, прежде всего, на создание новых рабочих мест и повышение уровня доходов населения. При этом миграционные потоки должны соответствовать задачам социально-экономического развития всей страны. Миграционная активность является одним из показателей прогрессивного развития общества.

Вместе с тем, интенсификация миграционного оттока населения из отдельных регионов не должна препятствовать их со-

циально-экономическому развитию. Центры занятости в регионах не должны допускать противозаконной трудовой миграции и торговли людьми. Нужны ясность в приглашениях на работу за рубежом, разъяснительная работа среди населения, обеспечение населения точной, правдивой, достоверной информацией о вреде торговли людьми и других негативных явлениях, связанных с миграцией. Сегодня в Узбекистане не завершена работа по созданию организационно-правовой базы по управлению миграционными процессами — требуется ее дальнейшее развитие и совершенствование.

В заключение следует отметить, что в Республике Каракалпакстан за период с 1991 по 2018 г. произошли значительные изменения в демографическом развитии населения. Естественный прирост населения в Каракалпакстане будет наблюдаться и в обозримом будущем, потому что в настоящее время рождаемость почти в 5 раз выше, чем смертность. Кроме того, число зарегистрированных браков намного выше, чем разводов, в среднем 7–8 браков на 1000 населения, коэффициент разводов составляет всего 0,7.

Основные социально-экономические изменения, которые произошли в развитии общества, оказали непосредственное влияние на демографические процессы. Особенно изменилось отношение женщин к числу детей в семье — многодетность сменилась на средне-и малодетность. В целом, потребность семей в многодетности постепенно снижалась в связи с развитием промышленности, повышением уровня образования женщин и изменением их места в общественной жизни. Развитие медицинской сферы привело к снижению уровня смертности и увеличению средней продолжительности жизни. Но рождаемость снижалась быстрее, чем смертность, и естественный прирост существенно сократился. Развитию демографического потенциала региона могла бы способствовать более эффективная демографическая и миграционная политика, которая нуждается в дальнейшем совершенствовании.

Литература и Интернет-источники

1. **Каюмов А. А., Назарова Х. М.** Региональная экономика. — Ташкент: Типография НУУз, 2004. — 220 с.
2. **Буриева М. Р.** Основы демографии. — Ташкент: Типография НУУз, 2001. — 66 с.
3. **Медков В. П.** Демография. Учебник. — М.: ИНФРА-М, 2009. — 683 с.
4. Демографический ежегодник Узбекистана 2000–2018 гг. Статистический сборник. — Ташкент: Госкомстат, 2019. — 208 с.
5. Официальный сайт Государственной статистической службы Узбекистана. [Электронный ресурс] — Режим доступа: www.qrstat.uz/ru (дата обращения: 10.02.2020).
6. **Вандескрик К.** Демографический анализ. — М.: Магистр, 2010. — 421 с.
7. **Максакова Л. П.** Миграция населения Республики Узбекистан. — Ташкент: Эльдинур, 2000. — 116 с.
8. **Назарова Х. М., Мамадалиева Х. Х.** Демографический потенциал Узбекистана. Монография. — Ташкент: Наука и технология, 2011. — 175 с.
9. Миграция населения Узбекистана 1994–2005 гг. Статистические ежегодники. Ташкент: Госкомстат, 1995–2005.
10. Узбекистан в цифрах 1991–2010–2018. Статистические сборники. — Ташкент: Госкомстат, 1991, 2010, 2018.

Сведения об авторе:

Джумабаева Шоира Халиллаевна, базовый докторант, Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека, Ташкент, Узбекистан.

Контактная информация: e-mail: djumabaeva.shoira@gmail.com.

DOI: 10.19181/population.2020.23.3.13

**DEMOGRAPHIC POTENTIAL OF THE
REPUBLIC OF KARAKALPAKSTAN**

Shoira Kh. Djumabaeva

*Mirzo Ulugbek National University of Uzbekistan
(4 Universitetskaya str., Tashkent, Uzbekistan, 100174)*

E-mail: djumabaeva.shoira@gmail.com

For citation:

Djumabaeva Sh. Kh. Demographic potential of the Republic of Karakalpakstan. *Narodonaselenie [Population]*. 2020. Vol. 23. No. 3. P. 145–154. DOI: 10.19181/population.2020.23.3.13 (in Russ.)

Abstract. *This article analyzes dynamics in the population size and composition, natural growth, fertility, mortality, marriage, divorce, and migration in one of the Uzbekistan regions — the Republic of Karakalpakstan. In recent years there has been observed a decrease in the natural population growth, although it remains relatively high. Analysis of the dynamics in fertility shows that in Karakalpakstan over the years of independence the crude birth rate has significantly decreased. The changing attitude of women to family size is closely related to the changes in their role in society and in family — expanding women's participation in public production, their raising awareness and wide use of various modern methods to prevent unwanted pregnancies. This is the main factor in the*

transition of young people from large families to small and medium-sized families. Mortality rate reflects the health status of population. Although the healthcare system was developing over the years of independence, the incidence of various diseases has increased. As a result, the infant, child and maternal mortality rates remain relatively high. In terms of infant mortality, Karakalpakstan takes one of the leading places in Uzbekistan. This can be partly explained by the poor environmental situation. The number of registered marriages and divorces also affects the demographic processes. Over the years of independence, the marriage rate has decreased, and the divorce rate has increased. The decline in the marriage rate is due to changes in the demographic structure of the country's population. The article also analyzes the dynamics of migration processes since independence. In particular, it shows high proportion of departures, negative migration balance, intensive external migration. The migration process is a result of the impact of various factors and causes. Among the reasons that encourage people to move from one place to another, there are emphasized socio-economic factors.

Keywords: population size, age and sex composition, fertility, mortality, marriage, divorce, internal and external migration.

References and Internet sources

1. Kayumov A. A., Nazarova Kh. M. Regional'naya ekonomika [Regional Economy]. Tashkent. 2004. 220 p. (in Uzbek.)
2. Burieva M. R. Osnovy demografii [The Basics of Demography]. Tashkent. 2001. 66 p. (in Uzbek.)
3. Medkov V. P. Demografiya [Demography]. Textbook. Moscow. INFRA-M. 2009. 683 p. (in Russ.)
4. Demograficheskiy yezhegodnik Uzbekistana 2000–2018 gg [Demographic Yearbook of Uzbekistan. 2000–2018] Statistical handbook. Tashkent. Goskomstat [The State Committee of the Republic of Uzbekistan on Statistics]. 2019. 208 p. (in Russ.)
5. Ofitsial'nyy sayt Gosudarstvennoy statisticheskoy sluzhby Uzbekistana [Site of the State Committee of the Republic of Uzbekistan on Statistics]. Available: www.qrstat.uz/ru (Accessed: 10 February 2020) (in Russ.)
6. Vandeskrik K. Demograficheskiy analiz [Demographic Analysis]. Moscow. Magistr [Master]. 2010. 421 p. (in Russ.)
7. Maksakova L. P. Migratsiya naseleniya Respubliki Uzbekistan [Migration of the Population of the Republic of Uzbekistan]. Tashkent. 2000. 116 p. (in Russ.)
8. Nazarova Kh. M., Mamadaliyeva Kh. Kh. Demograficheskiy potentsial Uzbekistana [The demographic Potential of Uzbekistan]. Tashkent. Nauka i tekhnologiya [Science and Technology]. 2011. 175 p. (in Uzbek.)
9. Migratsiya naseleniya Uzbekistana 1994–2005 gg [Migration of the Population of Uzbekistan. 1994–2005]. Statistical yearbook. Tashkent. Goskomstat [The State Committee of the Republic of Uzbekistan on Statistics]. 1995–2005. (in Russ.)
10. Uzbekistan v tsifrakh 1991–2010–2018 [Uzbekistan in Figures]. 1991–2010–2018. Statistical handbook. Tashkent. Goskomstat [The State Committee of the Republic of Uzbekistan on Statistics]. (in Russ.)

Information about the author:

Djumabaeva Shoira Khalillaevna, basic doctoral student, Mirzo Ulugbek National University of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan.

Contact information: e-mail: djumabaeva.shoira@gmail.com.

Статья поступила в редакцию 12.03.2020.

ПРОБЛЕМЫ ЗАНЯТОСТИ И РЫНКА ТРУДА

DOI: 10.19181/population.2020.23.3.14

**ОБ ИССЛЕДОВАНИЯХ ЗАКОНОМЕРНОГО ХАРАКТЕРА,
ФАКТОРОВ, ЭФФЕКТОВ И ПЕРСПЕКТИВ ДИНАМИКИ
РАБОЧЕГО ВРЕМЕНИ В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ****Золотов А. В.**

Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
(603950, Россия, Нижний Новгород, проспект Ленина, 27)

E-mail: zoav6@iee.unn.ru

Финансирование:

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ по проекту № 19-110-50440.

Для цитирования:

Золотов А. В. Об исследованиях закономерного характера, факторов, эффектов и перспектив динамики рабочего времени в современной экономике // Народонаселение. — 2020. — Т. 23. — № 3. — С. 155-168. DOI: 10.19181/population.2020.23.3.14

Аннотация. В обзорной статье рассмотрен значительный массив научных работ, посвященных динамике рабочего времени. Делается вывод, что основным измерителем динамики рабочего времени в экономической литературе выступает среднее количество часов, отработанных в расчете на одного занятого. Этот показатель применим ко всем периодам трудовой активности, включая трудовой стаж. Установлено, что в исследованиях проблемы выявляется долгосрочный тренд сокращения рабочего времени в условиях повышения общественной производительности труда. В работах по этой тематике рассматриваются и другие факторы, влияющие на длительность труда: действие эффектов дохода и замещения на индивидуальное предложение труда, мотивы работодателей относительно использования экономики труда, роль профсоюзов и коллективно-договорного регулирования, трудовое законодательство. Приведены подходы к объяснению различий между динамикой рабочего времени в США и Западной Европе. Принято во внимание, что сокращение рабочего времени в прошедшие десятилетия характеризуется в качестве одной из предпосылок пенсионных реформ. Рассмотрены работы с анализом эффектов, обусловленных изменением продолжительности рабочего времени, включая влияние на здоровье работников, баланс «работа — жизнь», гендерное неравенство, уровень безработицы, производительность труда, экологию, восприятие жизни как счастливой. Выявлен интерес к перспективам динамики рабочего времени в контексте анализа известного прогноза Дж. М. Кейнса о 3-часовых сменах к 2030 году. Отмечено, что проблема перспектив динамики рабочего времени становится одной из ключевых в обсуждениях безусловного базового дохода. Зафиксировано включение в поле зрения исследователей экспериментов по сокращению рабочего дня до 6 часов.

Ключевые слова: рабочее время, производительность труда, занятость, баланс «работа-жизнь».

Введение

Осуществление пенсионной реформы, резонансный проект перехода к 4-дневной рабочей неделе актуализировали проблему динамики рабочего времени в российской экономике. В мировой социально-экономической науке внимание к отмеченной проблематике было и остается устойчивым, публикуются многочисленные работы по ее различным аспектам.

Значителен вклад отечественных ученых в фундаментальные исследования динамики рабочего времени [1; 2]. Вместе с тем с 1980-х гг. советская научная мысль утрачивала интерес к этой проблематике, что, очевидно, было связано с торможением социально-экономического развития. В период экономической трансформации задачи эффективного использования трудовых ресурсов оказались на втором плане. Актуализация этих задач требует освоения теоретических результатов, полученных в мировой науке в целом.

Гипотеза работы состоит в том, что исследования динамики рабочего времени обосновывают закономерный характер его сокращения и раскрывают комплексное позитивное влияние такой динамики на социальное экономическое развитие.

Проблема измерения рабочего времени в социально-экономической литературе

Рабочее время — мера продолжительности труда. Трудовая деятельность может осуществляться в целях получения результата для удовлетворения потребностей других людей, а может — с ориентацией на потребности самого субъекта труда или членов его семьи. Применительно к современной экономике такую дифференциацию характеризуют как различие между трудом, приносящим доход, и трудом в домашнем хозяйстве [3]. В исследованиях динамики рабочего времени основное внимание уделяется труду как источнику дохода.

Различают суммарные затраты труда в экономике и время труда отдельных работников. В абсолютном большинстве исследований без каких-либо специальных оговорок подразумевается изменение в величине показателей второго вида. При рассмотрении таких составляющих системы периодов трудовой активности, как рабочий день, рабочая неделя, время, отработанное за год в расчете на одного работника, в качестве единицы измерения обычно используется час рабочего времени [4]. Вместе с тем, у каждого периода за рамками рабочего дня имеются и свои специфические единицы (рабочий день, месяц и т.д.), которые используются в тех случаях, когда требуется учесть величину перерывов для отдыха [5].

Что касается величины трудовой жизни, она измеряется, если не исключительно, то, главным образом, в годах пребывания работников в составе рабочей силы [6]. Между тем, подобный способ измерения не единственно возможный, так как время работы за годы пребывания на рынке труда, в конечном счете, складывается из отработанных часов (этот факт принимается во внимание, например, при оценке объемов предложения труда [7]). Определению трудового стажа в часах еще предстоит утвердиться в качестве широко используемого.

При измерении рабочего времени речь может идти о его различных видах [8]. Устанавливаемая законодательно или общенациональными коллективными соглашениями продолжительность рабочей недели для работающего в режиме полной занятости рассматривается как «нормальная», «стандартная». В отличие от нее «обычное» рабочее время включает часы сверхурочной работы. «Среднее количество часов» — это величина, рассчитываемая с учетом продолжительности труда частично занятых

Оперирование средней продолжительностью труда имеет, на наш взгляд, то преимущество, что позволяет нивелировать различия в режимах работы от-

дельных групп занятых и выявить общий тренд динамики рабочего времени.

Закономерная динамика рабочего времени и ее факторы

В работах, анализирующих историческую ретроспективу, начиная с рубежа утверждения машинной индустрии, отмечается долгосрочная тенденция к сокращению рабочего времени, прослеживаемая по всем периодам трудовой активности [9]. Экономическая основа сокращения рабочего времени связывается с повышением общественной производительности труда, так как технический прогресс позволяет совмещать рост выпуска со снижением продолжительности труда [10; 11]. При данном подходе, учитывающем также динамику численности занятых, в полной мере обнаруживается возможность уменьшения времени труда работников не только в рамках отдельных предприятий, но и во всей экономике.

В социально-экономических исследованиях показано, что сокращение рабочего времени на основе повышения производительности труда сочетается с увеличением реальной заработной платы: например, с 1900 по 2000 г. время, отработанное за неделю среднестатистическим работником в обрабатывающих производствах США, сократилось на 17 часов (с 58,5 часа до 41,4 часа), а реальная зарплата выросла более, чем в 14 раз [12]. Делается обоснованный вывод, что рост производительности в долгосрочном периоде позволяет повышать благосостояние в обеих формах: и увеличения заработка, и роста свободного времени вследствие сокращения рабочего [13]. Такая динамика времени труда предстает закономерной.

В общественной жизни закономерно реализуется благодаря деятельности заинтересованных социальных субъектов. Опросы немецких работников, например, свидетельствуют о готовности работать меньшее количество часов в неделю даже при условии пропорционального снижения заработной платы [14]. Со-

кращения индивидуального предложения труда, измеряемого в часах рабочего времени, стандартно связывается с эффектом дохода [15]. Раз в долгосрочном периоде в экономически развитых странах реальные доходы работников возрастали, значит, подобный эффект действовал.

Наряду с этим у субъектов современной экономики выявляются мотивы, тормозящие снижение продолжительности рабочего времени. Так, констатируется, что увеличение зарплаты за последнее столетие сопровождалось действием не только эффекта дохода, но и эффекта замещения, мотивирующего дополнительное предложение труда [16]. Рассмотрение труда как разновидности игры [17] объясняет еще один мотив трудового поведения, препятствующий сокращению рабочего времени.

В научной литературе можно встретить развернутую характеристику внутренних мотивов «трудоголизма»: страсть к работе, низкий уровень предпочтения досуга, стремление к высокому уровню жизни, отношение к труду как к ценности [18]. Признавая значимость этих аргументов, следует, однако, отметить, что долгосрочная тенденция к сокращению рабочего времени показывает, какая группа мотивов является у работников преобладающей. Весомы доводы в пользу того, что работа, в течение более продолжительного времени, чем желательно для работников, диктуется интересами работодателей, экономящих постоянные издержки на труд [19]. Отмечается роль международной конкуренции как фактора удлинения рабочего времени в экономически развитых странах [20]. В таком же направлении действует и увеличение численности трудовых иммигрантов [21].

Так как сокращение рабочего времени по-разному воздействует на положение сторон трудовых отношений, то его осуществление идет через разрешение противоречий их интересов. Отсюда значительное внимание, уделяемое профсоюзному движению. Исследователями установлено, что с точки зрения сокращения рабочего времени значим не столько ок-

ват работников профсоюзным членством, сколько — коллективными договорами и соглашениями между работодателями и профсоюзами [22]. Благодаря принятию этих документов продолжительность рабочего времени на уровне отдельных отраслей и фирм может быть ниже определяемой в качестве «нормальной» [23].

В современной экономике выявлена тенденция к уменьшению продолжительности рабочего времени, предписываемой законом, хотя отмечается сохранение значительной дифференциации в этом отношении между различными регионами мира [4]. Принятие акта о сокращении продолжительности рабочего времени само по себе не означает соответствующего изменения среднего количества фактически отработанных часов. Данный аспект проблемы активно исследуется на примере законодательного введения 35-часовой рабочей недели во Франции — события, беспрецедентного в рамках первых двух десятилетий текущего века. Делается вывод, что утверждение законодательно установленных норм в экономической жизни — долгосрочный социальный процесс, требующий непрерывного взаимодействия его участников на всех уровнях [24].

Значительное внимание уделяется исследованиям динамики рабочего времени в отдельных странах. Объяснение стагнации рабочего времени в США на фоне высоких темпов его сокращения в Западной Европе наличием высокой предельной ставки подоходного налога в европейских странах [25] не получило широкой поддержки. Общепринята точка зрения об ослаблении американского профсоюзного движения как основной причине расхождения в динамике рабочего времени в этих регионах [22]. Профсоюзы США все же и сегодня способны уменьшать колебания количества часов, отрабатываемых в рамках рабочего дня [26].

Значителен интерес к достижениям и проблемам в сокращении рабочего времени в западноевропейских странах [27]. Для ФРГ, например, особенно характерна обусловленность уменьшения времени

труда коллективными действиями профсоюзов с закреплением результатов этих действий в коллективных договорах и соглашениях. О сохраняющейся актуальности реформы по введению 35-часовой рабочей недели во Франции свидетельствует, в частности, появление работы о ней на русском языке [28].

На продолжительность трудовой жизни влияет повышение пенсионного возраста, изменяющее ее верхнюю границу. Оно повсеместно обострялось увеличением доли людей старше трудоспособного возраста в составе населения экономически развитых стран, то есть демографическим фактором [29; 30]. Отмечается, что в европейских странах выход на пенсию приводит к снижению на 35% вероятности оценки респондентами своего здоровья как плохого, из чего следует необходимость мер, предупреждающих ухудшение здоровья после пенсионных реформ [31].

В качестве одной из предпосылок повышения пенсионного возраста в Западной Европе рассматривается то, что работники, на которых распространяется пенсионная реформа, трудились в среднем менее продолжительное время, чем их предшественники [32]. Такая постановка вопроса подводит к различию динамики лет трудового стажа у разных когорт работников, с одной стороны, и суммарного количества часов, отработанных ими за эти годы, с другой. В связи с этим констатируется, что уменьшение суммарного количества часов, отработанных за трудовую жизнь новыми поколениями работников, в сравнении с предшествующими поколениями, образует итоговую форму сокращения рабочего времени [33].

Закономерность сокращения рабочего времени не исключает разнонаправленного изменения этого показателя у отдельных групп работников. Так, массовый выход замужних женщин из сферы домашнего труда на рынок труда обусловил увеличение количества часов, отработанных в среднем на одну занятую в экономике [34]. Распространяются гибкие режимы труда, нестандартные формы заня-

тости, в рамках которых объем часов труда может отклоняться от нормальной продолжительности рабочего времени (частичная занятость, «долгие часы» труда и так далее) [35]. Из этого не следует, что тенденция к сокращению рабочего времени перестала доминировать: динамика среднего количества отработанных часов по-прежнему соответствует закономерности их сокращения [27]. Другое дело, что при реализации долгосрочного тренда в условиях нестандартной занятости выгоды от него распространяются не на всех работников.

Эффекты динамики рабочего времени

Труд — одна из форм жизнедеятельности человека, и от способа ее реализации, включая ее продолжительность, во многом зависит здоровье работников. При сокращении рабочего времени воздействие неблагоприятных производственных факторов на здоровье уменьшается [36], что подтверждается исследованиями влияния количества отработанных часов на отдельные характеристики здоровья [37]. Разновидностью увеличения трудовой нагрузки выступает вторичная занятость. Ее наличие предсказуемо сопряжено с переутомлением работников и ухудшением их здоровья [38]. Показано, что риск травматизма на производстве снижается с уменьшением продолжительности рабочего времени. [39]. Подобная динамика величины труда — общепризнанный фактор улучшения баланса «работа–жизнь» [40]. Достигаемое укрепление здоровья позволяет плодотворнее использовать часы досуга. Становятся разнообразнее занятия в рамках свободного времени, появляется возможность больше внимания уделять детям.

Сокращение рабочего времени создает благоприятные условия для выхода женщин на рынок труда и их профессионального развития, для большего участия мужчин в домашнем труде, что способствует достижению гендерного равенства [41]. Отмечается, однако, что практика регулирования рабочего времени еще слабо

ориентирована на достижение такого равенства [42].

Значительное внимание уделяется исследователями влиянию динамики рабочего времени на занятость. Так, выявлено, что введение 35-часовой рабочей недели привело к увеличению численности занятых во французской экономике. [43]. Сокращение на 15% часов, отработанных в расчете на одного работника за год, при гибкости зарплаты в сторону понижения позволяет исследователям объяснить разрыв между глубиной спада производства в России в 1990-е годы и темпами роста безработицы, существенно отстающими от падения объема выпуска [44].

Расхождение между темпами уменьшения выпуска и количеством теряющих работу, хотя и в менее значительных масштабах, чем в российской экономике 1990-х годов, наблюдалось в ФРГ в период рецессии 2008 года. И в этом случае занятость поддерживалась, во многом, за счет гибкости рабочего времени в сторону понижения [45]. Вместе с тем, анализ опыта сокращения продолжительности рабочей недели в Чили не выявил существенного влияния этой меры на уровень безработицы [46]. Дать точное количественное выражение связи между этими процессами затруднительно из-за того, что занятость зависит от многих других факторов. С точки зрения перспектив увеличения занятости значим вывод о том, что люди пенсионного и предпенсионного возраста готовы добровольно продолжить трудиться при условии уменьшения трудовой нагрузки [8]. Тем самым данная мера обладает эффектом мотивирования более длительного пребывания в составе рабочей силы.

Отмечается, что уменьшение часов труда, способствуя укреплению здоровья работников и развитию их способностей, стимулируя обновление технологий, позитивно влияет на рост производительности труда [4]. Следовательно, сокращение рабочего времени выступает не только результатом, но и предварительным условием повышения производительности труда.

«Сжатие» рабочего времени, то есть распределение фиксированного количества рабочих часов между меньшим числом дней труда, как один из возможных вариантов его динамики обуславливает эффекты, двоякого вида: с одной стороны, связанные, с уменьшением количества рабочих дней, с другой, — с удлинением продолжительности рабочего дня. Так, увеличение числа часов, отработанных за день, влечет за собой снижение качества труда, замедление темпа работы, рост уровня прогулов, текущей кадры и производственного травматизма, нехватку времени для общения с семьей на буднях [47]. В поле зрения исследователей находится и такой аспект динамики рабочего времени, как ее влияние на экологию. На основе анализа данных США выявлена связь снижения продолжительности рабочего времени с уменьшением выброса углекислого газа в атмосферу [48].

В современной литературе отчетливо проявляется тенденция к рассмотрению социально-экономических проблем в контексте гуманизации общественной жизни. Показательно, что труд занимает одно из последних мест в ранге факторов, определяющих величину субъективно определяемого счастья, а увеличение количества отработанного времени негативно влияет на оценку счастливой жизни [49]. Приходится констатировать, что даже в современном обществе люди трудятся слишком долго и нуждаются в дальнейшем сокращении рабочего времени. Закономерный характер сокращения рабочего времени, его позитивные эффекты обуславливают научный интерес к перспективам этого процесса.

Перспектива динамики рабочего времени

Признание сокращения рабочего времени долгосрочной тенденцией отражает не только историческую ретроспективу, но и формирует понимание ее перспективы, имеющее, естественно, прогнозный характер. Один из наиболее из-

вестных прогнозов динамики рабочего времени принадлежит Дж.М. Кейнсу [10]. Сопоставляя динамику выпуска в производственной сфере, с одной стороны, и — суммарных затрат труда в этом секторе, с другой, английский экономист обосновывал перспективу восьмикратного роста среднедушевых доходов при сокращении рабочей смены — до 3 часов и рабочей недели — до 15 часов к 2030 году.

Если его предвидение о росте общественного благосостояния оценивается как вполне реалистичное, то относительно сокращения рабочего времени констатируются более медленные темпы, чем необходимы для реализации прогноза к 2030 году [50]. Чаше всего, отклонение связывают с проявлением относительных потребностей, побуждающих трудиться больше, чтобы не отставать от уровня жизни других [51].

Заслуживает большего внимания аргумент о том, что экономия труда в производстве использовалась не для радикального сокращения рабочего времени, а для масштабного перераспределения труда в пользу сферы услуг [52]. Очевидно, что нынешнее доминирование занятости в сфере услуг снижает необходимость такого перераспределения. Если исходить из предпосылки, что, начиная с настоящего момента, вся экономия производственного труда осуществлялась бы в форме сокращения его продолжительности, то, по расчетам, трехчасовые смены были бы достижимы в Германии и Франции к 2040 году [53].

Апелляция к прогнозу Дж.М. Кейнса используется современными авторами для уточнения перспектив динамики отработываемых часов. Так, предлагается перейти в XXI веке к 21-часовой рабочей неделе в целях достижения справедливости и благосостояния для всех, процветания экономики, сохранения природных ресурсов планеты [54].

Правомерно отмечается, что спецификой сокращения рабочего времени в будущем станет адаптация его к преобладанию занятости в сфере услуг, где труднее обеспечить

рост производительности труда и измерить такой рост [55]. В условиях роботизации экономики актуализируется потребность в дальнейшем уменьшении времени труда для предупреждения массовой технологической безработицы [56].

Закономерность сокращения рабочего времени принимается во внимание при обосновании такой масштабной социальной инновации, как введение безусловного базового дохода (ББД) [57]. Преобладающей является оценка ББД как совместимого с нормальным функционированием рынка труда [58; 59].

Перспектива сокращения рабочего времени — предмет не только теоретического осмысления, но и соответствующих экспериментов. Рассмотрение опыта сокращения рабочего дня до 6 часов, а рабочей недели до 30 часов без понижения заработка, как правило, подтверждает наличие позитивных эффектов, особенно с точки зрения улучшения баланса «работа-жизнь», снижения уровня стресса и укрепления здоровья работников [8; 60; 61]. Не так однозначны итоги этих экспериментов с позиций финансовых результатов организаций-объектов изучения. Нет сомнений, что прогресс экономики будет стимулировать исследования перспектив динамики рабочего времени, включая теоретические разработки и их экспериментальную апробацию.

Заключение

Как показал проделанный анализ, исследования проблемы сокращения рабочего времени в современной экономике многоаспектны и привели к существенным научным результатам. В социально-экономической литературе зафиксирован долгосрочный тренд сокращения количества часов, отработанных в среднем в расчете на одного работника в рамках каждого периода трудовой активности — от рабочего дня до трудового стажа. В исследованиях проблемы раскрыта обусловленность сокращения рабочего времени повышением производительности труда.

При таком условии объективно сочетаются уменьшение отработанных часов и рост уровня реальной заработной платы.

Актуальным аспектом анализа динамики рабочего времени стало обсуждение проблем повышения пенсионного возраста, демонстрирующих влияние на трудовой стаж не только экономических, но и демографических факторов.

Раскрыто позитивное влияние сокращения рабочего времени на укрепление здоровья, смягчение гендерного неравенства, улучшение баланса между временем труда и временем удовлетворения других социальных потребностей, обеспечение занятости, восприятие жизни как счастливой. Все это подтверждает закономерный характер соответствующей динамики рабочего времени.

Естественным дополнением исследований ретроспективного характера выступают работы, содержащие прогнозы динамики рабочего времени. Самый известный прогноз, осуществленный Дж. М. Кейнсом, сохраняет свою значимость в теоретико-методологическом плане. Предвидение сокращения рабочего времени вписывается в контекст приобретающей популярность идеи безусловного базового дохода.

Если попытаться очертить перспективы дальнейших исследований динамики рабочего времени, то их можно связать с выявлением специфики сокращения рабочего времени в производственной сфере, с одной стороны, и в сфере услуг, с другой. Приобретает большую актуальность проблема трансформации высвобождаемого труда вследствие цифровизации экономики в прирост свободного времени работников, в том числе, для предупреждения массовой технологической безработицы. Несомненно, комплекс проблем динамики рабочего времени будет и впредь занимать значительное место в социально-экономических исследованиях.

Литература и Интернет-источники

1. **Патрушев В. Д.** Использование совокупного времени общества. — М.: Мысль, 1978. — 216 с.
2. **Струмилин С. Г.** Проблемы экономики труда. — М.: Наука, 1982. — 472 с.
3. **Savran S., Tonak E. A.** Productive and Unproductive Labour: An Attempt at Clarification and Classification. *Capital & Class*. 1999. Vol. 23(2). P. 113–152.
4. **Lee S., McCann D., Messenger J. C.** Working Time Around the World: Trends in working hours, laws and policies in a global comparative perspective. Routledge. Geneva: International Labour Organization. 2007. 220 p. [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/@dgreports/@dcomm/@publ/documents/publication/wcms_104895.pdf (дата обращения: 10.03. 2020).
5. **Huberman M., Minns C.** The times they are not changin': Days and hours of work in Old and New Worlds, 1870–2000 // *Explorations in Economic History*. 2007. Vol. 44. P. 538–567.
6. **Marchand O.** An international comparison of working times. *Futures*. 1993. Vol. 25. Iss. 5. June. P. 502–510.
7. **Prescott E. C., Rogerson R., Wallenius J.** Lifetime aggregate labor supply with endogenous workweek length. *Review of Economic Dynamics*. 2009. Vol. 12. P. 23–36.
8. **De Spiegelaere S., Piasna A.** The why and how of working time reduction. European Trade Union Institute. 2017. 88 p. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.etui.org/Publications2/Guides/The-why-and-how-of-working-time-reduction> (дата обращения: 20.03. 2020).
9. **Costa D. L.** The Wage and the Length of the Work Day: From the 1890s to 1991 // *Journal of Labor Economics*. 2000. Vol. 18. No 1. P. 156–181.
10. **Кейнс Дж. М.** Экономические возможности для наших внуков. // *Вопросы экономики*. — 2009. — № 6. — С. 60–65.
11. **Леонтьев В.** Экономические эссе. Теории, исследования, факты и политика. — М.: Изд-во политической литературы, 1990. — 415 с.
12. **Floud R., Fogel R. W., Harris B., Sok Chul Hong.** The Changing Body: Health, Nutrition, and Human Development in the Western World since 1700. NBER. Cambridge University Press. 2011. 431 p.
13. **Bosh G., Lehnendorff S.** Working time reduction and employment: experiences in Europe and economic policy recommendations. *Cambridge Journal of Economics*. 2001. Vol. 25. P. 209–243.
14. **Bell L. A., Freeman R. B.** The incentive for working hard: explaining hours worked differences in the US and Germany. *Labour Economics*. 2001. Vol. 8. P. 181–202.
15. **Borjas G. J.** *Labor Economics*. Seventh Edition. McGraw-Hill Education. 2016. 569 p.
16. **Leijonhufvud A.** Spreading the Bread Thin on the Butter. In Pecci L., Piga G. (eds.), *Revisiting Keynes: economic possibilities for our grandchildren*. Massachusetts Institute of Technology. 2008. P. 117–124.
17. **Sallaz J. J.** *Labor, Economy, and Society*. Polity Press. Cambridge. 2013. 199 p.
18. **Snir R., Harpaz I.** Beyond workaholism: Towards a general model of heavy work investment. *Human Resource Management Review*. 2012. Vol. 22. P. 232–243.
19. **Schor J. B.** *The Overworked American: The Unexpected Decline of Leisure*. New York: Basic Books. 1991. 247 p.
20. **Åkerstedt T., Kecklund G.** The Future of Work Hours — the European View. *Industrial Health*. 2005. Vol. 43. P. 80–84.
21. **Freeman R. B.** Why Do We Work More Than Keynes Expected? In Pecci L., Piga G. (eds.), *Revisiting Keynes: economic possibilities for our grandchildren*. Massachusetts Institute of Technology. 2008. P. 135–142.
22. **Alesina A., Glaeser E., Sacerdote B.** Work and Leisure in the U.S. and Europe: Why So Different? NBER Working Paper. 2005. No. 11278. 74 p. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.nber.org/papers/w11278.pdf> (дата обращения: 19.02.2020).

23. *Bowman J. R.* Capitalism compared: welfare, work, and business. SAGE.CQ Press. 2014. 376 p.
24. *Lehndorff S.* It's long way from norms to normality: the 35-hour week in France. *Industrial and Labor Relations Review*. 2014. Vol. 67(3). July. P. 838–863.
25. *Prescott E. C.* Why Do Americans Work So Much More Than Europeans? Federal Reserve Bank of Minneapolis. *Quarterly Review*. 2004. Vol. 28. No. 1. July. 13 p.
26. *Finnigan R., Hale J. M.* Working 9 to 5? Union Membership and Work Hours and Schedules. *Social Forces*. 2018. Vol. 96(4). June. P. 1541–1568.
27. *Lehndorff S., Wagner A., Franz C.* Development of working time in the EU. *European United Left*. Pub.: T. Handel/Dr. A. Troost. 2010. 145 p.
28. *Самсон И.* Четырехдневная рабочая неделя. Французский опыт перехода на 35-часовую рабочую неделю. Законы Обри 1998–2000/Иван Самсон; пер. с франц. — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020. — 182 с.
29. *Mahlberg B., Freund I., Cuaresma J. C., Prskawetz A.* Ageing, productivity and wages in Austria. *Labour Economics*. 2013. Vol. 22. P. 5–15.
30. *Гурвич Е. Т.* Развилки пенсионной реформы: российский и международный опыт // Вопросы экономики. — 2019. — № 9. — С. 5–39. DOI: 10.32609/0042–8736–2019–9–5–39
31. *Coe N. B., Zamarro G.* Retirement effects on health in Europe. *Journal of Health Economics*. 2011. Vol. 30. P. 77–86.
32. *Wise D. A.* Facilitating Longer Working Lives: International Evidence On Why And How. *Demography*. 2010. Vol. 47. P. 131–149.
33. *Золотов А. В.* Сокращение рабочего времени и проблема повышения пенсионного возраста // Проблемы современной экономики. — 2018. — № 1. — С. 33–38.
34. *McGrattan E. R.* Changes in the Distribution of Family Hours Worked Since 1950. Federal Reserve Bank of Minneapolis. Research Department Staff Report 397. 2008. 32 p.
35. *Clarke S., Holdsworth L.* Flexibility in the Workplace: Implications of flexible work arrangements for individuals, teams and organizations. Research Paper. Ref: 03/17. Published by Acas. 2017. 45 p. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://archive.acas.org.uk/media/4901/Flexibility-in-the-Workplace-Implications-of-flexible-work-arrangements-for-individuals-teams-and-organisations/pdf/Flexibility-in-the-Workplace.pdf> (дата обращения: 19.02.2020).
36. *Sparks K., Cooper C., Fried Y., Shirom A.* The effects of hours of work on health: A meta-analytic review // *Journal of Occupational and Organizational Psychology*. 1997. Vol. 70. P. 391–408.
37. *Fischer F. M., Puttonen S., Skene D. J.* 21st International Symposium on Shiftwork and Working Time: The 24/7 Society — From chronobiology to practical life. *Chronobiology International*. 2014. Vol. 31(10). P. 1093–1099.
38. *Marucci-Wellman H. R., Tin-Chi Lin, Willetts J. L., Brennan M. J., and Santosh S. K.* Differences in Time Use and Activity Patterns When Adding a Second Job: Implications for Health and Safety in the United States. *American Journal of Public Health*. 2014. August. Vol. 104. No. 8. P. 1488–1500.
39. *Lombardi D. F., Folkard S., Joanna L., Willetts J. L., Smith G. S.* Daily Sleep, Weekly Working Hours, and Risk of Work-Related Injury: US National Health Interview Survey (2004–2008). *Chronobiology International*. 2010. Vol. 27(5). P. 1013–1030.
40. *Lahey G.* Viking Economics. How the Scandinavians Got it Right — and How We Can, Too. Brooklyn: Melville House. 2016. 287 p.
41. *Mutari E., Figart D. M.* Europe at a crossroads: harmonization, liberalization, and the gender of work time. *Social Politics: International Studies in Gender, State and Society*. 2001. Vol. 8 (1). P. 36–64.
42. *Zbyszewska A.* The European Union Working Time Directive: Securing minimum standards with gendered consequences // *Women's Studies International Forum*. 2013. Vol. 39. P. 30–41.
43. *Askenazy P.* A Primer on the 35-Hour in France, 1997–2007. IZA. Discussion Paper. No. 3402. 2008. March. 28 p.

44. **Kapelyushnikov R., Kuznetsov A., Kuznetsova O.** The role of the informal sector, flexible working time and pay in the Russian labour market model. *Post-Communist Economies*. 2012. Vol. 24. No. 2. P. 177–190.
45. **Herzog-Stein A., Zapf I.** The navigating the great recession: the impact of working-time accounts in Germany. *Industrial and Labor Relations Review*. 2014. Vol. 67(3). July. P. 891–925.
46. **Sánchez R.** Do reductions of standard hours affect employment transitions? Evidence from Chile. *Labour Economics*. 2013. Vol. 20. P. 24–37.
47. **Costa G., Gadbois C., Jansen B., Knauth P., Léonard R., Wedderburn A.** Compressed Working Time. *Bulletin of European Studies on Time*. Edited by A. Wedderburn. 1996. No. 10. 55 p.
48. **Fitzgerald J. B., Schor J. B., Jorgenson A. K.** Working Hours and Carbon Dioxide Emissions in the United States, 2007–2013. *Social Forces*. 2018. Vol. 96. Iss. 4. June. P. 1851–1874.
49. **Clark A. E., Fleche S., Layard R., Powdthavee N., Ward G.** The Origin of Happiness. The Science of Well-Being over the Life Course. Princeton University Press. 2018. 325 p.
50. **Pecchi L., Piga G.** Economic Possibilities for our Grandchildren: A Twenty-first Century Perspective. In Pecchi L., Piga G. (eds.), *Revisiting Keynes: economic possibilities for our grandchildren*. Massachusetts Institute of Technology. 2008. P. 1–16.
51. **Stiglitz J. E.** Toward a General Theory of Consumerism: Reflections on Keynes's Economic Possibilities for our Grandchildren. In Pecchi L., Piga G. (eds.), *Revisiting Keynes: economic possibilities for our grandchildren*. Massachusetts Institute of Technology. 2008. P. 41–85.
52. **Skidelsky R., Skidelsky E.** How Much is Enough? Money and the Good Life. Penguin Books. 2012. 243 p.
53. **Золотов А. В., Демичева Т. Н., Лядова Е. В., Полушкина И. Н.** Об осуществлении прогноза Дж. М. Кейнса о переходе к трехчасовым сменам в производстве // Социально-трудовые исследования. — 2020. — № 38(1). — С. 46–58. DOI: 10.34022/2658–3712–2020–38–1–46–58
54. **Coote A., Franklin J., Simms A.** 21hours. Why a shorter working week can help us to flourish in the 21st century. The New Economics Foundation. 2010. 38p.
55. **Skidelsky R.** How to achieve shorter working hours. London: PEF. 2019. 60 p. [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://progressiveeconomyforum.com/wpcontent/uploads/2019/08/PEF_Skidelsky_How_to_achieve_shorter_working_hours.pdf (дата обращения: 18.04.2020).
56. **Ford M.** The Rise of the Robots. Technology and the Threat of Mass Unemployment. A Newworld Book. 2016. 334 p.
57. **Бобков В. Н., Долгушкин Н. К., Одинцова Е. В.** Безусловный базовый доход: размышления о возможном влиянии на повышение уровня и качества жизни и устойчивости общества // Уровень жизни населения регионов России. — 2019. № 3(213). — С. 8–26. DOI: 10.24411/1999–9836–2019–10069
58. **Standing G.** Basic Income: And How We Can Make It Happen. Pelican Books. 2017. 374 p.
59. **Specianova J.** Labor Supply Elasticity in the Unconditional Basic Income System: Data Sources and Methodological Issues. *European Scientific Journal*. 2018. February. Vol. 14. No. 4. P. 13–29.
60. **Åkerstedt T., Olsson B., Ingre M., Holmgren M., Kecklund G.** A 6-hour working day — effects on health and well-being. *Journal of Human Ergology*. Tokyo. 2001. Vol. 30 (1–2). P. 197–202.
61. **Hunnicut B. K.** Kellogg's Six-Hour Day: A Capitalist Vision of Liberation through Managed Work Reduction. *The Business History Review*. 1992. Vol. 66. No. 3. Autumn. P. 475–522.

Сведения об авторе:

Золотов Александр Владимирович, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории и методологии, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия.
Контактная информация: e-mail: zoav6@iee.unn.ru; ORCID: 0000–0001–7451–4408.

DOI: 10.19181/population.2020.23.3.14

ON THE STUDIES OF THE REGULAR CHARACTER, FACTORS, EFFECTS AND PERSPECTIVES OF THE WORKING TIME DYNAMICS IN MODERN ECONOMY

Aleksandr V. Zolotov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
(27 Lenin prospect, Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603950)

E-mail: zoav6@iee.unn.ru

Funding:

The article was prepared with the financial support of RFBR, grant No. 19-110-5044.

For citation:

Zolotov A.V. On the studies of the regular character, factors, effects and perspectives of the working time dynamics in modern economy. *Narodonaselenie* [Population]. 2020. Vol. 23. No. 3. P. 155-168. DOI: 10.19181/population.2020.23.3.14

Abstract. *The article examines a significant array of the scientific works devoted to different aspects of the working time dynamics. The conclusion is made that the main measure of this dynamics is the average number of hours worked per worker. This indicator can be used for analysis of all periods of labor activity including seniority. It is stated that the research on the problem shows a long-run trend of working time reduction. The works devoted to the topic also consider other factors affecting length of work: increase of labor productivity, influence of income effect and substitution effect on individual labor supply, motivation of employers, role of trade unions and collective bargaining, labor legislation. There are presented approaches to explanation of differences in the dynamics of working time in the USA and in West Europe. It is taken into account that the working time reduction during the past decades is characterized as one of the preconditions of pension reforms. There are considered works that contain analysis of the effects caused by the changes in working time length, including their impact on workers' health, work-life balance, gender inequality, unemployment rate, labor productivity, environment, perception the life as happy. The article shows a significant interest of researchers to perspectives of the working time dynamics in the context of analysis of J. M. Keynes's prediction about switch to 3-hour shifts by 2030. It is stated that the problem of perspectives of the working time dynamics is becoming one of the key issues in discussing the concept of Universal Basic Income. The article notes the attention of researchers to experiments on the working day reduction to 6 hours.*

Keywords: *working time, labor productivity, employment, work-life balance.*

References and Internet sources

1. Patrushev V.D. Ispol'zovaniye sovokupnogo vremeni obshchestva. [*The Use of the Total Time of Society*]. Moscow. Mysl' [Thought]. 1978. 216 p. (in Russ.)
2. Strumilin S.G. Problemy ekonomiki truda [*Issues of Labor Economics*]. Moscow. Nauka [Science]. 1982. 472 p. (in Russ.)
3. Savran S., Tonak E.A. Productive and Unproductive Labour: An Attempt at Clarification and Classification. *Capital & Class*. 1999. Vol. 23(2). P. 113-152.
4. Lee S., McCann D., Messenger J.C. *Working Time Around the World: Trends in Working Hours, Laws and Policies in a Global Comparative Perspective*. Routledge. Geneva: International Labour Organization. 2007. 220 P. Available at: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/@dgreports/@dcomm/@publ/documents/publication/wcms_104895.pdf (Accessed: 10 March 2020).

5. Huberman M., Minns C. The times they are not changin': Days and hours of work in Old and New Worlds, 1870–2000. *Explorations in Economic History*. 2007. Vol. 44. P. 538–567.
6. Marchand O. An international comparison of working times. *Futures*. 1993. Vol. 25. Iss. 5. June. P. 502–510.
7. Prescott E. C., Rogerson R., Wallenius J. Lifetime aggregate labor supply with endogenous workweek length. *Review of Economic Dynamics*. 2009. Vol. 12. P. 23–36.
8. De Spiegelaere S., Piasna A. *The why and how of working time reduction*. European Trade Union Institute. 2017. 88 p. Available at: <https://www.etui.org/Publications2/Guides/The-why-and-how-of-working-time-reduction> (Accessed: 20 March 2020).
9. Costa D.L. The Wage and the Length of the Work Day: From the 1890s to 1991. *Journal of Labor Economics*. 2000. Vol.18. No 1. P. 156–181.
10. Keynes J.M. Ekonomicheskiye vozmozhnosti dlya nashih vnukov [Economic possibilities for our grandchildren]. *Voprosy ekonomiki [Issues of Economics]*. 2009. No 6. P. 60–65. (in Russ.)
11. Leont'ev V. Ekonomicheskie esse. Teorii, issledovaniya, fakty i politika [Essays in economics: theories, studies, facts, and policies]. Moscow. Izd-vo politicheskoy literatury [Publishing House of Political Literature]. 1990. 415 p. (in Russ.)
12. Floud R., Fogel R.W., Harris B., Sok Chul Hong. *The Changing Body: Health, Nutrition, and Human Development in the Western World since 1700*. NBER. Cambridge University Press. 2011. 431 p.
13. Bosh G., Lehnndorff S. Working time reduction and employment: experiences in Europe and economic policy recommendations. *Cambridge Journal of Economics*. 2001. Vol. 25. P. 209–243.
14. Bell L.A., Freeman R.B. The incentive for working hard: explaining hours worked differences in the US and Germany. *Labour Economics*. 2001. Vol. 8. P. 181–202.
15. Borjas G.J. *Labor Economics*. Seventh Edition. McGraw-Hill Education. 2016. 569 p.
16. Leijonhufvud A. Spreading the Bread Thin on the Butter. In Pecci L., Piga G. (eds.), *Revisiting Keynes: Economic Possibilities for Our Grandchildren*. Massachusetts Institute of Technology. 2008. P. 117–124.
17. Sallaz J.J. *Labor, Economy, and Society*. Polity Press. Cambridge. 2013. 199 p.
18. Snir R., Harpaz I. Beyond workaholism: Towards a general model of heavy work investment. *Human Resource Management Review*. 2012. Vol. 22. P. 232–243.
19. Schor J.B. *The Overworked American: The Unexpected Decline of Leisure*. New York: Basic Books. 1991. 247 p.
20. Åkerstedt T., Kecklund G. The Future of Work Hours — the European View. *Industrial Health*. 2005. Vol. 43. P. 80–84.
21. Freeman R.B. Why Do We Work More Than Keynes Expected? In Pecci L., Piga G. (eds.), *Revisiting Keynes: Economic Possibilities for Our Grandchildren*. Massachusetts Institute of Technology. 2008. P. 135–142.
22. Alesina A., Glaeser E., Sacerdote B. *Work and Leisure in the U.S. and Europe: Why So Different?* NBER Working Paper. 2005. No. 11278. 74 p. Available at: <https://www.nber.org/papers/w11278.pdf> (Accessed: 19 February 2020).
23. Bowman J.R. *Capitalism Compared: Welfare, Work, and Business*. SAGE.CQ Press. 2014. 376 p.
24. Lehnndorff S. It's long way from norms to normality: the 35-hour week in France. *Industrial and Labor Relations Review*. 2014. Vol. 67(3). July. P. 838–863.
25. Prescott E.C. Why Do Americans Work So Much More Than Europeans? Federal Reserve Bank of Minneapolis. *Quarterly Review*. 2004. Vol. 28. No 1. July. 13 p.
26. Finnigan R., Hale J.M. Working 9 to 5? Union Membership and Work Hours and Schedules. *Social Forces*. 2018. Vol. 96(4). June. P. 1541–1568.
27. Lehnndorff S., Wagner A., Franz C. *Development of Working Time in the EU*. European United Left. Pub. T. Handel/Dr. A. Troost. 2010. 145 p.

28. Samson I. Chetyrekhodnevnaya rabochaya nedelya. Frantsuzskij opyt perekhoda na 35-chasovuyu rabochuyu nedelyu. Zakony Obri 1998–2000 [Four-Day Working Week. The French Experience of Transition to 35-Hour Working Week. Aubry Laws 1998–2000]. Moscow. Izdatel'skij dom «Delo» RANHiGS [Publishing House “Delo”. RANEPa]. 2020. 182 p. (in Russ.)
29. Mahlberg B., Freund I., Cuaresma J.C., Prskawetz A. Ageing, productivity and wages in Austria. *Labour Economics*. 2013. Vol. 22. P. 5–15.
30. Gurvich E.T. Razvilki pensionnoj reformy: rossijskij i mezhdunarodnyj opyt. [The junctions of pension reforms: Russian and international experience]. *Voprosy ekonomiki*. [Issues of Economics]. 2019. No 9. P. 5–39. (in Russ.) DOI:10.32609/0042–8736–2019–9–5–39
31. Coe N.B., Zamarro G. Retirement effects on health in Europe. *Journal of Health Economics*. 2011. Vol. 30. P. 77–86.
32. Wise D.A. Facilitating Longer Working Lives: International Evidence On Why And How. *Demography*. 2010. Vol. 47. P. 131–149.
33. Zolotov A.V. Sokrashcheniye rabocheho vremeni i problema povysheniya pensionnogo vozrasta [Reduction of working time and the problem of raising pension age]. *Problemy sovremennoj ekonomiki* [Problems of Modern Economy]. 2018. No 1. P. 33–38. (in Russ.)
34. McGrattan E.R. *Changes in the Distribution of Family Hours Worked Since 1950*. Federal Reserve Bank of Minneapolis. Research Department Staff Report 397. 2008. 32 p.
35. Clarke S., Holdsworth L. *Flexibility in the Workplace: Implications of Flexible Work Arrangements for Individuals, Teams and Organizations*. Research Paper. Ref: 03/17. Published by Acas. 2017. 45 P. Available at: <https://archive.acas.org.uk/media/4901/Flexibility-in-the-Workplace-Implications-of-flexible-work-arrangements-for-individuals-teams-and-organisations/pdf/Flexibility-in-the-Workplace.pdf> (Accessed: 19 February 2020).
36. Sparks K., Cooper C., Fried Y., Shirom A. The effects of hours of work on health: A meta-analytic review. *Journal of Occupational and Organizational Psychology*. 1997. Vol. 70. P. 391–408.
37. Fischer F.M., Puttonen S., Skene D.J. 21st International Symposium on Shiftwork and Working Time: The24/7 Society—From chronobiology to practical life. *Chronobiology International*. 2014. Vol. 31(10). P. 1093–1099.
38. Marucci-Wellman H. R., Tin-Chi Lin, Willetts J.L., Brennan M.J., and Santosh S.K. Differences in Time Use and Activity Patterns When Adding a Second Job: Implications for Health and Safety in the United States. *American Journal of Public Health*. 2014. August. Vol. 104. No. 8. P. 1488–1500.
39. Lombardi D.F., Folkard S., Joanna L., Willetts J.L., Smith G.S. Daily Sleep, Weekly Working Hours, and Risk of Work-Related Injury: US National Health Interview Survey (2004–2008). *Chronobiology International*. 2010. Vol. 27(5). P. 1013–1030.
40. Lakey G. *Viking Economics. How the Scandinavians Got it Right—and How We Can, Too*. Brooklyn: Melville House. 2016. 287 p.
41. Mutari E., Figart D. M. Europe at a crossroads: harmonization, liberalization, and the gender of work time. *Social Politics: International Studies in Gender, State and Society*. 2001. Vol. 8(1). P. 36–64.
42. Zbyszewska A. The European Union Working Time Directive: Securing minimum standards with gendered consequences. *Women's Studies International Forum*. 2013. Vol. 39. P. 30–41.
43. Askenazy P. *A Primer on the 35-Hour in France, 1997–2007*. IZA. Discussion Paper. No. 3402. 2008. March. 28 p.
44. Kapelyushnikov R., Kuznetsov A., Kuznetsova O. The role of the informal sector, flexible working time and pay in the Russian labour market model. *Post-Communist Economics*. 2012. Vol. 24. No. 2. P. 177–190.
45. Herzog-Stein A., Zapf I. The navigating the great recession: the impact of working-time accounts in Germany. *Industrial and Labor Relations Review*. 2014. Vol. 67(3). July. P. 891–925.
46. Sánchez R. Do reductions of standard hours affect employment transitions? Evidence from Chile. *Labour Economics*. 2013. Vol. 20. P. 24–37.

47. Costa G., Gadbois C., Jansen B., Knauth P., Léonard R., Wedderburn A. Compressed Working Time. *Bulletin of European Studies on Time*. Edited by A. Wedderburn. 1996. No. 10. 55 p.
48. Fitzgerald J. B., Schor J. B., Jorgenson A. K. Working Hours and Carbon Dioxide Emissions in the United States, 2007–2013. *Social Forces*. 2018. Vol. 96. Iss. 4. June. P. 1851–1874.
49. Clark A. E., Fleche S., Layard R., Powdthavee N., Ward G. *The Origin of Happiness. The Science of Well-Being over the Life Course*. Princeton University Press. 2018. 325 p.
50. Pecchi L., Piga G. Economic Possibilities for our Grandchildren: A Twenty-first Century Perspective. In Pecchi L., Piga G. (eds.), *Revisiting Keynes: Economic Possibilities for Our Grandchildren*. Massachusetts Institute of Technology. 2008. P. 1–16.
51. Stiglitz J. E. Toward a General Theory of Consumerism: Reflections on Keynes's Economic Possibilities for our Grandchildren. In Pecchi L., Piga G. (eds.), *Revisiting Keynes: Economic Possibilities for Our Grandchildren*. Massachusetts Institute of Technology. 2008. P. 41–85.
52. Skidelsky R., Skidelsky E. *How Much is Enough? Money and the Good Life*. Penguin Books. 2012. 243 p.
53. Zolotov A. V., Demicheva T. N., Lyadova E. V., Polushkina I. N. Ob osushchestvlenii prognoza Dzh. M. Keinsa o perekhode k trekhchasovym smenam v proizvodstve. [Implementing J. M. Keynes's prediction on switch to three-hour shifts in production]. *Social'no-trudovye issledovaniya. [Social & Labour Research]*. 2020. No 38(1). P. 46–58. (in Russ.) DOI: 10.34022/2658–3712–2020–38–1–46–58
54. Coote A., Franklin J., Simms A. *21hours. Why a shorter working week can help us to flourish in the 21st century*. The New Economics Foundation. 2010. 38 p.
55. Skidelsky R. How to achieve shorter working hours. London: PEF. 2019. 60 p. Available at: https://progressiveeconomyforum.com/wpcontent/uploads/2019/08/PEF_Skidelsky_How_to_achieve_shorter_working_hours.pdf (Accessed: 18 April 2020).
56. Ford M. *The Rise of the Robots. Technology and the Threat of Mass Unemployment*. A Oneworld Book. 2016. 334 p.
57. Bobkov V. N., Dolgushkin N. K., Odintsova E. V. Bezuslovnyj bazovyj dohod: razmyshleniya o vozmozhnom vliyaniy na povysheniye urovnya i kachestva zhizni i ustojchivosti obshchestva. [Universal Basic Income: Reflections on the Possible Impact on Improving the Living Standards and Quality of Life and the Sustainability of Society]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]*. 2019. No. 3(213). P. 8–26. (in Russ.) DOI: 10.24411/1999–9836–2019–10069
58. Standing G. *Basic Income: And How We Can Make It Happen*. Pelican Books. 2017. 374 p.
59. Specianova J. Labor Supply Elasticity in the Unconditional Basic Income System: Data Sources and Methodological Issues. *European Scientific Journal*. 2018. February. Vol. 14. No. 4. P. 13–29.
60. Åkerstedt T., Olsson B., Ingre M., Holmgren M., Kecklund G. A 6-hour working day—effects on health and well-being. *Journal of Human Ergology*. Tokyo. 2001. Vol. 30 (1–2). P. 197–202.
61. Hunnicutt B. K. Kellogg's Six-Hour Day: A Capitalist Vision of Liberation through Managed Work Reduction. *The Business History Review*. 1992. Vol. 66. No. 3. Autumn. P. 475–522.

Information about the author:

Zolotov Aleksandr Vladimirovich, Dr. Sc. (Econ.), Professor, Head of Chair, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation.

Contact information: e-mail: zoav6@iee.unn.ru; ORCID: 0000–0001–7451–4408.

Статья поступила в редакцию 30.05.2020.

DOI:10.19181/population.2020.23.3.15

ДЛИТЕЛЬНОСТЬ ПОИСКА РАБОТЫ И ЗАРПЛАТНЫЕ ОЖИДАНИЯ БЕЗРАБОТНЫХ

Коленникова О. А.

Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН
(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)

E-mail: kolennikova@mail.ru

Для цитирования:

Коленникова О. А. Длительность поиска работы и зарплатные ожидания безработных // Народонаселение. — 2020. — Т. 23. — № 3. — С. 169-181. DOI: 10.19181/population.2020.23.3.15

Аннотация: В статье исследуется, как меняются зарплатные ожидания безработных в ходе поиска работы. Изучаемые вопросы рассматриваются в рамках проблем социальной защищенности рабочей силы в области оплаты труда. Информационной базой послужили данные анкетного опроса ищущих работу и обратившихся за содействием в государственную службу занятости населения города Москвы, осуществленного в 2017 году. Выяснялись два типа зарплатных установок: минимальная заработная плата, на которую безработные респонденты готовы были согласиться, и достойный уровень оплаты труда. Изменение зарплатных ожиданий по мере увеличения продолжительности поиска работы изучалось двояко: во-первых, анализировался характер траектории и, во-вторых, оценивались сдвиги с учетом воспроизводственной функции заработной платы. Выяснилось, что 2/3 респондентов ориентировались на зарплату в диапазоне от 1,5 до 3 минимальных размеров оплаты труда (МРОТ), и их ожидания в ходе затягивания срока поиска работы концентрировались в данном диапазоне. Численность искавших высокооплачиваемую работу более года сократилась в 3 раза в сравнении с только начавшими поиск. Контингент согласных на малооплачиваемую работу отличался высокой подвижностью и изменением качественного состава. Низкие социальные выплаты вынуждали соглашаться на малоквалифицированный труд и/или работу не по специальности, что приводило к обесцениванию зарплатных ожиданий. Рост информированности о ситуации на рынке труда, контролируемого городской службой занятости, также способствовал их коррекции. Выработывая оптимальную стратегию поиска работы в рамках дефицита вакансий с достойным уровнем оплаты труда и рисков отказа со стороны работодателей, безработные корректировали свои ожидания в сторону более низких притязаний.

Ключевые слова: безработица, поиск работы, резервная заработная плата, социальная защищенность, государственная служба занятости.

Защищенность людей, по тем или иным причинам ставших безработными, определяется возможностями их трудоустройства на подходящую работу. Не случайно, статистическими службами отслеживается не только численность безработных, но и длительность поиска работы как важный индикатор напряженности на рынке труда. Увеличение срока поиска расценивается как сигнал обострения проблем найма на «хорошие» рабочие места.

В концепции достойного труда, выдвинутой МОТ, качественная занятость характеризуется рядом критериев: производительный труд за справедливое вознаграждение, охрана труда на рабочем месте, перспективы самореализации, возможность солидарной защиты трудовых прав, отсутствие дискриминации и др. В современных российских условиях, как отмечают специалисты, именно оплата труда доминирует в выборе рабочего места, и недостаточность заработной платы для воспроизводства работника и его семьи на минимальном социально-приемлемом уровне способствует искажению структуры трудовой мотивации [1].

Эти выводы в значительной мере относятся к тем категориям рабочей силы, которые из-за социально-демографических, образовательных и иных характеристик наиболее уязвимы на рынке труда. Опасаясь затягивания периода незанятости, они вынуждены занижать уровень запросов, порой соглашаясь на несоответствующий квалификационному статусу малооплачиваемый труд. В связи с этим изучение зарплатных ожиданий безработных с учетом длительности поиска работы представляется важной задачей, поскольку знания в этой области позволят расширить представления о социальной защищенности рабочей силы в сфере оплаты труда.

В теориях поиска работы постулируется, что в условиях неполной информации о вакансиях и характеристиках соискателей, требуется время, чтобы «сосватать» безработных и потенциальных работодателей [2. С. 649]. Общая модель трудо-

устройства представляется в виде произведения вероятности нахождения соискателем вакансии и вероятности согласия ее занять. Один из подходов к оптимальному поиску — определение числа фирм, в которые безработный будет обращаться, и выбор наиболее выгодного в плане заработной платы варианта. На практике, как правило, нет возможности вернуться к ранее рассмотренной вакансии, поскольку она будет предложена другому кандидату. Иной подход (последовательный поиск) основан на минимальной оплате труда, на которую безработный готов согласиться, или резервной заработной плате. Соискателя не возьмут на должности, для замещения которых он не соответствует нормам найма (квалификация и другие характеристики). Сам же безработный будет отклонять те предложения, где предлагаемая заработная плата ниже резервной. В таком случае определяющими являются интенсивность поиска работы и размер минимально приемлемой заработной платы [2. С. 651–652].

Теоретически, чем ниже издержки поиска работы, тем выше установленная резервная заработная плата и длительность безработицы [3]. Результаты эмпирических исследований показывают, что резервная заработная плата не остается постоянной в процессе поиска, а, напротив, меняется. Это объясняется, во-первых, ограниченностью временного горизонта поиска работы; во-вторых, феноменом адаптивного поиска — с каждым шагом работник больше узнает о предлагаемых ставках оплаты труда и может переоценивать уровень резервной заработной платы (как в сторону повышения, так и понижения) [4]. Анализ поведения российских работников показал, что они устанавливают резервную заработную плату экономически осмысленно с учетом своих реальных перспектив на рынке труда, стараясь избежать длительного затыгивания безработицы [5]. Среди экономистов имеет место также точка зрения, что никакая модель не в состоянии объяснить все колебания заработной платы, которую в ко-

нечном счете получают те или иные люди, поскольку многое зависит и от удачи [2. С. 653]. Тем не менее, исследования продолжают как в русле изучения механизма формирования приемлемой заработной платы, так и продолжительности поиска работы.

Изучение временных характеристик безработицы отечественными и зарубежными учеными ведется по трем основным направлениям. К первой и, пожалуй, наиболее обширной группе работ можно отнести те, в которых ищутся ключевые факторы, влияющие на срок поиска работы. Сопоставляются вероятности трудоустройства разных возрастных, гендерных, образовательных и других групп рабочей силы. Оценивается влияние мер социальной политики (выплат и размеров пособий по безработице, программ переподготовки и так далее), а также причин незанятости, наличия опыта работы, заработков на последнем месте работы.

Во второй группе исследований, напротив, длительность поиска работы рассматривается как причина изменения уровня безработицы, интенсивности переходов безработных в состояние занятых, либо их выхода из состава рабочей силы, а также таких неблагоприятных последствий как деквалификация, возникновение психологических проблем, рост «теневых» практик.

Третий подход к данному вопросу — это фокусировка взгляда на отдельных проблемных группах рабочей силы. Констатируется, что хотя большое число людей проходит через состояние безработицы в краткосрочные периоды, социально-экономической проблемой является незащищенность тех групп работающего населения, которые остаются без работы в течение длительного времени. Ситуация усугубляется в периоды экономического спада — доля людей, имеющих низкую вероятность трудоустройства, непропорционально возрастает в общей совокупности безработных. В связи с этим, с одной стороны, исследуются «долгосрочники», у которых отсутствие

работы составляет более года, а, с другой стороны, слабозащищенные категории — выпускники образовательных учреждений, инвалиды, одинокие и многодетные родители, лица предпенсионного и пенсионного возраста и другие.

Для анализа ситуации на российском рынке труда задействуются различные источники информации: официальная статистика безработных, исчисленных по методологии МОТ (выборочные обследования рабочей силы) и регистрируемой безработицы (по данным служб по труду и занятости), панельные данные Российского мониторинга экономики и здоровья (РМЭЗ), а также результаты конкретных исследований по проблемам безработицы. Работы отличаются разным решением методологических вопросов, таких как активность поиска или готовность выйти на работу. Обобщая, можно сказать, что длительность поиска работы с учетом неоднородного состава безработных изучается достаточно широко, но и отечественные, и зарубежные специалисты отмечают сложность сравнения и неоднозначность результатов. К примеру, сопоставление зависимости продолжительности поиска первой после окончания вуза работы от таких формальных критериев как пол, полученная специальность, образование родителей, тип учебного заведения, успеваемость во время обучения показало сильный межстрановой разброс в значимости факторов [6]. Что касается зарплатных установок безработных, обладающих неодинаковыми возможностями успешного трудоустройства, они пока изучены недостаточно, что обусловлено, в первую очередь, ориентированностью официальной статистики на сбор фактологической информации, а не зарплатных ожиданий.

Выработке представлений о ситуации на российском рынке труда способствует исследование проблем трудоустройства слабозащищенных слоев населения в Москве, выполненное научным коллективом ИСЭПН РАН в 2017 г. при поддержке Департамента труда и социальной защиты населения города Москвы [7]. В его рамках осу-

ществлен анкетный опрос граждан, ищущих работу (1117 наблюдений) и проведены интервью с экспертами–сотрудниками городской службы занятости населения, оказывающими помощь в трудоустройстве. Статья подготовлена на материалах анкетного опроса, который проводился в 9 районных (по округам) отделах трудоустройства и в Центре занятости молодежи города Москвы. Расчет параметров выборки был произведен на основе данных Мосгорстата о численности безработных в соответствующем административном округе (в 2016 г.). В фокусе наблюдения находились не занятые граждане, искавшие работу и обратившиеся за помощью в государственную службу занятости. Доля таковых в 2017 г. составила 17,7% безработных москвичей, исчисленных по методологии МОТ¹. Невысокое число прибегавших к содействию государственных органов занятости (и к тому же сокращавшееся в предшествующие опросы годы) специалисты связывают, в первую очередь, с правилами выплаты пособий по безработице. Не менявшийся с 2009 г. размер пособия (850 руб. минимальный и 4900 руб. максимальный)², привел к тому, что большинство безработных предпочитали не обращаться за выплатами и решать вопросы трудоустройства иными способами. Тем не менее, за содействием в поиске подходящей работы за период 2017 г. в территориальные отделения Центра занятости населения и Центр занятости молодежи города Москвы обратились 151,4 тыс. человек, 94,2 тыс. человек трудоустроились, а 105 тыс. человек, признанных безработными, получили социальные выплаты³.

¹ Росстат. Итоги выборочного обследования рабочей силы. 2017. Табл. 6.16. Структура безработных в возрасте 15 лет и старше по способам поиска работы. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 20.12.2019).

² Постановление Правительства России № 1326 от 8 декабря 2016 г. «О размерах минимальной и максимальной величин пособия по безработице на 2017 год». [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_208484/ (дата обращения: 20.12.2019).

³ Труд и занятость населения Москвы. 2017 г.: Статистический сборник. – М.: Департамент труда и социальной защиты населения города Москвы, 2018. – 105 с. – С. 55.

Надо сказать, что в целом столичный рынок труда выделялся наиболее благополучной ситуацией в стране. Москва отличалась низким уровнем общей безработицы (1,4%) и занимала четвертое место по среднему времени поиска работы (5,5 месяцев). Для сравнения в целом в РФ соответствующие показатели были куда выше – 5,2% и 7,6 месяцев. Доля безработных, искавших работу год и более, составляла 16,3%, в то время как в среднем в стране таковых было 30,4%, то есть в 1,9 раза больше⁴. Между тем анализ, проведенный в отношении категорий работающего населения, которые обращались за содействием в государственную службу занятости, показал более сложно складывавшуюся ситуацию.

По определению продолжительность поиска работы (продолжительность безработицы) – это промежуток времени, в течение которого незанятый работник ищет работу, используя при этом любые способы. В данном исследовании, как и в обследованиях рабочей силы, измерялась продолжительность так называемой незавершенной безработицы – время с начала поиска работы до фиксации в момент опроса. Из общего числа опрошенных были отобраны респонденты старше 18 лет, искавшие работу на полный рабочий день (неделю), и их зарплатные ожидания измерялись в размере месячной оплаты труда. Среди них 71,8% имели статус безработного, 5,5% находились в стадии его оформления и 22,6% официального статуса не имели, но будучи без работы обратились за содействием в поиске работы (за информацией о вакансиях, помощью в их подборе и тому подобное), согласно терминологии государственной службы занятости – «граждане, ищущие работу». Стоит отметить, что состав граждан, ищущих работу, включал не только не имевших права на статус безработного (например, пенсионеров), а людей разных возрастных групп, причем доля молодежи до 25 лет среди них была больше, чем в числе официальных безработных,

⁴ Там же. С. 38.

где преобладали более возрастные — старше 45 лет.

Помимо обращения в городскую службу занятости 80% опрошенных искали работу, используя специальные сайты в Интернете, 69% обращались к родственникам и знакомым, 55% напрямую к работодателям, 39% следили за объявлениями в СМИ, 30% посещали ярмарки вакансий и осуществляли поиск по другим каналам. Выяснилось, что две трети респондентов начали поиск сразу с обращения в службу занятости, а одна треть — после попыток трудоустроиться, используя иные способы.

В ходе опроса выяснялись два типа зарплатных установок безработных: во-первых, минимальная оплата труда, предло-

женная службой занятости, на которую респондент готов был согласиться (резервная заработная плата); во-вторых, сумма, с которой начинался достойный для респондента уровень оплаты труда. Оказалось, что минимальная заработная плата, на которую респонденты соглашались, составляла в среднем 81% достойной оплаты труда, таким образом, доход, которым соискатели готовы были пожертвовать, составлял 19%. При этом распределение ожидаемых заработных плат имело характерную правостороннюю асимметрию, то есть большая часть респондентов имела более низкие запросы, чем в среднем по выборке.

Таблица 1

Респонденты с разным статусом в службе занятости и подходящим размером оплаты труда в тыс. рублей

Table 1

Unemployed respondents with different status at the state employment service and acceptable wage, thousand rubles

Статус в службе занятости	Минимальная заработная плата, на которую готовы согласиться		Сумма, с которой начинается достойный размер оплаты труда	
	среднее значение	медиана	среднее значение	медиана
Признан безработным	39,0	35,9	48,5	43,9
В стадии оформления	39,1	34,7	48,1	39,1
Ищущий работу	42,2	36,4	51,5	45,1
Итого	39,8	35,9	49,1	43,8

Источник: рассчитано по материалам анкетного опроса в Москве в 2017 г. (ИСЭПН РАН).

Зарплатные требования были существенно ниже в сравнении с оплатой труда работников организаций в Москве. По данным выборочного обследования Росстата, медианное значение заработной платы в 2017 г. составляло 55434 рублей, а среднее — 78111 рублей⁵. Это свидетельствовало об особом контингенте безработных, обращавшихся за содействием

в службу занятости. Из таблицы 1 видно, что зарплатные установки зарегистрированных безработных и находившихся в процессе оформления несколько ниже, чем у тех, кто не намеревались вставить на учет. Тем не менее, проведенная проверка однородности выборок показала возможность совместного анализа данных групп безработных. Длительность поиска работы была разбита на пять интервалов (табл. 2), которые широко используются в практике изучения временных характеристик безработицы.

⁵ Росстат. Сведения о распределении численности работников по размерам заработной платы за апрель 2017 г. (стат. бюллетень). С. 209. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13268> (дата обращения: 20.12.2019).

Таблица 2

Безработные респонденты с разной длительностью поиска работы и подходящим размером оплаты труда (медианное значение)

Table 2

Unemployed respondents with different job search duration and acceptable wage (median)

Длительность поиска работы	Доля в составе безработных респондентов, %	Минимальная заработная плата, на которую готовы согласиться, тыс. рублей	Сумма, с которой начинается достойный размер оплаты труда, тыс. рублей
до 1 месяца	16,2	35,6	42,2
от 1 до 3 месяцев	20,3	38,7	46,7
от 3 до 6 месяцев	22,1	34,6	41,6
от 6 до 12 месяцев	20,3	36,5	46,1
1 год и более	21,1	33,1	41,2
Итого	100,0	35,9	43,8

Источник: рассчитано по материалам анкетного опроса в Москве в 2017 г. (ИСЭПН РАН).

В таблице 2 показано, как менялись зарплатные ожидания у безработных в зависимости от срока поиска ими работы. Проверка различий с помощью непараметрического критерия Краскела-Уоллиса подтвердила их статистическую значимость. Как видно, имеет место определенная траектория, которую можно проследить по соответствующим медианным значениям подходящей заработной платы. В отношении минимальной и достойной зарплаты изменения носили схожий характер, что свидетельствует о тесной связи представлений респондентов о стандартах достойного уровня и качества жизни и их минимальных притязаний.

В составе «краткосрочников» (до 3-х месяцев поиска), составлявших 36,5% респондентов, выделялись две группы, различавшиеся зарплатными установками: у только начавших поиск работы (не более месяца) уровень запросов был ниже, а у безработных от 1 до 3-х месяцев, напротив, выше. Переход от краткосрочных к более продолжительным формам незанятости сопровождался снижением зарплатных ожиданий, за исключением периода незанятости от полугода до года, когда наблюдалось, напротив, некоторое повышение уровня приемлемой заработной платы. У тех, кто пытались найти ра-

боту более года, требования к оплате труда становились предельно низкими.

Помимо общей динамики, важно оценить эти сдвиги с учетом воспроизводственной функции заработной платы. Поэтому минимальная оплата труда, на которую респондент готов согласиться, была пересчитана исходя из официального минимального размера оплаты труда (МРОТ), составлявшего на момент анкетного опроса 17561 рублей⁶. Установленная минимальная заработная плата в Москве соответствовала 107,5% регионального прожиточного минимума в расчете на душу населения (16426 рублей) и 94,2% трудоспособного (18742 рублей). Выяснилось, что 2/3 безработных респондентов ориентировались на зарплату в диапазоне от 1,5 до 3 МРОТ, а именно от 26,3 до 52,7 тыс. рублей (табл. 3).

Исходя из полученных результатов, можно говорить о ряде характерных тенденций. Группа с доминирующими зарплатными платами в размере от 1,5 до 3 МРОТ с увеличением длительности поиска расширялась: с 58–64% искавших работу в пределах трех месяцев до почти 3/4 безработных от полугода до года, а среди незанятых более года таковых было 70%.

⁶ Труд и занятость населения Москвы. 2017 г.: Статистический сборник. — М.: Департамент труда и социальной защиты населения города Москвы, 2018. — 105 с. — С. 73–78.

Таблица 3

Безработные респонденты с разной длительностью поиска работы и размером оплаты труда, на который готовы согласиться, %

Table 3

Unemployed respondents with different job search duration and acceptable wage, %

Длительность поиска работы	Зароботная плата, на которую готовы согласиться, из расчета МРОТ				Итого
	до 1,5	1,5–2	2–3	3 и более	
до 1 месяца	22,2	30,7	26,8	20,3	100
от 1 до 3 месяцев	14,1	30,9	32,7	22,3	100
от 3 до 6 месяцев	22,9	34,6	33,2	9,3	100
от 6 до 12 месяцев	15,8	35,7	38,8	9,7	100
1 год и более	22,7	35,5	34,5	7,3	100
Итого	19,5	33,6	33,5	13,4	100

Источник: рассчитано по материалам анкетного опроса в Москве в 2017 г. (ИСЭПН РАН).

То есть зарплатные ожидания в ходе поиска работы все больше концентрировались в диапазоне от 1,5 до 3 МРОТ. В то же время сдвиги, происходившие в крайних группах, а именно с наиболее низкими (до 1,5 МРОТ) и наиболее высокими запросами (3 и более МРОТ), напротив, носили разноплановый характер.

Сначала о тех, у кого планка приемлемой зарплаты превышала 3 МРОТ. Спустя 3 месяца поиска их доля резко сократилась с 20–22% до 9–10% и, продолжая снижаться, среди «долгосрочников» составила лишь 7%. То есть число безработных, ориентировавшихся на высокооплачиваемую работу, сократилось в 3 раза.

Контингент с установками до 1,5 МРОТ отличался наибольшей подвижностью: число согласных на малооплачиваемую работу в отдельные периоды составляло 22–23%, в другие – лишь 14–16%. Такая цикличность говорит о снижении уровня запросов части безработных, с одной стороны, в связи со сроками положенных социальных выплат и предоставления другого рода льгот; с другой, из-за нарастания проблем с трудоустройством. Так, сопоставление двух групп респондентов, примерно одинаковых по количеству, но находившихся в начале поиска работы и «долгосрочников», показало их существенно разный качественный состав. Если в первой группе (искавших работу не более месяца) 43% респондентов имели возраст до

30 лет и только 18% были старше 45 лет, то во второй группе (без работы более года) молодежи было лишь 13%, а старше 45 лет, напротив – 52%. В первом случае треть не имела профессионального образования, 36% имели начальное и среднее специальное образование и 30% закончили вузы. Во втором же случае, без профессионального образования было только 15%, а большинство имели его, в том числе 41% – начальное и среднее, а 44% – высшее. При этом не готовы были переквалифицироваться только 24% «сверхсрочников», а среди «долгосрочников» – 40%. Таким образом, по мере увеличения длительности поиска работы в составе согласных на низкооплачиваемый труд «оседали» респонденты старших возрастов, имевшие профессиональное образование, в значительной мере высшее, слабо заинтересованные в смене специальности. Это свидетельствовало, по большей части, о структурном характере их безработицы.

Устанавливая тот или иной уровень приемлемой зарплаты, соискатели оценивают как выгоды, так и издержки затягивания поиска работы. Эти издержки включают не только прямые расходы (непосредственно связанные с поиском работы), но и неполученный возможный доход, а также риски нарастания отказов работодателей, привыкания к низкому уровню жизни и тому подобное. Теоретически оптимальным считается поиск работы до

тех пор, пока предельная выгода от поиска (ожидаемая ставка заработной платы при выходе на работу) не станет равной предельным издержкам на его проведение [8]. Можно сделать вывод, что значительной части готовых работать за зарплату до 1,5 МРОТ, то есть остро нуждавшихся в работе (а, следовательно, и в доходе), выплаты пособия были важны для семейного бюджета, но недостаточны. По данным Мосгорстата средний размер начисленного пособия по безработице в 2017 г. был 3136,6 рублей⁷, составив только 17,3% прожиточного минимума трудоспособного населения и 66,8% минимального набора продуктов питания. Поскольку выплаты не обеспечивали в должной мере социальную защиту, это вынуждало занижать требования, соглашаясь и на малоквалифицированный труд (или работу

не по специальности). Поэтому 1/5 искавших работу не более месяца готова была согласиться на любую предложенную работу, в то время как среди категорий респондентов с более длительным периодом поиска таковых было значительно меньше (10–12%).

К тому же на начальном этапе соискатели недостаточно осведомлены о вариантах трудоустройства, и, соответственно, предложениях о заработной плате на вакантных рабочих местах. Из таблицы 4 видно, что более половины «новичков» с вакансиями еще не ознакомились, поэтому среди них значительное число претендовало не только на оплату труда до 1,5 МРОТ, но и на высокую зарплату. Таким образом, по мере роста информированности о ситуации на рынке труда, контролируемого городской службой занятости, и понимания разброса зарплат по предлагаемым вакансиям, происходила коррекция зарплатных ожиданий безработных.

⁷ Труд и занятость населения Москвы. 2017: Статистический сборник. — М.: Департамент труда и социальной защиты населения города Москвы, 2018. — 105 с. — С. 54.

Таблица 4

Безработные респонденты с разной длительностью поиска работы и оценками соответствия предлагаемой работы специальности, %

Table 4

Unemployed respondents with different job search duration and compliance of the proposed work with specialty, %

Длительность поиска работы	Соответствие предлагаемой работы специальности			Итого
	соответствует (полностью или частично)	не соответствует	еще не предлагали	
до 1 месяца	34,0	14,7	51,3	100
от 1 до 3 месяцев	52,6	40,2	7,2	100
от 3 до 6 месяцев	55,1	38,8	6,1	100
от 6 до 12 месяцев	61,2	33,2	5,6	100
1 год и более	52,4	43,3	4,3	100
Итого	52,0	35,1	12,9	100

Источник: рассчитано по материалам анкетного опроса в Москве в 2017 г. (ИСЭПН РАН).

Другой вопрос — качественная сторона предлагавшихся вакансий. Как оказалось, значительное их число не соответствовало квалификации безработных, а среди «долгосрочников» на это указав-

ли 43% опрошенных. Выяснилось также, что в числе согласных на малооплачиваемое рабочее место 36% были готовы работать по другой или любой специальности (а 64% только по своей или смежным), но

среди искавших вакансию с высокой зарплатой 93% были не готовы жертвовать квалификацией. Ведь именно работу по

специальности или близкую к ней респонденты связывали с получением более высокой оплаты труда (рис. 1).

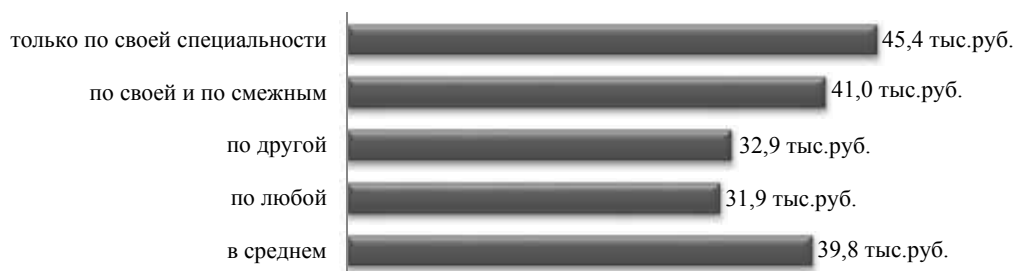

Рис. 1. Приемлемая заработная плата в зависимости от специальности, по которой респонденты согласны работать, среднее по группе

Fig. 1. Acceptable wage depending on the specialty in which respondents agree to work, group average
Источник: рассчитано по материалам анкетного опроса в Москве в 2017 г. (ИСЭПН РАН).

Из рисунка 1 видно, что в случае согласия на несоответствующую профессиональному статусу работу, респонденты пересматривали и уровень приемлемой зарплаты, что обесценивало ожидания на 28–30%. Поэтому трудоустройство не по специальности в понимании респондентов означало не только сокращение возможностей реализовать свой трудовой потенциал, но и получить выгодное предложение в плане заработка. Хотя более высокая первоначальная заработная плата и предполагает готовность соискателя к более длительному периоду поиска подходящей вакансии, но, как видно, далеко немногие, обратившиеся в службу занятости, придерживались такой стратегии.

Среди экономистов распространена точка зрения, что нежелание безработных идти на низкооплачиваемую работу вызвано их чувством собственного достоинства (статусом, положением в обществе), что затягивает поиск работы. Полученные результаты подтверждают, что имеется тесная связь между квалификационно-должностным статусом на прежней работе и зарплатными ожиданиями респондентов, но значимых различий в сроках поиска работы (в частности длительного «зависания» в положении безработного) среди руководителей и специ-

алистов высшей квалификации в целом выявлено не было.

В отношении государственной службы занятости можно говорить о наличии в составе зарегистрированных безработных некоторого «балласта», по факту поиском работы не занимавшихся, но по тем или иным причинам заинтересованных в регистрации. Искусственно «зависая» в статусе безработных, они получали положенные по закону выплаты, субсидии; работали неформально, но им засчитывался стаж работы; инвалиды трудоспособных групп сохраняли региональные доплаты и так далее. По свидетельству экспертов-работников службы занятости данный контингент «профессиональных безработных» был небольшим, тем не менее затруднял их работу, поскольку их отказы при направлении на конкретные рабочие места портили репутацию государственной службы занятости в глазах работодателей. Но данный вопрос выходит за рамки статьи и является предметом специального исследования.

Сложность ситуации с поиском подходящей работы скорее связана с весьма ограниченным диапазоном вакансий в распоряжении службы занятости, поскольку при наборе персонала на высокооплачиваемые должности работодатели

либо не испытывали проблем, либо предпочитали искать претендентов по иным каналам. На конец 2017 г. половину вакансий в Москве составляли рабочие профессии, и главный вопрос — уровень оплаты труда на них.

Только 2% опрошенных считали заработную плату на предлагаемых службой занятости рабочих местах достойной, 20% вполне приемлемой, а большинство (52%) полагали, что она низкая, еще 25% оценивали ее как неприемлемо низкую. Из рисунка 2 видно, что ориентация безработных респондентов на тот или иной уровень оплаты труда тесно связана с оценкой тех вакансий, которые им предлагались службой занятости.

Чем выше зарплатные ожидания респондентов, тем менее подходящими были для них предлагаемые вакансии. Для сравнения, только 13,5% ориентирова-

шихся на низкую заработную плату оценивали ее как абсолютно неприемлемую, а среди респондентов, чьи запросы превышали 3 МРОТ, таковых было 46,8%, то есть в 3,5 раза больше. В связи с этим, казалось бы, среди «долгосрочников» должна расти доля тех, у кого наиболее высокие требования, поскольку имеющиеся вакансии их не удовлетворяли. Но доля таковых, напротив, падала (см. табл. 3). Таким образом, с нарастанием длительности безрезультатного трудоустройства, взгляды респондентов на качество вакансий, а вместе с ними и на приемлемую оплату труда пересматривались в сторону снижения. Поэтому в данном случае верна точка зрения специалистов, полагающих, что когда шансы быть приглашенным на работу снижаются, безработный становится менее разборчивым [9].

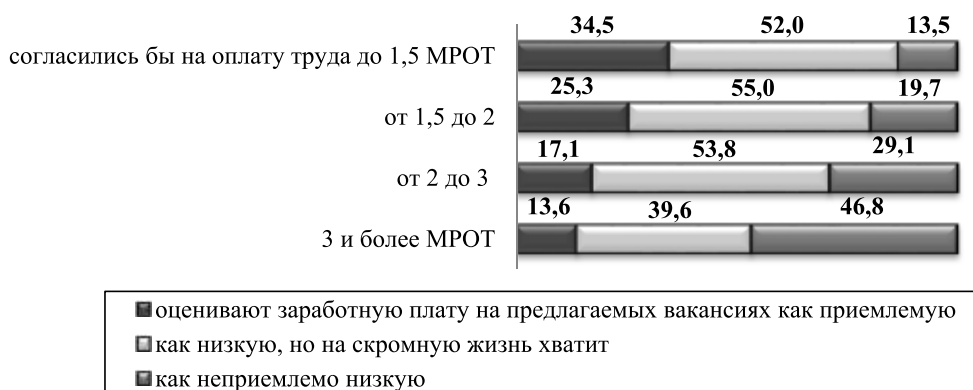

Рис. 2. Мнение безработных респондентов о предлагаемых вакансиях в зависимости от приемлемой заработной платы, % по группе

Fig. 2. Opinion of unemployed respondents on the offered vacancies depending on the acceptable wage, % for group

Источник: рассчитано по материалам анкетного опроса в Москве в 2017 г. (ИСЭПН РАН).

Согласно ответам респондентов на вопрос о том, что мешало их трудоустройству, недостаток опыта по мере увеличения продолжительности поиска работы сохранял актуальность, при этом росло число тех, кого не брали из-за возраста, наличия детей дошкольного возраста и особенно в связи со здоровьем. Респон-

денты соотносили способность полноценно работать с возможным заработком. В итоге зарплатные ожидания у респондентов с плохим здоровьем составляли только 2/3 уровня тех, кто оценили его как отличное (рис. 3).

Имевшие отличное или хорошее здоровье быстрее трудоустраивались. Так, сре-

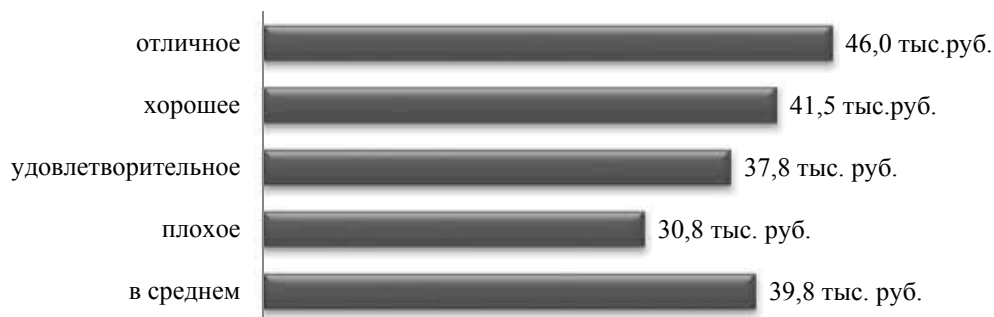

Рис. 3. Приемлемая заработная плата в зависимости от состояния здоровья безработных респондентов, среднее по группе

Fig. 3. Acceptable wage depending on the health status of unemployed respondents, group average

Источник: рассчитано по материалам анкетного опроса в Москве в 2017 г. (ИСЭПН РАН).

ди искавших работу в течение месяца таковых было 61%, их доля в составе не занятых от 1 месяца до года 52–54%, а среди безработных более года — только 40%. Таким образом, по мере затягивания поиска работы, возрастала численность тех, у кого были проблемы со здоровьем. Данный факт объясняется относительно большим числом среди «долгосрочников» людей с инвалидностью, справками об ограничении трудоспособности и в целом людей более старших возрастов, которых работодатели не спешили брать на работу.

В научных и политических кругах идет дискуссия относительно сроков поиска работы. Наиболее популярная позиция —

необходимо максимально сокращать длительность безработицы. С другой точки зрения, более продолжительный поиск работы дает возможность обеспечить лучшее соответствие работников предлагаемой работе, а значит и более эффективное использование трудовых ресурсов [10. С. 187]. Государственная служба занятости, к содействию которой обращаются по большей части менее защищенные категории безработных на рынке труда, пытается урегулировать их запросы и интересы работодателей. Однако при выработке оптимальной стратегии поиска работы в связи с дефицитностью подходящих мест работы и рисков отказов работодателей зарплатные ожидания безработные корректируют в сторону более низких притязаний.

Литература и Интернет источники

1. **Соболева И. В.** Воспроизводственная функция зарплаты и трудовая мотивация в современной России // Вопросы политической экономии. – 2019. – № 3. – С. 95–104.
2. **Эренберг Р. Дж., Смит Р. С.** Современная экономика труда. Теория и государственная политика. – М.: Издательство МГУ, 1996. – 800 с.
3. **McCall J. J.** Economics of information and job search. Quarterly Journal of Economics. 1970. Vol. 84. No. 1. P. 113–126.
4. **Kiefer N., Neumann G.** An empirical job search with a test of the constant reservation wage hypothesis. Journal of Political Economy. 1979. Vol. 87 (I). P. 68–82.
5. **Капелюшников Р. И., Лукьянова А. Н.** Парадоксы формирования резервной заработной платы на российском рынке труда. Часть 1 и 2 // Вопросы экономики. – 2016. – № 8. – С. 5–27. DOI:10.32609/0042–8736–2016–8–5–27; № 9. С. 94–110. DOI:10.32609/0042–8736–2016–9–94–110

6. **Salas-Velasco M.** The transition from higher education to employment in Europe: The analysis of the time to obtain the first job. Higher education. Dordrecht. 2007. Vol. 54. No. 3. P. 333–360.
7. Проблемы трудоустройства слабозащищенных слоев населения в Москве / под науч. ред. А. В. Ярашевой. — М.: Акварель, 2017. — 252 с.
8. **Stigler G. J.** Information in the labor market. Journal of Political Economy. 1962. Vol. 70. No. 5. P. 94–105.
9. **Lippman S., McCall J.** The economics of job search: a survey, Parts I and II. Economic Inquiry. 1976. Vol. 14(2). P. 155–189; Vol. 14(3). P. 347–368.
10. **Sinclair P.** Unemployment: Economic Theory and Evidence. Oxford: Basil Blackwell. 1987. 312 p.

Сведения об авторе:

Коленникова Ольга Александровна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: kolennikova@mail.ru; ORCID: 0000-0002-0138-6115.

DOI:10.19181/population.2020.23.3.15

JOB SEARCH DURATION AND WAGE EXPECTATIONS OF THE UNEMPLOYED

Olga A. Kolennikova

*Institute of Socio-Economic Studies of Population, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences
(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russian Federation, 117218)*

E-mail: kolennikova@mail.ru

For citation:

Kolennikova O. A. Job search duration and wage expectations of the unemployed. Narodonaselenie [Population]. 2020. Vol. 23. No. 3. P. 169–181. DOI: 10.19181/population.2020.23.3.15 (in Russ.)

Abstract: *Unemployed people have different job opportunities. The article examines how job seekers form their wage expectations. The information base of the article was the data of a questionnaire survey of job seekers who applied for assistance to the Moscow State Employment Service, carried out in 2017. Two types of work remuneration settings of the unemployed were studied: first, the minimum wage offered by the employment service that they are ready to accept, and second, a decent wage. The wage expectations of the unemployed were studied in two ways. Firstly, the trajectory change over the duration of job search was examined. Secondly, the shifts were assessed with the account of the reproductive function of wage. It was found out that 2/3 of the respondents focused on the wages within the range from 1.5 to 3 of the official minimum wage, and as the search was dragging on, their expectations were concentrated in this range. The number of people looking for a well-paid job for more than a year decreased by 3 times in comparison with those who have just started job seeking. The contingent of the unemployed who agreed to low-paying jobs was characterized by a high mobility and changing qualitative composition. The factors affecting the changes in attitudes to wage were assessed. Low social benefits forced job-seekers to agree to unskilled labor or non-occupational work, which led to depreciation of the wage expectations. Growing awareness of the situation on the labor market, controlled by the state employment service, also contributed to their correction. The unemployed, developing optimal job search strategies in the face of a shortage of*

vacancies with decent wages and rejections from employers, adjusted their expectations towards lower claims.

Keywords: *unemployment, job search, reservation wage, salary, social security, State employment service.*

References and Internet sources

1. Soboleva I. V. Vosproizvodstvennaya funkciya zarplaty i trudovaya motivaciya v sovremennoj Rossii [Reproduction function of wages and labor motivation in modern Russia]. *Voprosy politicheskoy ekonomii [Issues of Political Economy]*. 2019. No. 3. P. 95–104. (in Russ.)
2. Erenberg R. Dzh., Smit R. S. Sovremennaya ekonomika truda. Teoriya i gosudarstvennaya politika [Modern Labor Economics. Theory and Public Policy]. Moscow. MGU [Moscow State University]. 1996. 800 p. (in Russ.)
3. McCall J. J. Economics of information and job search. *Quarterly Journal of Economics*. 1970. Vol. 84. No. 1. P. 113–126.
4. Kiefer N., Neumann G. An empirical job search with a test of the constant reservation wage hypothesis. *Journal of Political Economy*. 1979. Vol. 87 (1). P. 68–82.
5. Kapelyushnikov R. I., Luk'yanova A. N. Paradoksy formirovaniya rezervnoj zarabotnoj platy na rossijskom rynke truda [Paradoxes of reservation wage setting in the Russian labor market]. Parts I and II. *Voprosy ekonomiki. [Economic Studies]*. 2016. No 8. P. 5–27. DOI: 10.32609/0042–8736–2016–8–5–27; No. 9. P. 94–110. DOI: 10.32609/0042–8736–2016–9–94–110 (in Russ.)
6. Salas-Velasco M. The transition from higher education to employment in Europe: The analysis of the time to obtain the first job. *Higher Education*. Dordrecht etc. 2007. Vol. 54. No. 3. P. 333–360.
7. Problemy trudoustrojstva slabozashchishchennyh slojov naseleniya v Moskve [Problems of Employment of Vulnerable Groups of Population in Moscow]. Ed. A. V. Yarasheva. Moscow. Akvarel. 2017. 252 p. (in Russ.)
8. Stigler G. J. Information in the labor market. *Journal of Political Economy*. 1962. Vol. 70. No. 5. P. 94–105.
9. Lippman S., McCall J. The economics of job search: a survey. Parts I and II. *Economic Inquiry*. 1976. Vol. 14 (2). P. 155–189; Vol. 14 (3). P. 347–368.
10. Sinclair P. *Unemployment: Economic Theory and Evidence*. Oxford. Basil Blackwell. 1987. 312 p.

Information about the author:

Kolennikova Olga Alexandrovna, Cand. Sn. (Econ.), Senior Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS, Moscow, Russian Federation.
Contact information: e-mail: kolennikova@mail.ru; ORCID: 0000–0002–0138–6115.

Статья поступила в редакцию 24.05.2020.

Материал пересылается в формате Word по электронной почте ответственному секретарю журнала – <isesp-population@yandex.ru>. Формат страницы – А4. Текст должен быть набран шрифтом Times New Roman, кегль 12, междустрочный интервал 1,5. Рисунки и схемы выполняются в черно-белом цвете и дополнительно предоставляются в отдельных файлах в форматах JPEG, PDF и в исходном формате. Названия таблиц и рисунков даются на русском и английском языках. Под таблицами и рисунками указывается источник информации. Список литературы формируется в порядке упоминания в тексте и приводится после текста статьи. Ссылки в тексте на источники в списке литературы даются в квадратных скобках (напр., [5. С. 8]), а на нормативно-правовые документы и статистические материалы – в виде подстрочной ссылки внизу страницы. Общий объем материала от 0,5 до 1,0 п.л.

Для статей обязательны:

- наличие аннотации, ключевых слов, и пристатейного списка литературы, оформленного по ГОСТ 7.1–2003. № 332-ст «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления» введены Постановлением Г осстандарта РФ от 25 ноября 2003 г.;
- сквозная нумерация таблиц, рисунков, схем, подстрочных ссылок, математических формул;
- в начале каждой статьи после её названия необходимо указывать фамилии авторов/автора статьи, ученую степень, место и почтовый адрес работы, ORCID, Researcher ID WoS, электронные адреса;
- аннотация и ключевые слова на русском языке приводятся перед текстом статьи;
- список литературы на русском языке и другие источники информации приводятся после текста статьи;
- название статьи; имена и фамилии авторов/автора, аннотация, ключевые слова, список литературы на английском языке приводятся после списка литературы на русском языке;
- в конце статьи приводится подробная информация об авторах статьи на английском языке – имена и фамилии авторов, учёная степень, должность и место работы, ORCID, Researcher ID WoS, электронные адреса.

Требования к написанию аннотаций

Аннотация на русском языке должна быть:

- информативной (не содержать общих слов)
- отражать основное содержание статьи и результаты исследований. Предмет, тема, цель работы указывается в том случае, если они не ясны из заглавия статьи;
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);
- объём текста должен включать от 200 (минимум) до 250 слов.

Аннотация на статью на английском языке по объёму может быть больше аннотации на русском, не быть калькой русскоязычной аннотации.

Требования к переводу на английский язык пристатейного списка литературы

В зарубежных стандартах в библиографических записях не используются разделительные знаки, применяемые в российском ГОСТе («//» и «-»). Название книги и журнала/газеты отделяются от Ф.И.О. авторов и заглавия статьи типом шрифта и точкой. Для изданий не на английском языке делаются и перевод, и транслитерация. При ссылке на книжные издания названия издательства, организации и города (места издания) приводятся полностью. Обязательно указание диапазона страниц при описании статей в журналах или сборниках и общего количества страниц – в книжных изданиях. В конце неанглоязычных публикаций в скобках указывается язык, для русскоязычных: (in Russ.). Статьи из электронных источников описываются аналогично печатным изданиям с дополнением данных об адресе и дате доступа.

Примеры:

1. Yarygina T. Bednost' v bogatoy Rossii [Poverty in rich Russia]. Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Modern World]. 1994. No. 2. P. 25–35. (in Russ.)
2. Sarkisyan G. S., Kuznetsova N. P. Potrebnosti i dohod sem'i [Family Needs and Income]. Moscow. Ekonomika. [Economics] 1967. 178 p. (in Russ.)
3. Stepukhina I. L. Formirovaniye regionalnoy sistemy upravleniya obnovleniyem gorodskoy zhiloy zastroyki. [Formation of the regional system of management of the city housing stock renovation]. Arkhangelsk. 2009. 184 p. Available at: <https://dlib.rsl.ru/01004325199> (Accessed: 18 May 2019). (in Russ.)

Требования к формулам:

- формулы должны быть набраны в формульном редакторе Word;
- после формулы ставится запятая, со следующей строки с абзаца после слова «где» расшифровка символов формулы в том порядке, в котором они идут в формуле; единицы измерения обязательны. Расшифровка дается в строчку;
- греческие буквы набирают прямым шрифтом, латинские – курсивом;
- перенос формул следует делать на знаках равенства и соотношения между левой и правой частями формулы, знаках сложения и вычитания, на знаке умножения применением косого креста (x) в конце одной строки и в начале следующей строки;
- знак умножения между буквенными символами не ставится ($A = be$), а между числами ставят точку по центру строки ($5 \cdot 30$);
- единицы измерения физических величин приводятся в системе СИ и отделяются от значения одним пробелом (12,87 мм, 58 Дж/моль), за исключением градусов и процентов (90° , 20°C , 50%);
- в качестве десятичного знака в формуле используется запятая (например: 14,67).

Все статьи проходят рецензирование. Результаты рецензирования и решение редколлегии о принятии представленной статьи к публикации сообщаются авторам.

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС

журнала **НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ** в Роспечати: 79183
ISSN 1561-7785